

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

4
1966

УРАЛЬСКИЙ Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР,
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И
ФАНТАСТИКА

О ГЕРОЯХ -
ЗЕМЛЯКАХ

РАССКАЗЫ
БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

МЕЧТЫ
СОВРЕМЕННИКОВ

УРАЛ
ВЧЕРА
СЕГОДНЯ
ЗАВТРА

ЗАИНТЕРЕСНОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ

КОРОТКИЕ
РАССКАЗЫ

Следопытские
Д. Е. Л. Я

ВЕНОК СОНЕТОВ

Ник. МЕРЕЖНИКОВ

*Венок сонетов—
Ильичу венок.*

Полозьев скрип. В лицо — погода злая.
— Брось бунтовать! Перед тобой — стена.
— Стена! И что же!
Ветхая, гнилая...
Толкни сильнее — и свалится она.

А там — не устоять и самой крепкой.
И рухнет за стеной еще стена...
Рука с простой, привычно сжатой кепкой
Со всех путей истории видна.

Наш страдный путь могилами
исхоплен.
Но жизни смысл — он кроется не
в том ли,
Чтоб рушить стены, отворяя свет!

Мы тянем руки в будущее:
— Здравствуй!
И там свои прокладываем трассы,
Где был тобой проложен первый след.

1

Полозьев скрип. В лицо — погода злая.
Картель из-под копыт коренника...
А над пургой, тебя благославляя,
Тянулась материнская рука.

Давно ли Саше, старшему,—

давно ли

Сказала мать в его предсмертный час:
— Мужайся, сын!..

Невысказанной болью
Легли морщинки горько возле глаз.

И вот орел тебя уже сграбастал,
Орел двуглавый...
Тень его крыла
Опять на сердце матери легла.
Но мать крепится...

Дюжий, кадыкастый,
Тебе внушает пристав:

Рисунки Н. Мооса

— Жизнь — одна.
Брось бунтовать! Перед тобой — стена.

2

— Брось бунтовать! Перед тобой — стена.
...Стена! И ты нахмурился, Володя.
На кладбище, на Пер-Лашез она,
В свинцовых метях, в охристых развоях.

А стены шлссельбургские!
В петле
Там, в этих стенах, задохнулся Саша.
Повсюду — стены, стены на земле.
Страна — застенки. Питный двор
монарший.

В застенке разум, и в застенке честь.
В застенке — все святое, что ни есть.
И стынет жизнь, как будто нежилая.

Но нет тех стен, чтоб выдержали приступ.
Как от озноба, вздрагивает пристав.
— Стена! И что же!
Ветхая, гнилая...

3

— Стена! И что же!
Ветхая, гнилая...
Лишь только с виду кажется прочна.
...А спелый снег летел от сна до сна,
От дыма к дыму и от лая к лаю.

Россия! Белостволая страна.
Россия! Синерекая Россия.
Сегодня ты терпением сильна
И стынут на тебе рубцы косые.

Но Волга
Сквозь Россию, сквозь народ
Не зря проходит, словно шнур
бикфордов.

И день придет! Она взломает лед.
Она взорвет терпенье и покорность.
И что тогда какая-то стена!
Толкни сильнее — и свалится она.

4

Толкни сильней — и свалится она.
Сметет ее напор тысячеплечий...
Но этот день пока еще далече,
И эта даль чуть брезжит, чуть видна.

Все будет — жизнь в сибирском далеке,
Скитания по далям эмиграций.
И — путь на головном броневике,
Что загремит по плитам петроградским.

И будет Смольный, большевистский штаб,
И коммунизма молодая пристань,
И в пулеметных всполохах Октябрь,
Твоей рукою поднятый на приступ.

И свалится стена — в обломки, в щепки!
А там — не устоять и самой крепкой.

5

А там — не устоять и самой крепкой,
Защите обывателей, мещан.
Религия — ее каменье скрепы,
Каменья эти — страх, корысть, обман.

Ее веками люди воздвигали.
И впитывались пот и кровь в нее.
На разных языках на ней писали
Одну и ту же вывеску:
— Мое!

— Мое! — ложились межи и границы.
— Мое! — гремели грузные замки.
Жить в одиночку! Люди — островки.
Всяк для себя! От всех отгородиться!

Но поступь Революции сильна —
И рухнет за стеной еще стена...

6

И рухнет за стеной еще стена.
Но скольким из грядущих поколений
Кровавить руки, души о каменья,
Которые оставит им она.

И сколько предстоит им расчищать
От тех камней, от грязи и обломков
Лицо земли своей за пядью пядь,
Чтоб ни одной душе не жить в потемках!

Им будет трудно, так же, как и нам.
Но стоит взять им в руки книгу «Ленин», —
Как отойдут и робость и сомненье
И остроты прибавится глазам.

И путь укажет им от века к веку
Рука с простой, привычно сжатой кепкой.

7

Рука с простой, привычно сжатой кепкой,
Летящая над шелестом знаменным,
Поможет победить разъединенность
Грядущего и нынешнего века.

Чтобы не стены строить, а мосты.
И гать гатить, и перебросить сходи
От сердца — к сердцу,
К яви — от мечты,
Из «будет» — в «есть»,
И в завтра — из сегодня.

И слитность судеб всех людей труда
Все явственнее будет ощущаться.
Нет, человек — не остров!
Он — звезда
В созвездье человеческого братства.

Гори, звезда!
Свети, чиста, ясна! —
Со всех путей истории видна.

8

Со всех путей истории видна
Россия на крутом октябрьском гребне:
Кирка — в руках,
А за ремнем — учебник.
Счастлива.

Осиянна.
Голодна.

Ковать ли плуг, за плугом ли шагать,
Свет высекать из рек—и строить, строить!
Тебе в своих ладонях ощущать
России нетерпенье трудовое.

Не жадность, не нажива, не барыш
Сведут людей к машинам и арыкам.
В субботнике ты зорко разглядишь
Почин —

и назовешь его великим.

И сам плечо натрудишь грузным комлем...
Наш страданный путь могилами исхоплен.

9

Наш страданный путь могилами исхоплен.
Почиют те, чей трудный долг исполнен.

Но Ленинская гвардия жива.
И ветер века знамя морщит в складки..
Как высоко —

по плечи синева! —
Встает Россия Ильичевой кладки.

И снег летит сквозь мерный гул ракет
От флага к флагу и от света к свету.
И стен уже таких на свете нет,
Чтоб заслонить от нас дорогу эту.

И в звездный мир, манящий и огромный,
Людская мысль уже вознесена.
Так рухнула еще одна стена.
И жизни смысл—он кроется не в том ли?

10

И жизни смысл — он кроется не в том ли,
Чтоб тот почин великий не затих
И чтоб, как ты, плечо держать под
комлем,—
Пускай полегче будет для других.

И стены меж людьми мы сносим прочь.
И если человек бедою сломлен,
Нас двести миллионов есть —
помочь! —

В родной своей стране, за рубежом ли.

Живем мы, дали превращая в близь,
Когда одной семьею станут люди.
Нас всех связует

ленинская мысль —

И тех, кто есть,
И тех, кто был и будет.
Идут за нами поколения вслед,
Чтоб рушить стены, отворяя свет.

11

Чтоб рушить стены, отворяя свет,
И чтобы в мире трижды посветлело,
Идет тобою начатое дело,
Крутым плечом касается планет.

И новые сбегаются пути
К тому пути, что следом санним начат.
На всех материках — на всех пяти! —
Тот первый след в сердцах людских
означен.

Кремлевские часы на Спасской бьют.
И на земле вершатся перемены.
И страны с нами рядышком встают.
И — вековые оседают стены.

И вот, простор распахивая властно,
Мы руки тянем в будущее:
— Здравствуй!

12

Мы руки тянем в будущее:
— Здравствуй!
Какое ты! Яви свое лицо!
И кажется:

накинув пальтецо,
Ты к нам идешь, Ильич.
Идешь из завтра.

Оттуда ты, где ни одной межи
И где ничто людей не разделяет.

Моя Агидель

Интересными делами живет в эти дни наша Родина. Решения XXIII съезда КПСС словно включили могучие двигатели следующей ступени ракеты, и каждый город, каждый поселок выходят сейчас на орбиту высоких скоростей. Лишь электронно-счетной машине под силу усвоить весь поток цифр, сигнализирующих о том, что достигнуто в этом удивительном полете.

Описать все — просто невозможно. Мы попытаемся рассказать лишь об одной уральской стороне. Здесь много лет назад побывал Владимир Ильич Ленин. Здесь он встретился с Уралом — краем людей огненных профессий, удивительных умельцев, арсенальцев земли русской

Итак, в окулярах следопытского бинокля — Башкирия. Об этой республике сегодня рассказывают: писатель Рамиль Хакимов, секретарь Стерлитамакского горкома КПСС М. Минеев, профессор Г. Вахрушев, журналист Марсель Гафуров.

На карте контуры Башкирии похожи на рисунок человеческого сердца. На любой карте. А на гидрологической — тем более. На ней сравнение водных магистралей с артериями просто-таки неотразимо.

Главная река моей республики — Белая (по-башкирски Агидель) — проходит чуть ли не через всю Башкирию. Притоки Белой связывают ее со всеми уголками края. Потому слово об Агидели — это и слово о Башкирии.

Вы, наверно, обратили внимание на то, что разные участки рек отличаются друг от друга не только шириной, течением, берегами, но и характером. И не только характером, но и как бы возрастом.

Эти возрастные особенности Агидели проявляются очень отчетливо.

Такое чувство, что вот вытекла слабая струя из-под хребта Урал-Тау, по-младенчески неуверенно сделала первые шаги, подросла и побежала вприпрыжку девчонкой-хохотушкой по каменным ступеням Урала на равнину. Все на юг, на юг! Где-то у Белорецка, может чуть ниже, она вошла в девичью пору и понеслась дальше, увертываясь от назойливых рук прибрежных кустов.

Все к югу, к югу... Но у города Мелеуза вдруг круто повернула на север, враз переменялась и потекла совсем по-новому — неторопливо, степенно, отражая в своих ясных водах едва ли не всю равнинную Башкирию.

Здесь-то и видишь отчетливо, что именно ей предназначена судьба матери рек башкирских, судьба собирательницы башкирской земли.

И это так: она издавна могуче влияет на хозяйство республики, веками воспитывает в людях особое, с собою связанное чувство прекрасного, занимает (вместе с Уральскими горами) самое почетное место в творчестве народа.

Агидель — одна из основополагающих составных башкирского характера, башкирского самосознания. Она — прошлое, настоящее, будущее народа, судьба башкир. Она так же священна для них, как Волга для русских, Днепр для украинцев, Ганг для индийцев, Нил для египтян.

Много городов стоит на берегах Белой. А имя ее взял себе один, самый близкий к ее истокам, — Белорецк. Он возник в середине XVIII века.

Лежит город в котле, стены которого выложены уральским камнем. В этом котле издавна кипели страсти, не менее жаростные, чем огонь в печах местного металлургического комбината. Белорецкчане, не согласные с тяготами кабальной жизни, отливали пушки для пугачевского войска, не единожды выступали против угнетателей и позже. Здесь ковался характер башкирского пролетариата, отсюда на баржах шел — мимо белогвардейских кордонов — металл, предназначенный для изготовления оружия Красной Армии в годы гражданской войны. Белорецк стал главным отправным пунктом легендарного похода южноуральских партизан под командованием Блюхера.

Белорецк называют городом металлургов и сталепроволочников: недалеко от старинного металлургического комбината расположился завод, на котором делают проволоку, годную и для морских канатов и для часовых пружин. Оба предприятия стоят на берегу обширного пруда.

Излишки воды стекают по бревенчатому настилу, и Белая вновь обретает свое существо и имя. Дальше она течет по таким местам, где головы больше кружатся от красоты берегов, нежели от крутых поворотов, которым здесь нет числа. Чуть пониже Старо-Субханкулово путников ожидает настоящее чудо — Капова пещера.

Летом 1959 года возле пещеры я познакомился с человеком, чье имя ныне неразрывно связано с нею.

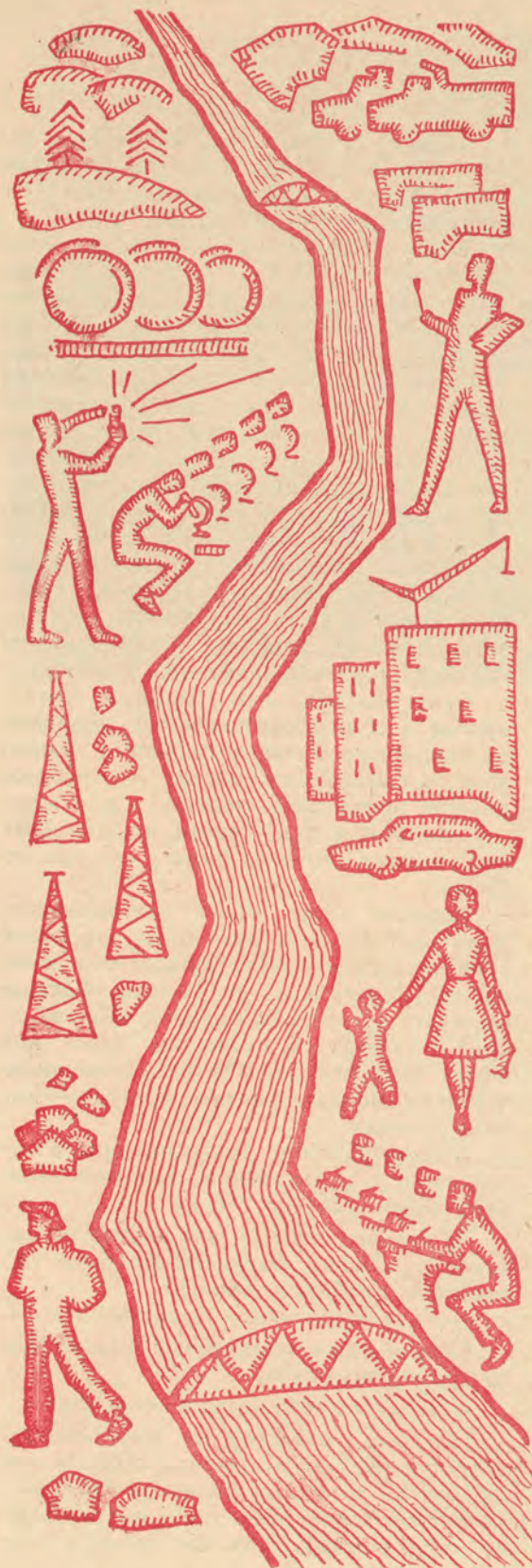
За худыми плечами его висело на бечевке ружьишко, бечевкой же были перевязаны разбитые тапочки.

— Рюмин, биолог, — представился он.

Впалые щеки, горячий блеск глаз, тонкие нервные губы...

— Я тут кое-что интересное нашел.

Так мне, первому из журналистов, представилась возможность сделать интервью об открытии рисунков человека каменного века. Ныне они известны всему миру, а тогда, семь лет назад, я гля-

дел то на снимки рисунков, то на первооткрывателя и с некоторой растерянностью слушал его откровения:

— Вначале я захотел найти рисунки, очень захотел, а потом нашел их... Я был уверен, что они должны быть здесь.

Ко времени первого знакомства с Каповой подземной галереей рисунков двадцатитысячелетней давности относится и мое путешествие по Прибельскому филиалу Башкирского заповедника, на территории которого расположена пещера. Хозяин этого уникального заведения в 27 тысяч гектаров великолепного южноуральского леса — не зверь, не птица, даже не рыба, а... насекомое. Пчела. Дикая пчела бурзянка.

Такое внимание бурзянке оказывается не только потому, что на земле почти не осталось диких пчел, но и потому, что она очень ценна по своим породным качествам: неприхотлива, зимостойка, собирает мед гораздо большее время, чем ее изнеженная родственница — домашняя пчела.

Такие встречи уготованы путешественнику там, где молодая Агидель несетя в заповедных, малонаселенных узких долинах Южного Урала.

Но вот она вырывается на равнину, и сразу же открываются места, где даже пейзаж — рукотворен. Хлебные поля и плантации сахарной свеклы, деревни и фермы при них, мачты высоковольтных линий и нефтяные вышки, трубы ТЭЦ и установки нефтехимических предприятий...

В этих местах сама река Белая становится как бы частью производственного пейзажа.

Здесь столько нефти, что она каплями пробивается сквозь дно и всплывает на воде радужными пятнами. В Белой отражаются строения едва ли не десятка городов — Мелеуза, Салавата, Ишимбая, Стерлитамака, Уфы, Благовещенска, Бирска. До самого устья идут владения нефтяников. Вокруг Ишимбая простираются первые башкирские промыслы, давшие в мае 1932 года начало Второму Баку, которое вот уже сколько лет остается главной нефтяной базой страны.

Здесь знаменитая скважина № 702 — прародительница башкирской нефти. Ее кличут «бабушкой». Но несмотря на свой пенсионный возраст, она продолжает трудиться.

Ишимбай вырос из старинного аула. Он рос в спешке, в трудные годы первых пятилеток. Потому рядом с новыми красивыми домами здесь много старых.

Иное дело Салават, которому едва перевалило за первый десяток лет. Все у него с иголочки: прямо в степь выходят новые многоэтажные дома. Здесь нет и намека на традиционные окраины.

В Салавате немало первоклассных предприятий, например, огромный завод технического стекла. Но главное в городе — нефтехимический комбинат.

И здесь мне хочется на примере только одной из служб большой химии Башкирии показать, что она значит ныне для республики.

Итак, служба большой химии «Урожай».

По инициативе салаватских инженеров на комбинате было организовано производство карбамида. Стоит им удобрить почву — намного увеличивается урожай.

На этом же комбинате получают полиэтилен. Пленка из него употребляется для защиты зерна от непогоды, заменяет дорогостоящие постоянные навесы.

На Уфимском химическом заводе первыми в стране стали выпускать гербициды — могучее средство защиты полезных растений от сорняков, которое к тому же способствует усиленному росту этих растений. В Уфе же, на заводе «Синтезспирт» нефтяной газ заменяет зерно при получении этилового спирта.

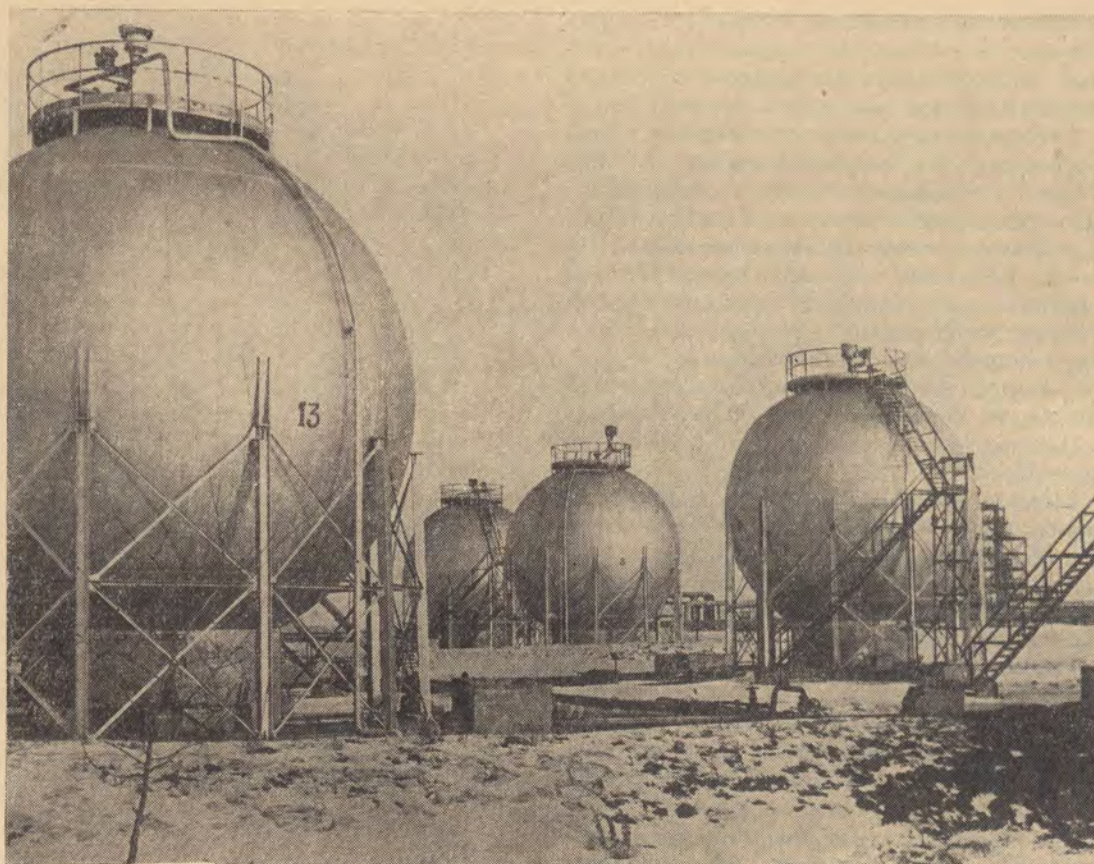
Во многих хозяйствах республики пользуются химической обработкой семян перед посевом.

Вот какая получается картина. Химия улучшает качество семян, помогает росту растений, защищает их от сорняков, увеличивает урожай, защищает хлеб от непогоды, экономит его — то есть на всех этапах возится с ним, как мать родная. А ведь это только часть того, что делает башкирская химия.

Стерлитамак — второй по величине и значению город республики. Нынче ему исполняется 200 лет. Над скопищем невзрачных халуп поднялись кварталы новых домов, которые сами по себе уже могут составить современный город.

В Стерлитамаке, как нигде, постигаешь смысл фразы: «Химия — вторая природа». Содово-цементный комбинат расположился недалеко от известковой горы Шах-тау. День за днем он грызет эту гору.

Пейзаж нефтехимии.

По канатной дороге размолотая порода доставляется к аппаратам, которые глотают ее, пережевывают, переваривают...

Сода Стерлитамака — самая дешевая и самая качественная в стране. Редкая отрасль промышленности обходится без нее. И вряд ли, разминая на ладони горсть этой соды, большинство из вас подумает, что она — часть горы, бывшая частица башкирского пейзажа.

Редкий уголок земли обладает такой нефтехимической «могучей кучкой»: Стерлитамак — Ишимбай — Салават.

И есть ли река, которой на таком небольшом участке приходилось бы питать водой столь могучий узел нефтяной, нефтеперерабатывающей, нефтехимической и просто химической промышленности?!

Воды Белой не хватает заводам.

Для того, чтобы «напоить» четыре южно-башкирских города, недалеко от

Мелеуза, на притоке Белой — Нугуше сооружается море.

Под самой Уфой Белая вбирает в себя два наиболее знаменитых своих притока — Уфу и Дему.

Столица Башкирии вытянулась с юга на север более чем на пятьдесят километров. Живет в ней около семисот тысяч человек — каждый пятый житель республики.

Уфа — самый старинный город на башкирской земле. С Белой хорошо виден монумент Дружбы, воздвигнутый в честь четырехсотлетия добровольного присоединения Башкирии к России. В те четырехвековой давности годы и было положено начало Уфе.

Много интересного может узнать здесь путешественник. На месте монумента раньше стоял собор. В подвалах его томились пугачевцы, национальный герой башкирского народа Салават Юлаев.

В Уфе родились и жили С. Т. Аксаков и М. В. Нестеров.

В 1897 году через Уфу в ссылку проехал В. И. Ленин, а в 1900 году он дважды останавливался здесь — возвращаясь из ссылки и перед отъездом за границу.

В 1919 году дивизия Василия Ивановича Чапаева штурмом взяла Уфу. И сегодня старые чапаевцы собираются у нас, чтобы вспомнить о славном герое гражданской войны.

Но как с тех пор изменилась Уфа! Когда-то за грязь ее называли «чертовой чернильницей». А теперь она превратилась в город вузов и театров, могучих заводов и чудесных дворцов, раздольных парков и обширных стадионов. В Уфе, между прочим, прописано несколько мировых рекордов, а уфимские мотогонщики из года в год завоевывают золотые медали по гонкам на гравевой дорожке, на льду и в мотокроссах.

От Уфы Белая катит воды по главным хлебным районам республики. Эти берега видел В. И. Ленин. В июне 1900 года он приплыл в Уфу на пароходе. Его сестра так описывала их путешествие: «Мы проводили все дни на палубе. Володя был в самом жизнерадостном настроении, с наслаждением вдыхал чудесный воздух с реки и окрестных лесов».

И сегодня путешествие по нижней Белой, прибегая к словам того же воспоминания, «дивно хорошо».

Последние районы, которые пересекает главная река Башкирии, — Дюртюлинский и Илишевский.

Эти передовые хлебные районы стремятся догнать и другие. Если республика восемь-десять лет назад продавала государству в год 30—40 миллионов пудов хлеба, то теперь ежегодно засыпает в закрома страны вдвое больше.

Дюртюли не избежали судьбы многих других поселков республики: и сюда пришли добытчики «черного золота».

Нефть северо-запада Башкирии занимает все большее место в балансе республики. За открытие и разработку Арланского месторождения группа нефтяников Башкирии была выдвинута на соискание Ленинской премии этого года.

Нефти и газа в Башкирии добывают все больше и больше. Нынче каждая пя-

тая тонна полученной в стране нефти — башкирская. До сего дня Башкирия занимает второе — после Татарии — место по добыче нефти, а по ее переработке не имеет себе равных в Европе и Азии.

Путешествие по Белой дает достаточно яркое представление о том, что такое современная Башкирия, на груди которой два ордена Ленина. И о горах, и о степях Башкирии, и о лесах, и о полях ее может рассказать красавица Агидель.

Но есть еще медные карьеры Сибая и Баймака, угольные разрезы Кумертау, самый мощный в стране Туймазинский нефтепромысел, цепь первоклассных санаториев и многое, многое другое.

Башкирский народ, полвека назад не знавший, что такое театр, музыка, живопись, обладает ныне высокоразвитой культурой.

Далеко за пределами республики известны книги Мустая Карима, Анвера Бикчентаева и других писателей; многие страны мира объездили солисты театра оперы и балета Гузель Сулейманова, Фаузи Саттаров и их товарищи из Ансамбля народного танца.

Башкирский народ, не имевший до революции своей письменности, живший в нищете и несправедливости, ныне посылает своих ученых, инженеров, рабочих в другие страны, где они лечат людей, строят заводы, ищут полезные ископаемые. Да и в самой Башкирии постоянно проходят стажировку люди из-за рубежа.

Я уже не говорю о том, что очень много самых различных изделий Башкирии расходуется по всем материкам земли. И это творит та самая Башкирия, главной статьей экспорта которой на пороге XX века были мед и мочало!

Да что там говорить! Нынче Башкирия производит в день столько, сколько производила накануне революции за год!

Максим Горький писал в свое время: «Там, на Белой, места такой красоты, ахнешь, сто раз ахнешь». Это справедливо и для нынешнего дня. Но если сейчас сто раз ахнешь по поводу красот природы, так уж тысячу раз — по поводу того, что за годы Советской власти сделали и делают на берегах Белой золотые руки трудящихся Башкирии.

Рамиль ХАКИМОВ

Дом-музей В. И. Ленина в Уфе.

И ПРИХОДИТ
СЮДА НАРОД...

Когда-то в Уфе, на углу улиц Тюремной и Жандармской, в небольшом доме с мезонином жил некий лесопромышленник. Может быть, кто из самых старых жителей города и помнит его фамилию, да только молодым уфимцам и в голову не приходит интересоваться этим. Они знают, что на перекрестке двух улиц, носящих ныне имена Достоевского и Крупской, есть маленький домик, который стал как бы центром города, притяга-

тельной силой для всех жителей и гостей Уфы.

Здесь приходят рабочие, студенты, школьники.

Здесь, в торжественной обстановке, юноши и девушки получают гордое звание — комсомолец.

Здесь малышам-октябрятам впервые повязывают красный галстук.

Здесь молодые солдаты принимают воинскую присягу.

Потому что дом с мезонином — это

Многое может рассказать ребятам старый коммунист Степан Иванович Ермилов. Еще бы — ведь он был участником революции, командовал батальоном в дивизии Чапаева, освобождал от белогвардейцев Уфу.

Впервые в музее Ильича.

музей Владимира Ильича Ленина. Потому что Ленин дважды, хотя и ненадолго, останавливался здесь. Первый раз — в начале 1900 года, возвращаясь из Шушенского; второй — в середине лета, когда он приезжал к Надежде Константиновне Крупской, отбывавшей в Уфе последний год своей ссылки.

...Три крошечные комнаты. Маленькая кровать, покрытая клетчатым пледом, стол и керосиновая лампа на нем, полочка с книгами Чернышевского, Белинского, Некрасова — вот, пожалуй, и вся обстановка мезонина, где жила Крупская. А внизу, на первом этаже, под стеклами витрин — документы, фотографии; на стенах — картины.

...Два коротких приезда. А сколько было сделано! Ведь именно здесь, в этом доме, Владимир Ильич вел беседы с уфимскими социал-демократами, именно здесь продолжал он обдумывать план создания и распространения «Искры». Короче говоря, здесь, в тесных комнатках маленького мезонина, билась громадная ленинская мысль.

И, конечно же, не случайно здесь ныне обосновался штаб старых большевиков-ленинцев, который ведет большую и плодотворную работу по воспитанию молодежи.

Ровно 25 лет прошло с тех пор, как по решению ЦК нашей партии был открыт музей Владимира Ильича Ленина в Уфе. Более миллиона людей побывало здесь. А сколько их придет еще.

Б. ШИГАЙКИН
Фото А. МУСИНА

ПРОСТАЯ СТРОКА

Оставив братишкам знакомые классы,
Мы к дальним зарницам искали тропу.
В пути мы учились за строчкою красной
Писать и вторую — простую — строку.

Была она мудрой, та строчка простая,
Была она трудной, вторая строка.
В страницу большую она выростала,
Когда привыкала к мозолям рука.

Ее мы писали, склоняясь над вагранкой,
Писали, рейсфедер и молот держа.
Крылатой мечтой и фантастикой яркой
Ложилась та строчка на лист чертежа.

А в мускулах наших ворочалась сила,
В металл превращалась простая руда.
В большую и трудную книгу входила
Страницами ставшая строчка труда.

Камиль МУСТАФИН

Орлята

СКРИПКА СТРАДИВАРИ

В уральском городе Лысьве есть улица, носящая имя Яна Страутмана. Их было двое, братьев Страутманов. Старшего, большевика-подпольщика, звали Ян Янович, младшего — Христиан. Братья приехали на Урал в первую империалистическую войну из Прибалтики.

Христиан быстро стал заводилой лысьвенской молодежи. Вскоре после Октябрьской революции его избрали председателем городского союза молодежи.

С Христианом Страутманом мне довелось познакомиться на Дутовском фронте. Вожак комсомольцев 8-го Уральского полка, Христиан, или Гриша, как мы его звали, в свободную минуту брал в руки свою любимую скрипку. Многие утверждали, что скрипка Гриши — одна из тех, которые сделаны самим знаменитым Страдивари. Не знаю, так это или нет, но хорошо помню, какие чудеса творила она на фронте.

О своих встречах с Гришей я и хочу рассказать.

Летом восемнадцатого года 8-й Уральский полк вел жаркие бои с бело-

Христиан Страутман (справа) в 1916 году.

чехами под Бузулуком. Свой пулемет мы установили среди пшеничного поля и с минуты на минуту ожидали появления противника. Стояла удивительная тишина. Вдруг воздух содрогнулся от оглушительного взрыва. Белочехи начали артиллерийский обстрел. Снаряды с завыванием и свистом летели над головами и ложились у железнодорожного моста, поднимая фонтаны воды.

Враг теснил наши части и стремился отрезать эшелонам путь к отходу. Мы получили приказ — немедленно перебросить пулемет для охраны моста.

Один из пулеметчиков раздраженно крикнул:

— Что мы в караул приехали, что ли?

Из цепи поднялся молодой, ладно сложенный боец с голубыми улыбочивыми глазами и сказал с сильным акцентом:

— Товарищи, приказы не обсуждают, а выполняют.

— Это еще что за начальник выискался? — не унимался пулеметчик.

— Не начальник, а наш комсомольский секретарь, — послышался чей-то укоризненный голос. — Пора бы, Иван, тебе знать.

— Так бы сразу и говорил, — смущенно буркнул пулеметчик.

— Становись! — скомандовал начальник пулемета.

Мы заняли новую позицию в самый острый момент. Дутовцы, поддержанные артиллерией, рвались к мосту. Огонь нашего «максима» заставил их залечь. Неожиданно с фланга застрочил вражеский пулемет. Рядом молоденький красноармеец то и дело наклонял голову.

— Слушай, орел, чего кланяешься? — послышался веселый голос Гриши.

— Так ведь смотри, как режут, гады, спасу нет! — оправдывался красноармеец.

— А ну-ка, ребята, дайте мне попрактиковаться. — Гриша развернул «максима» и нажал на гашетку.

Через несколько минут дутовский пулемет замолчал.

...Наш эшелон остановился на станции. В вечернем воздухе поплыли нежные звуки скрипки. Вокруг музыканта образовалась большая толпа.

— Гриша, — просили бойцы, — дай что-нибудь веселенькое!

— Гопака!

Заказы сыпались один за другим. Лихие пляски сменялись широкими, раздольными песнями. И лишь сигнал сбора возвестил о конце импровизированного концерта.

— Эх, жаль, коротка стоянка! — слышались голоса.

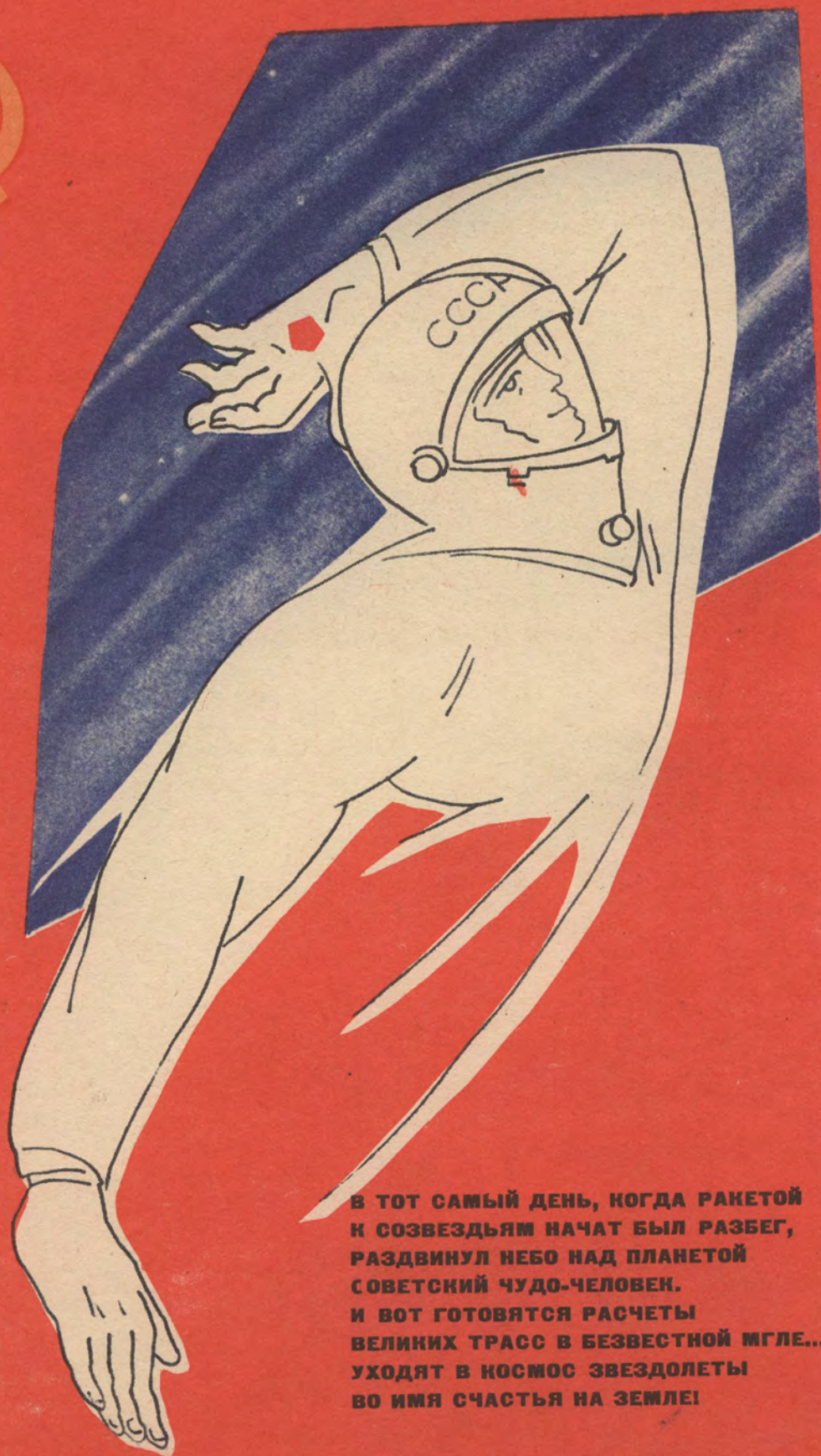
— Ничего, товарищи, мы свое еще возьмем, — успокаивал скрипач.

На рассвете у станции Мартук бойцы прямо из эшелона пошли в бой. Дутовцы сосредоточили здесь отборные части. Христиан появлялся на самых опасных участках. Вот дрогнул правый фланг, и отважный комсомолец вместе со знаменосцем бросился вперед. Когда положение было восстановлено, Страутман заметил остановившуюся двуколку с патронами. Он вскочил на нее, но тут же упал, сраженный вражеской шрапнелью.

Больше мы не слышали его скрипки.

Н. ОШИВАЛОВ

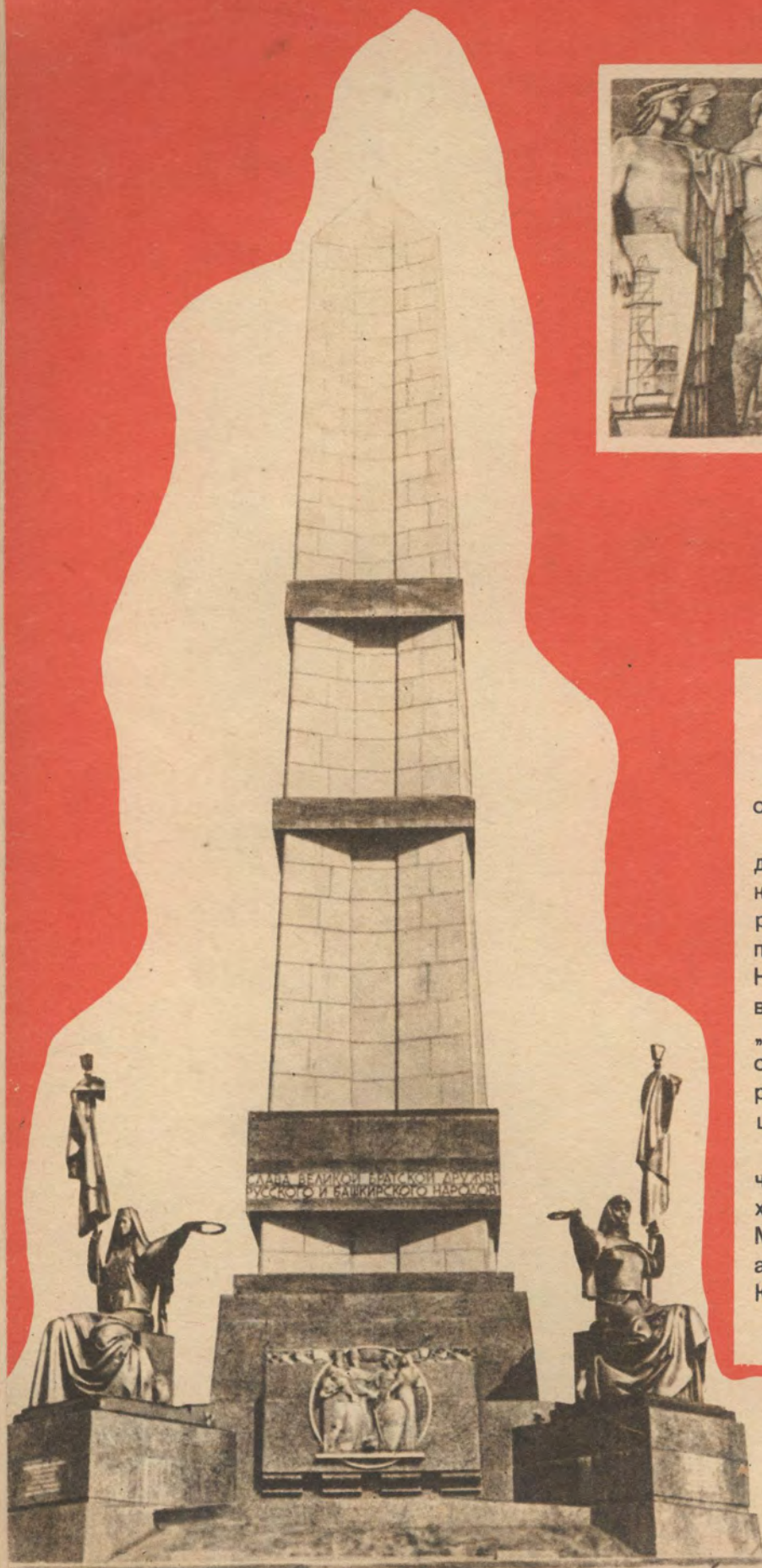
**В ТОТ САМЫЙ ДЕНЬ, КОГДА РАКЕТОЙ
К СОЗВЕЗДЬЯМ НАЧАТ БЫЛ РАЗБЕГ,
РАЗДВИНУЛ НЕБО НАД ПЛАНЕТОЙ
СОВЕТСКИЙ ЧУДО-ЧЕЛОВЕК.
И ВОТ ГОТОВЯТСЯ РАСЧЕТЫ
ВЕЛИКИХ ТРАСС В БЕЗВЕСТНОЙ МГЛЕ...
УХОДЯТ В КОСМОС ЗВЕЗДОЛЕТЫ
ВО ИМЯ СЧАСТЬЯ НА ЗЕМЛЕ!**

Этот памятник стоит на месте древнего уфимского посада. Далеко видна 35-метровая стрела монумента Дружбы.

Он воздвигнут в 1957 году в честь добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству. Четыреста лет тому назад два народа подали друг другу руку братства. Недаром у башкирского народа еще в те далекие времена была поговорка: „Когда друзья делят горе, то его становится меньше, когда они делят радость, то ее становится еще больше“.

Монумент создан скульпторами членом-корреспондентом Академии художеств СССР профессором М. Ф. Байбуриным и Г. П. Левицким, архитекторами Е. И. Кутыревым и Ю. И. Гавриловым.

Авторам удалось создать своеобразный ансамбль, в котором столько же величия и торжественности, сколько искренней лиричности скульптурных образов. У подножия вознесенного в небо обелиска — две аллегорические фигуры женщин, олицетворяющие Башкирию и Россию. Их простертые руки как бы благословляют и этот далеко видный привольный край, и рельеф у основания обелиска, на котором изображено вручение послами Башкирии грамоты о добровольном присоединении к России в Москве. На центральном барельефе, обращенном в сторону города, русский и башкирский рабочие застыли в крепком рукопожатии. Рядом с ними фигуры, образно показывающие расцвет промышленности и сельского хозяйства республики. Два других барельефа посвящены теме науки и культуры.

— Эта гранитная колонна не только дань минувшим подвигам и минувшей славе, — сказал на открытии монумента народный поэт Башкирии Мустай Карим, — она — завещание и наказ настоящему и грядущему: беречь незыблемость и чистоту дружбы и братства между русским и башкирским народами, между всеми народами нашей великой Родины, между народами нашей доброй планеты — Земли.

Тысячи уфимцев повторяли в тот день слова клятвы: „Пока текут воды Агидели, пока стоят горы Урала, пока матери кормят грудью своих детей, будем верны знамени дружбы и братства, осененного общей славой“.

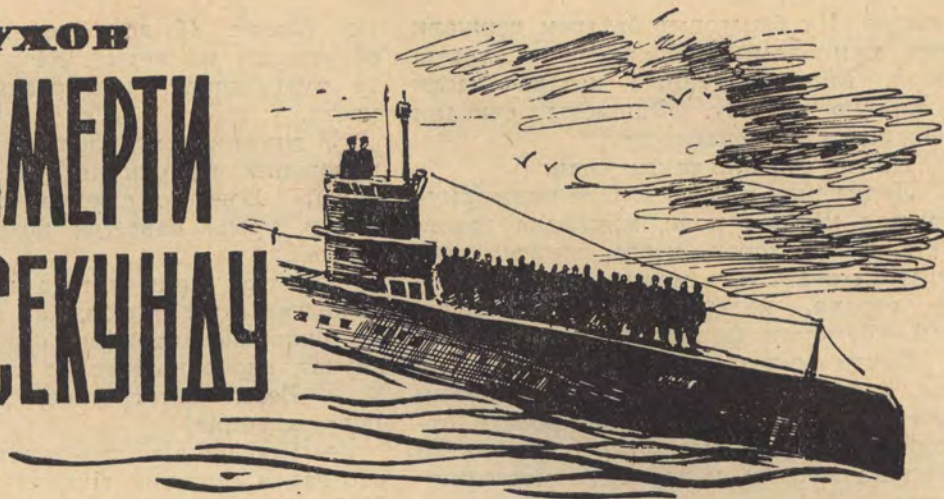
Е. Бирюков, г. Уфа

Л. ОБУХОВ

ОТ СМЕРТИ НА СЕКУНДУ

Рисунки Ю. Ефимова

Несколько лет назад бывший черноморец, ныне начальник Ростовского речного училища Андрей Иванович Дрючков, как-то спросил меня:

— Ты о подводной лодке ничего не слышал?

— Нет, не приходилось.

— Ты поищи-ка ребят с нее... Стоящие хлопцы, стоящие... Не пожалеешь. Подробностей я не знаю, но произошла с этим подводным кораблем страшная история. Ушел он в море и в положенный срок не вернулся на базу...

Слушал я своего друга и думал о тысячах трагедий, что разыгрались на морях в годы войны. Сколько их, кораблей, ушло и не вернулось?! Где подстерегла их смерть, при каких обстоятельствах они погибли — мы, видимо, так никогда и не узнаем. Море умеет хранить свои тайны. Но о подводной лодке мне все-таки удалось кое-что узнать.

...На малых оборотах, как-то подомашнему, урчал двигатель. Гроыхая, по палубе пробежали матросы, чтобы отдать концы.

Июньская ночь коротка. Надо спешить.

— Право не ходи! — слышится голос командира.

— Есть, право не ходить!..

Уплывает за кормою пирс небольшого порта. Темной громадой отступает Кавказское побережье.

Море спит, начиненное минами, вспоротое форштевнями и наших, и вражеских кораблей. Сонно покачивает оно подводную лодку на пологих волнах, что отзвуком недавнего ветра остались на широком просторе. Зорко всматриваются в небо и горизонт сигнальщики и вахтенные командиры. Насторожен и командир капитан-лейтенант Кукуй. Далекий путь предстоит пройти лодке до цели. Далекий и трудный. Лодка идет вдоль берегов, захваченных немцами. Зевнешь — пропал и корабль, и экипаж.

Давно занята врагом Одесса, взяты Очаков и Николаев, а месяц назад наши войска оставили Севастополь. Это было время, когда во многих иностранных газетах появились статьи, в которых авторы гадали: затопят ли русские свой Черноморский флот или же приведут его в Турцию, где будет он интернирован? Только эти два варианта! Иные им и в голову не приходили. А наши корабли разместились в маленьких непригодных портах и продолжали боевые операции.

Лодка шла к берегам далекой Одессы. В ее порту стояли боевые корабли

немцев. Их береговые батареи держали под прицелом прибрежные квадраты моря. Многочисленные катера несли дозорную службу. Фашисты считали себя здесь в безопасности.

Но так считали захватчики.

Лодка шла к Одессе. Она поднырнула под минное поле, миновала линии катерных дозоров, когда, видимо, для очистки совести, а может, от затаенного страха, катера — на всякий случай — бомбили фарватер.

Почти весь путь лодка прошла под водой, лишь изредка всплывая ночами для того, чтобы провентилировать отсеки, в которых мучались от нехватки воздуха моряки, и зарядить аккумуляторы.

На рассвете лодка пришла в заданный квадрат. Всплыли под перископ. И командир увидел в его окулярах до боли знакомый город, подернутый сизой дымкой.

— Пусто. Что ж, подождем... — проговорил командир и, опустив перископ, приказал ложиться на грунт.

До полудня лодка дремала на грунте, прослушивая толщу вод чуткими приборами...

— Слышу шум винтов! — доложил акустик, когда время подошло к обеду, и кок уже вскрывал консервы.

Лодка поднялась. В линзах перископа замаячил порт. Из него медленно выходил большой конвой.

В это время на горизонте мелькнул силуэт самолета, и лодка спешно нырнула на глубину.

В подводном положении лодка пошла на сближение с конвоем. Она поднырнула под катера дозора и атаковала головной транспорт. Сразу после торпедного залпа лодка резко повернула влево.

Маневрировать на небольшой глубине было почти невозможно. Выход один — притаиться. Так и сделали. Лодка легла на грунт, и моряки сразу выключили все приборы, остановили электродвигатель, даже гирокомпас. Только часы сумасшедшие стучали в тиши... Командир приказал прекратить разговоры и хождение. Никакого шума!

Катера-охотники дозора начали утюжить море, засыпая его бомбами.

От близких взрывов с подволока сыпалась пробковая крошка, кусочки краски. Лопались лампочки. А взрывы

все ближе. И вот страшный грохот обрушился на лодку. Казалось, какая-то чудовищная сила раздирает ее на части.

У многих в эти долгие и страшные мгновения мелькнула мысль: «Вот и конец». Вода со свистом врывается в лодку, грозя навсегда похоронить корабль...

Только ушли катера и смолк над головами шум винтов, как в лодке было включено аварийное освещение, прозвучал спокойный голос командира:

— Всем осмотреться, доложить о повреждениях!

— Пробоина в дизельном отсеке... — отозвался старший механик Глушич. — Накладываем пластырь, ставим распоры...

А потом один за другим коротко говорили командиры других отсеков. Это был длинный перечень бед, из которых, на первый взгляд казалось, нельзя было выкрутиться.

Но моряки исправили, что могли, и ночью лодка всплыла на поверхность. Люди судорожно вдыхали пьяняще-свежий воздух, словно добрались до родника, и пили, не отрываясь. Пошатываясь, поднялся из лодки командир. Почти рядом с бортом покачивалась вешка.

— Похоронили, значит, — сказал командир. — И вешку поставили. Прометили место, чтобы завтра лодку поднять... Ну что ж. От этого нам, как говорят в Одессе, не очень холодно и совсем не жарко...

— Кого хоронить собрались, дохлые дети тощей собаки! — произнес главстаршина Дегтяренко. — Пускай свои гробы собирают. — И показал на торчащие из воды мачты пущенного на дно транспорта.

— Справа, тридцать, судно! — доложил сигнальщик.

Командир приказал готовиться к атаке в надводном положении. Когда подошли ближе, то обнаружили, что это другой транспорт, выбросившийся на отмель. Надо бы добить его, но из-за малой глубины атаковать торпедами невозможно.

— С перепугу выкинулся, — отметил старший штурман Широкий.

Из-за тучи выплыла луна, мертвенно-серебристым светом заливая часть моря. На горизонте стали видны ры-

скающие катера, в небе гудели самолеты. Чувствовалось, что вчерашняя атака изрядно всполошила немцев. Лодка отошла в затемненную часть моря и, чуть попыхивая дымком дизелей, двинулась в сторону Николаева.

Шли в надводном положении. Полностью зарядили аккумуляторы, провентилировали отсеки. Кок впервые за много дней похода сварил отличный борщ, изжарил котлеты, а на завтрак приготовил гречневую кашу со свиной тушонкой и крепко заваренный чай.

— Пища победителей! — смеялся мичман Поляков. — Растволстеть можем так, что люки узки будут.

С рассветом ушли под воду. Только перископ чертил зеркальную гладь, высматривая, что творится на море и в воздухе.

Так шли почти до десяти часов. Опасности как будто не было.

И вдруг грянул взрыв. Лодка заби-лась в какой-то дикой агонии, словно живое существо. Корма ее вздыбилась, будто норовистый конь брыкнул задом. Спавших матросов вышвырнуло из подвесных коек. Что-то трещало, гре-мело, лопалось, свистело...

...В штабе соединения подводных лодок два последних дня не слышно было обычных шуток и подначек, на кои так горазды моряки. Двое суток назад должна была вернуться на базу подводная лодка N. Высланные для встречи катера, проболтавшись много часов в ожидании ее, покинули квад-рат.

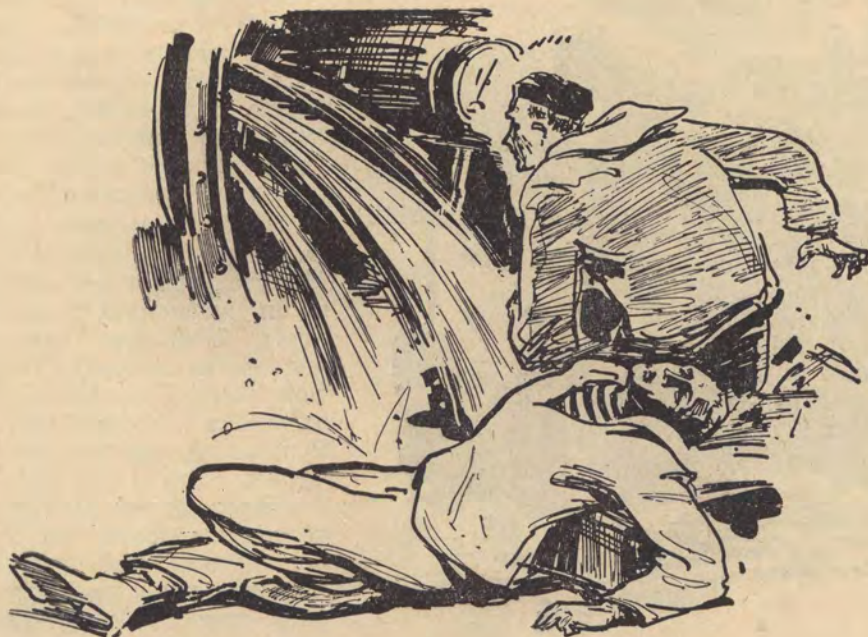
Прошли еще сутки.

На поиски вылетели самолеты мор-ской авиации, но и они не обнаружили подводного корабля...

На четвертые сутки начальник шта-ба вычеркнул лодку из состава флота и вписал ее в число «не вернувшихся с задания». Это было официальное при-знание потери корабля и экипажа. Штабные писаря сели готовить «чер-ных вестников» — похоронные. Интен-данты сняли экипаж с довольствия.

Молча ходит по пирсу командир ди-визиона, хмурый, как осеннее море. Все еще на что-то надеясь, вызывают лодку радисты базы.

...Мрак в лодке, падающей на глу-бину, леденящий душу свист врываю-щейся воды да грохот срывающихся с места вещей...

Потом резкий толчок под ногами. Лодка села на грунт...

— В машинный отсек поступает вода...

— Пробоина...

— Электромоторы вышли из строя...

— Гироскоп не работает...

Григорий Аронович Кукуй стоит в центральном посту, слушая доклады из отсеков, перебирая в памяти все варианты спасения корабля. Он молчалив, сосредоточен. Серые глаза чуть прищурены и в слабом свете аварийного фонаря кажутся черными.

— Создать в отсеке давление!.. Заделать пробоину!.. Пустить насос!..

— Не справляется! — доносится голос Глушича. — Пускаю второй.

— Заводите пробку и пластырь!..

Свистит вода, гудят насосы, слышатся удары и звон инструментов, редкие слова команд, которые подхватываются на лету и понимаются всеми с полуслова. А там, в полузатопленном отсеке, идет битва за жизнь. Первым бросился навстречу широкой и сильной струе воды мичман Поляков. Схватив кусок войлока, он попытался заткнуть

им пробоину и зажать ее спиной. Но его отшвырнуло в сторону, ударив о двигатель. Вскочив, он опять кинулся к месту пробоины. Подбежав со стороны, он одной рукой схватился за трубопровод, рывком толкнул тело под поток. И снова его отбросило. Но уже бежали к нему на помощь мотористы Иваненко, Поздняков. Уже тащил к пробоине пластырь и распорки старшина Дегтяренко. Уже послышались первые команды Глушича...

Медленно, очень медленно оживала подводная лодка. То тут, то там по отсекам загорался тусклый свет...

До ночи пролежали на грунте. Снова заделали пробоину, откачали воду. Лопнувшие лампочки заменили запасными. Неприглядную картину увидели моряки: все разбросано, палуба засыпана пробковой крошкой, осколками стекла, вещами.

Словно нехотя, оторвалась лодка от грунта и всплыла. Командир приказал осмотреть корму. В носовые цистерны принесли воду, и нос лодки быстро скрылся в волнах. С мягким шумом они перекачиваются прямо возле рубки.

— Глушичу и Качурину подняться в рубку, — разносится по лодке голос старшего помощника командира капитан-лейтенанта Кочеткова. — Приготовиться для осмотра винтов и рулей...

В одних трусах поднимаются Глушич и старшина группы рулевых-сигнальщиков Качурин из лодки и спускаются за борт корабля. Вода на удивление очень холодная. Видимо, здесь проходит течение, которое создается за счет впадения реки Южный Буг.

Первым ныряет Качурин и на ощупь добирается к рулям. Минута пролетает мгновением, и он выскакивает на поверхность, буквально задыхаясь от недостатка воздуха. Теперь идет под воду Глушич, а Качурин отдыхает, лежа на спине... Всплывает механик, ныряет Качурин.

Через сорок минут удастся полностью проверить, какие повреждения получил корабль. Нырнув последний раз, Качурин снял с оперения рулей

свинцовый колпак и передал его командиру.

— Ясно,— тихо сказал Кукуй, рассматривая находку.— Подорвались на mine... Докладывайте, что там.

Глушич и Качурин начали перечислять: лопасти винтов изуродованы, концы их изогнуты, балеры рулей полопались, вертикальный руль держится только на тягах. К тому же, половина его оторвана. Вся кормовая часть лодки силой взрыва согнута влево. Цистерны главного балласта, дифферентной и питьевой воды дали течь.

— Вы чего дрожите?— спросил капитан-лейтенант Кукуй, заметив, что и Глушич, и Качурин не могут, как говорится, зубом на зуб попасть.

— Вода холодна.

— По сто граммов спирта им!— приказал командир.

Мичман принес по стопке спирта. Моряки выпили и быстро нырнули в лодку.

— Вижу силуэт катера!— голос сигнальщика выводит командира из задумчивости.

— Срочное погружение!

Все мигом скатываются в люк. Последним ныряет в него Кукуй, захлопывая за собою крышку. Только лодка легла на грунт, как через минуту-две над нею со звоном пропели винты вражеского катера.

— Не заметил...— облегченно вздохнул кто-то.

Шум винтов удаляется и вскоре стихает. Лодка вновь готовится всплыть. В это время капитан-лейтенант Кочетков доложил, что пресной воды почти нет. Осталось немножко в расходных бачках. Продуктов— на двое суток.

— Ясно... Не очень, чтобы весело, и не очень, чтобы тоскливо... Как говорят в Одессе.

Лодка всплыла. Выскочили на палубу мичман Поляков, мотористы Иваненко, Поздняков, Прокопенко. В руках у них— зубила и молотки. Инструменты привязаны к запястью, чтобы не упустить в воду.

Нос лодки, принимая в балластные цистерны воду, быстро погружается, поднимая корму. Мичман и мотористы спускаются за борт, чтобы начать ремонт. Задача номер один— обрубить загнутые концы лопастей вин-

тов. Без этого лодка не сдвинется с места.

На мостике несут вахту командир и сигнальщик. Работающие за бортом знают, что лодка нырнет под воду не ожидая их, если покажутся самолеты или катера. Бесчеловечность? Нет, именно высшее понятие человечности: рискуя троими, спасти три десятка людей и корабль. Это война, а не маневры.

Глухо звучат под кормой удары «ручников», тихо плещется у борта вода, словно зализывает раны, полученные лодкой.

Командир и сигнальщик не отрывают от глаз биноклей.

Звенят инструменты, изредка ругнется кто-нибудь из моряков, зашибя в горячке руку.

— Выбирайся, ребята! Болт в селезенку проклятому Гитлеру!— ворчит мичман Поляков, пытаясь подняться на палубу.— Дай руку. Слышь, Прокопенко! Вот так...

— Не задерживаться, немедленно вниз!— голос командира резко звучит в ночи.— Группе главстаршины Дегтяренко— быстро наверх!

Снова слышатся в ночи удары молотков, и снова не отрывают от глаз биноклей командир и сигнальщик.

Каждые полчаса— смена групп. Каждые полчаса, задыхаясь от усталости, поднимаются на борт лодки моряки.

Так всю ночь. Только перед рассветом командира сменил помощник, а сигнальщика— старшина.

За ночь трижды погружались, потому что на горизонте показывались катера. Дважды повезло: катера появлялись тогда, когда одна группа только спустилась в лодку, а вторая еще не поднялась из корабля. На третий раз сигнальщик заметил силуэты двух катеров, когда группа главстаршины Дегтяренко работала под кормой.

— Катера!— крикнул сигнальщик. И в то же мгновение командир увидел их. Они вырвались на светлую лунную дорожку и, увеличив ход, рванулись к подлодке.

Было такое впечатление, что они заметили неподвижный корабль и готовятся атаковать его.

— Срочное погружение!— прогремело с мостика.— Под кормой! Отплыть в сторону!

— Хлопцы! Быстро в сторону! — донесся голос главстаршины.

А подлодка уже уходила на глубину. Вот и разошлись над местом ее погружения круги... В центральном посту, стиснув зубы, молча стоял командир корабля. Вслушиваясь в приближающийся гул винтов, мямл ремешки бинокля капитан-лейтенант Кочетков.

Казалось, прямо на них летели катера, пеня форштевнями воду. Главстаршина быстро отплывал в сторону, изредка оглядываясь на своих друзей — матросов Баранова, Красильникова и Попеляева. Катера приближались.

— Не плыть! — тихо скомандовал Дегтяренко. — Не плескаться!

Теперь только носы да глаза моряков чуть-чуть виднелись из воды. Они лежали на спинах почти не шевелясь. А катера — вот они, почти рядом. Белые высокие рубки охотников за подводными лодками типа «Альбатрос» резко выделяются на фоне темного неба и светящегося, сумрачного в тени и яркого на лунной дорожке, моря. Высоко пенятся у их форштевней белые усы: отличная скорость! Низкий плот-

ный гул стелется над водой, неотвратно надвигаясь на моряков...

Не выдержав, Красильников повернулся, чтобы отплыть в сторону.

— Замри! — зло прошипел главстаршина. — Ни с места!

Матрос скрылся под водой, перевернулся там и тихо всплыл на поверхность, лежа на спине.

А катера пронесли мимо, злое отсвечивая белоснежными корпусами, высокими рубками, уставившись в темень ночи стволами пушек и пулеметов.

Поднятая ими волна качнула моряков, вскинув на свой гребень, и вновь опустила, забрызгав лица холодным дождем. Запах сгоревшего соляра долго еще держался над морем...

— Думал, прямо на нас прут, клятые... — кляца зубами, проговорил Красильников.

— В гробу бы я их видел, гитлеровы души! — ругался Дегтяренко. — З-з-убило упустил...

Когда подлодка поднялась и ребята подплыли к ее борту, они с трудом взобрались на палубу: так замерзли. Сам командир помог им спуститься в лодку. Сколько пережил он за те минуты, сколько пережили все, кто знал, что наверху остались боевые друзья!

Чуть тронул рассвет синие черноморские воды, как лодка нырнула.

Она залегла на двадцатипятиметровой глубине, и командир приказал всем отдыхать. Только вахтенные бодрствовали на своих постах.

В полдень кок подал на обед по сто граммов хлеба, по четвертой части котлеты, по полстакана воды.

— Сейчас бы борца! — причмокнул моторист Иваненко. — И надо же было ему разлиться.

— При таком взрыве из самого черта душу вытряхнет, не то что борщ из кастрюли. — Кок явно злился. — Котлеты по одной собирал. По всему отсеку расшвыряло...

Днем подлодка лежит на грунте. Ночью всплывает, задирает корму — и

спускаются за борт, сменя одна другую, группы. На четвертые сутки удалось обрубить загнутые концы лопастей винтов. Последним тяжело поднялся на палубу Дегтяренко и, не удержавшись на ногах, сел.

— Тяжеловат стал, ржавый болт в печенку Гитлеру... Закормил в усмерть кок. В гробу я такую еду видел...

— Товарищ командир! — поднялся Глушич на мостик. — Один электромотор удалось отремонтировать.

— Что ж, значит, пойдём. Запускайте двигатели и заряжайте аккумуляторы!

Тихо в подводной лодке. Монотонно гудит единственный электромотор, медленно движется корабль, толкаемый изуродованными винтами. Но как-то странно, что не сидит на своем месте старшина группы рулевых Иван Качурин. И хотя знает командир, что нечего делать рулевому-горизонтальщику, ибо лишилась лодка горизонтальных рулей, а все же нет-нет, да и глянет в его сторону. Корабль подходит к кромке минного поля. Все знают, что сейчас решится все. Удастся поднырнуть — значит, еще поживет и повоюет экипаж, а нет... Впрочем, лучше не надо этого «нет». Ведь каждый надеется. Тихо в корабле. Замерли на постах моряки.

Три часа, долгих, как полярная ночь, шла подводная лодка сквозь частокол минрепов, и над нею покачивались начиненные черной смертью шары. То и дело, изматывая душу, скрежетал по корпусу лодки минреп. Люди невольно втягивали головы в плечи, чувствуя каждым нервом, как склоняется к лодке обросшая ракушками и водорослями мина. Пройдет?... Вот опять заскрежетала минрепом по корпусу. Теперь уже ближе к середине... Проща... Опять! Возле кормы...

Штурман Широкий ведет каким-то образом прокладку курса, хотя гирокомпас не работает. Действует только шлюпочный компас. Он, конечно, показывает лишь стороны света, да и то относительно. Верить его показаниям, когда вокруг такое нагромождение металла, просто нельзя. И никто не устранял девиацию этого компаса в расче-

те на его работу в лодке. А вот штурман посматривает на компас и делает на карте пометки. Часто включает эхолот. Его показания сейчас, как никогда, очень важны. По глубинам штурман точнее определяет свое местоположение.

— Слышь, доктор, — поворачивается к военфельдшеру Глебову лейтенант Коваленко, — сколько насчитал?

— За седьмой десяток перевалило... Скажите, будет им конец или нет?!

Это опять, выматывая нервы, раздается металлический скрежет минрепа. Сегодняшней ночью уже свыше семидесяти раз царапалась смерть в лодку. Счет ведет Глебов...

— Погоди, Глебушка, — говорит штурман, — погоди, медицинская сила. Скоро перестанет царапаться к нам кося, скоро!

Еще полчаса медленного хода под минным полем — и оно осталось за кормой.

Но всплыть не удалось. Когда лодка оказалась на перископной глубине и командир приник к окулярам, он зло чертыхнулся: недалеко от Тендровского маяка на мелкой зыби покачивались два катера-охотника под румынскими флагами.

Держать лодку на курсе было невероятно трудно. Она то взбрыкивала и, опустив нос, проваливалась на предельную глубину, прежде чем по отсекам разносились предупреждающие аварию команды, то, наоборот, вздергивала нос и наперекор желанию экипажа лезла вверх. Да, без горизонтальных рулей не плавание, а мука.

Свежего воздуха глотнули лишь в полночь. На мостик поднялся мичман Насибулин. Он минут пять молча смотрел на море, которое серебрилось под лунным светом, потом взглянул на компас.

— К турецким берегам идем?

— Верно, мичман. Направление — на Синоп. В нашем положении это наиболее безопасное направление. Мы даже нырнуть быстро — и то не можем... Как у вас с рацией?

— Порядок, товарищ командир, — сонно ответил Насибулин. Он трое суток чинил рацию, ни минуты не спал...

Командир набросал несколько строк. — Зашифруйте и передайте в штаб! Корабль был уже на траверзе Ново-

российска, когда мичман Насибулин связался со штабом.

— Корабли прямо по носу! — доложил сигнальщик.

— Срочное погружение.

Мигом все ссыпались с мостика в люк, и командир захлопнул его. Лодка, покачиваясь с носа на корму, опускалась на глубину. И вдруг стремительно сорвалась вниз. Это были даже не секунды, а доли секунд, когда лодка падала вниз так, как падает подбитый самолет, круто идущий к земле. И прежде чем кто-либо понял, в чем дело, раздался голос командира:

— Продуть главный балласт!

Если кто-нибудь из вас, дорогие читатели, падал с нераскрытым парашютом в затяжном прыжке, он поймет, что значат доли секунд. Проскочив предельную глубину погружения, лодка обрекала себя и экипаж на гибель. Доли секунд, когда корпус трещит, словно арбуз, который давит силач, чтобы попробовать, спелый ли он, стоят для подводника многих лет жизни!

Капитан-лейтенант Григорий Кукуй сделал все, что мог. Теперь он следил за глубиномером. Прибор все еще считывал возрастающую глубину, но всем уже было ясно, что это последние метры смертельного падения. А корпус трещал все более угрожающе, и уже не плакали, а «рыдали» заклепки: вода тонкими, словно дым, облачками рвалась из-под них. Еще метр-два — и выдержит ли корпус со страшной силой возрастающее давление? Ведь корабль проскочил все допустимые пределы.

Еще полметра... метр... Лодка замерла и тут же рванулась вверх. Ее, как пузырь, вышвыривало море. Теперь она уже летела вверх с невероятной скоростью.

— Принять балласт в среднюю!

Необходимо было удержать лодку, не дать ей выскочить на поверхность, где вражеские корабли. На глубине в шестьдесят метров лодка замерла.

Кукуй смахнул пот со лба. «В чем дело, почему провалились на такую глубину?»

И, будто услышав этот молчаливый вопрос, Глушич доложил:

— В поврежденные булевые цистерны ворвалась вода...

«Ясно, могли нырнуть прямоком на тот свет... Придется погружаться, принимая минимум балласта. Чуть примень лишку — и поминай, как звали...»

Через несколько часов лодка осторожно всплыла. Командир поднял перископ и, взглянув в него, улыбнулся.

— Тральщики! Наши тральщики!..

За эти трудные дни и ночи моряки много раз думали о возвращении домой. И только теперь поняли, что все-таки дошли. Они победили голод. Выжили без воды. Дошли наперекор всем смертям.

Подводная лодка входила в состав четвертого дивизиона подводных лодок Черноморского флота. Она потопила семь кораблей противника, за что была награждена орденом Красного Знамени.

После возвращения из этого тяжелого похода была поставлена на длительный ремонт в один из доков Черноморского флота. Командир ее принял другую лодку, которая ушла в море, да так и не вернулась на базу... Погиб и штурман Широкий.

Капитан-лейтенант Кочетков впоследствии стал командиром подводной лодки и длительное время служил на флоте. Служили на кораблях и другие офицеры — Коваленко, Глебов. Закончив войну, разъехался по домам экипаж знаменитой лодки. Только Глушич, ушедший в запас много позже, поселившийся в Севастополе, и научный сотрудник Симеизской обсерватории Качурин, бывший старшина группы рулевых-сигнальщиков, нет-нет да и встретятся, чтобы вспомнить друзей, боевые походы...

Гуливеры и лилипуты

На снимке голова крупного хищника — орлана-белохвоста и самая маленькая птичка нашей страны — корольек желторотый. Размах крыльев у первой — два с половиной метра. А корольки весят обычно не больше шести граммов. Настоящие гуливеры и лилипуты!

И орлан-белохвост, и корольки водятся в уральской тайге.

Те, что вы видите на снимке, были добыты в октябре прошлого года в Челябинской области.

С. КУКЛИН

«Загадки» озера

Минувшим летом тюменские геологи впервые исследовали озеро Сырковый Сор в Ханты-Мансийском национальном округе.

Площадь его сравнительно невелика — полтора километра на километр. Но глубина — 63—65 метров — своеобразный рекорд для Западно-Сибирской низменности.

Сырковый Сор — озеро пресноводное. Оно ручейком соединяется с рекой Большой Салым. В устье этого ручья всегда обилие рыбы.

На берегу Сыркового Сора геологи обнаружили стоянку древнего человека, собрали не-

сколько сот черепков глиняной посуды, каменных наконечников, стрел и топоров. Возраст их, по заключению ученых, пятое-третье тысячелетие до нашей эры.

Озеро овеяно легендами. Говорят, что раньше тут был город богатырей-хантов, которых победили пришельцы с юга. И что в озере живут «звери с ушами и рогами».

Дно Сыркового Сора лежит на 20 метров ниже уровня моря. Почему? Как родилось такое озеро в Западной Сибири, где подобные водоемы имеют глубину всего три-четыре метра? Эти «загадки» природы геологи попытаются раскрыть во время будущих экспедиций.

Ю. РЯБОВ

Фото В. Красных

Техник

СЛЕДО- ПЫТСКАЯ

ЛЕНИНИАНА

На полках детской библиотеки поселка Санчурск Кировской области появилась небольшая книга. Называется она «Страницы Ленинианы. Наши земляки о Владимире Ильиче Ленине». Тираж — всего два экземпляра. Второй хранится в Ленинском зале Дома пионеров.

Создавали «Страницы Ленинианы» красные следопыты. А началось это так...

Пригласили на сбор старого коммуниста Григория Дмитриевича Мельникова.

— Мне выпало счастье участвовать в работе II съезда Советов, — рассказал он. — Делегаты в перерывах собирались группами, беседовали между собой. К нам подошел Ленин. Стал расспрашивать о делах в армии, о настроении солдат. «Мир бы поскорей, Владимир Ильич!» — сказали мы.

— И мир будет, и земля будет в руках народа, — заверил Ленин.

Кто-то из нас предложил:

— Мы бы хотели, Владимир Ильич, помочь в борьбе здесь, в Петрограде.

— Что вы, мы обойдемся! — ответил Ленин. — Силы у нас есть. Зачем же отвлекать вас от дел на местах! Ведь вас послали миллионы!

...Беседа увлекла ребят. Расспросам, казалось, не будет конца. И тогда на сборе решили: создадим книгу об Ильиче.

Начались интересные поиски, встречи, походы...

Первый путь — в деревню Въезжево. Там живет старый садовод Семен Михайлович Цыпленков — делегат V Всероссийского съезда Советов.

— Помню ли я встречу с Владимиром Ильичем? — оживился Семен Михайлович при виде ребят. — Да разве забудешь ее!

Морщинистое лицо старика осветилось улыбкой, и он вспомнил свою молодость...

В 1918 году, его бывшего солдата-фронтовика, избрали членом исполнительного комитета уездного Совета. Трудное время переживала страна. Голод. Разруха. Нужен был хлеб. В деревне Шахайки богачи подняли восстание. Хорошие люди там погибли.

В новый продотряд вошли члены уездного комитета Яранска. Обозы с хлебом отправили на железнодорожную станцию, а оттуда эшелоны ушли в Москву, Петроград.

На губернском съезде Советов Семена Михайловича избрали делегатом V Всероссийского съезда Советов.

— В тревожное время приехали мы в Москву, — продолжает Цыпленков. — Левые эсеры открыто выступали против большевиков, Владимира Ильича. Чтобы спровоцировать войну

с Германией, предатели убили немецкого посла Мирбаха. Был арестован Ф. Э. Дзержинский. И вот в этой сложной обстановке в выступлениях Владимира Ильича мы находили ответы на самые сложные вопросы тех дней.

* * *

Горки Ленинские. На высоком холме, среди запыленного снегом старинного парка, стоит дом с белыми колоннами. Теперь он известен всему миру. В нем жил и работал Владимир Ильич Ленин.

Павел Дмитриевич Мальков, бывший командант Смольного и Московского Кремля, рассказывает о встрече с Лениным.

— Вот по этой аллее часто ходил Ильич. Там была его любимая беседка. Ниже — небольшое озерко. В нем мы карасей ловили.

Как попали сюда санчурские следопыты? Все началось с письма.

«Дорогой дедушка Ильич!

Мы, пролетарские дети детского дома, твоего дорогого для нас имени, старательно изучаем все твои заветы, твою борьбу за счастье всех трудящихся, за счастье всех пролетарских детей, чтобы продолжать начатое тобой дело — строительство коммунизма.

Так вот, дедушка Ильич, мы шлем тебе наш горячий юный привет и скромный подарок, сделанный нами самими, который будет всегда тебе напоминать о счастливой жизни всех пролетарских детей Советской России, в том числе и детей далекой Вятки, и ты должен для нашего счастья быть здоровым, дабы руководить РКП для светлого будущего всего мира».

Ниже приписка:

«А ты, дорогая бабушка Надежда, как наш старший друг всех юных пионеров, береги Владимира Ильича и скорее осчастливь весь мир его выздоровлением».

По поручению общего собрания воспитанников детского дома имени Владимира Ильича Ленина письмо подписали: Вася Галкин, Витя Горбунов и Миша Власов.

— Где сейчас они? Как сложилась их судьба? Кем стали бывшие детдомовцы? Кто отвозил подарок Владимиру Ильичу?

Начался очередной поиск. Юнкоры написали много писем. Первым откликнулся Витя Горбунов. Правда, теперь он уже не Витя, а Виктор Васильевич, декан физико-математического факультета Новгородского пединститута.

«Дорогие юные друзья! Письмо вятских детдомовцев Владимиру Ильичу Ленину было действительно подписано мною по поручению собрания воспитанников. Отец мой был рабочий. Он умер от тифа в 1920 году; а мать погибла от голода в 1921 году. Я остался сиротой. Беспризори-

чал, пока не попал в детский дом имени В. И. Ленина в городе Вятке. Там я вступил в один из первых пионерских отрядов. С тревогой мы узнали о болезни Владимира Ильича. Решили послать ему подарок. Из рогожки была любовно изготовлена папка для бумаг. На кожаной пластинке, прикрепленной к папке, аккуратно выжжено известное вам письмо. Теперь наш подарок находится в Доме-музее в Горках Ленинских».

Вскоре красные следопыты установили, что подарок Ленину вручали вятские пионеры Л. Кутергин, Г. Богданов, З. Прищепчик, Ж. Яровикова, Г. Семакова. Вот если бы познакомиться с ними!

«Приезжайте в Москву», — получили они приглашение старых коммунистов.

И вот голубой автобус мчится по Каширскому шоссе. Вместе со следопытами едут П. Д. Мальков, доктор исторических наук А. П. Кучкин, бывший секретарь ЦК ВЛКСМ А. И. Мильчаков, один из первых вятских комсомольцев М. В. Домрачев и Л. Н. Кутергин, тот, что отвозил подарок детдомовцев Ленину.

По заснеженной аллее их ведет Павел Дмитриевич Мальков. Ему хорошо известен этот парк. В 1918 году нужно было подыскать место для загородного отдыха Ильича. Выбор пал на Горки. Я. М. Свердлов и Ф. Э. Дзержинский лично осмотрели жилые дома. 25 сентября 1918 года сюда приехал Ленин. В Горках он отдыхал и работал.

Следопыты Санчурска вот уже четвертый год ведут экспедицию «Наши земляки о Владимире Ильиче Ленине». За это время провели несколько походов, много интересных встреч.

— Вот некоторые наши находки. — Наташа Васильева показала пожелтевшие от времени листовки первых вятских революционеров-ленинцев и Программу РСДРП, принятую на IV объединительном съезде партии.

Этой находкой заинтересовался доктор исторических наук Андрей Павлович Кучкин. Он посоветовал передать документы в Институт марксизма-ленинизма.

С большим вниманием слушали москвичи рассказ Тани Добрыниной о вятском селе Матвинур. У школы большая дружба с колхозом. Производственная бригада вырастила хороший урожай картофеля. Ребята шефствуют над животноводческими фермами. Второй год работает клуб юных атеистов. Колхозники с удовольствием смотрят спектакли детского кукольного театра.

— Мне очень приятно, что Кировская пионерия хранит и умножает замечательные традиции первых вятских пионеров, — похвалил следопытов Леонид Николаевич Кутергин. — Я хочу

рассказать вам о том, как мы вручали подарок Владимиру Ильичу Ленину.

...Лето 1923 года. В детском доме имени Ленина приятная новость: группа ребят едет в столицу, чтобы посетить сельскохозяйственную выставку. С собой они везут подарки Ильичу. Как же их вручить? В ЦК комсомола сказали: «Не волнуйтесь, друзья. Ваши самоделки мы обязательно передадим Ильичу. Вот только папка из рогожи не очень подходит». И отложили ее в сторону.

У пионерорганизатора Зины Прищепчик в Москве жил брат. Мы рассказали ему о своем желании встретиться с Лениным.

— А вы поезжайте в Горки,— посоветовал он.

Мы двинулись в путь. Добрались до Горок. Осторожно подошли к дому с белыми колоннами. Заглянули в одно окно, другое. В доме, видимо, заметили ребят. На крыльцо вышла Надежда Константиновна Крупская.

— Вам кого? — спросила она.

Мы растерялись.

— Владимира Ильича бы повидать! — робко произнес кто-то.

— Владимир Ильич болен.

— Мы подарок ему привезли.

Надежда Константиновна взглянула на папку из рогожки, улыбнулась: — Откуда вы приехали?

— Из Вятки.

— Вот как! Тогда минуточку обождите.

Надежда Константиновна ушла в дом. Через несколько минут она вышла.

— Проходите! Только ненадолго.

Замирая от волнения, мы прошли в комнату, в которой находился Владимир Ильич. Он сидел в плетеном кресле. Мы окружили Ильича. Вручили ему подарок.

Вспоминая о подарках вятских пионеров, Надежда Константиновна потом писала: «Я поставила их в большой комнате верхнего этажа, рядом с комнатой Ильича, и Ильич, когда проходил мимо, взглянет, бывало, на них и улыбнется. Очень хотелось ему, чтобы наши советские ребята выросли в сознательных коммуни-

По следам «Уральского следопыта»

В одиннадцатом номере «Уральского следопыта» за 1960 год рассказывалось об уральском рабочем из Лысьвы Василии Николаевиче Никандрове — первом исполнителе в кино роли Владимира Ленина.

А не так давно на Пермской студии телевидения создавалась передача о Никандрове, и режиссер Л. М. Кашеников разыскал сына В. Н. Никандрова — заслуженного артиста БССР Павла Васильевича Никандрова. Он приехал в Пермь, а потом и в Лысьву, где я с ним встретился. Павел Васильевич рассказал, что их семья жила в Лысьве около трех лет — с 1916 до 1918 года. Оба они, отец и сын, участвовали в занятиях драматического кружка.

Василий Николаевич Никандров после фильма «Октябрь» снимался еще в двух кинокартинах и играл роль В. И. Ленина в спектакле.

Сын В. Н. Никандрова Павел Васильевич подарил мне несколько снимков. Среди них — этот редкий: первый исполнитель роли Ильича и один из первых Героев Советского Союза летчик М. В. Водопьянов.

А. КАРЯКИН

стов, в умелых, убежденных строителей социализма».

Старый коммунист М. В. Домрачев рассказал еще об одной истории из жизни вятских детей в те далекие годы:

— С первых же дней победы Октября для нас стали неразрывными слова: «революция» и «Ленин». Однажды я решил написать письмо Ильичу. Хотелось сказать ему, что крестьяне требуют политических книжек. А где их взять? Несколько раз принимался за письмо и все откладывал. То начало: «К тебе, отцу Революции» не нравилось — не очень ли громко? То думалось: где у товарища Ленина время, чтобы письма читать? Но книги были нужны, как хлеб. И вот набрался-таки смелости.

Прошло немного времени. И вдруг из Москвы большой пакет. На конверте: село Ильинск, комсомольцу такому-то. Помню, как все в волносполкоме удивились: это был первый случай, когда в волость пришел из столицы такой пакет. Распечатали. В нем — объемистая

книга, в которой популярно излагались основы политических знаний.

Несказанно обрадованный, прибежал я домой. «Смотрите, книгу из Москвы прислали! Это Ленин мне подарил».

Бережно хранил я подарок Ильича. И не было для меня в целом свете ничего дороже его, как не было предела нашей страстной жажды света, знаний. Бывало, петухи уже начинают утреннюю перекличку, а мы все читаем, выясняем, спорим.

Вспомнил Михаил Васильевич и о том, как дети города Советска зимой 1919 года собрали для голодающих детей Москвы 654 пуда сухарей и послали их в столицу, Ленину.

* * *

Хорошее, доброе дело делают санчурские следопыты. «Эта книга,— пишут они в предисловии,— выражение нашей беззаветной любви к родному Ильичу. Мы с гордостью повторяем свой девиз:

Имя Ленина в сердце каждом!
Верность партии делом докажем!»

Д. НАУМОВ

ЭСТАФЕТА ПЛАМЕННЫХ СЕРДЕЦ

В июне 1966 года Стерлитамаку исполняется 200 лет. Что это — старость? Да нет, пожалуй, наоборот. Ведь здесь живет и трудится 18 тысяч комсомольцев. В них, прежде всего, неиссякаемая молодость города.

За свою почти полувековую историю комсомолия Стерлитамака сделала немало удивительного и интересного. Даже если обратиться к самым истокам существования организации, к сохранившимся до этих дней архивам, можно найти немало такого, что и сейчас звучит по-современному, живо переплетается с сегодняшними делами молодых жителей нашего города.

О чем говорят мемориальные доски

На стене горсовета — мраморная плита, на которой написано: «В этом здании 15 октября 1920 года проходил I Всебашкирский съезд РКСМ».

На заре Советской власти Стерлита-

мак был столицей Башкирии. Потому-то здесь и проводился этот съезд. Комсомольская организация республики насчитывала всего 1800 человек и на съезде присутствовало только 35 делегатов. Но и тогда молодежь Башкирии была боевой, активной силой. Комсомолец с 1920 года А. А. Карабинцев вспоминает: «Нам приходилось заниматься всем. Это и борьба с врагами Советской власти, и с вошью, которая в то время была не менее страшным врагом, чем контрреволюция. Это и охрана продовольствия, и военное обучение, и большая агитационно-массовая работа среди молодежи. Это, наконец, и жаркие споры о мировой революции, и воскресники».

У нас в городе есть и вторая мемориальная доска, установленная всего полтора года назад на одном из корпусов опытного производства изопренового каучука. Возводили его комсомольцы. И на доску занесены имена тех парней и девушек, которые отличились на строительстве этого уникального предприятия новейшей химии.

Молодежные газеты начинались так

Уездный комитет РКСМ в 1921—1922 годах выпускал устную газету «Комсомолец».

Если учесть, что в то время в городе не было радио, почти не получали газет и журналов, а многие юноши и девушки вообще читали по складам, то можно себе представить, каким огромным успехом пользовалась «живая» газета. Выпускалась она ежемесячно. Иной раз послушать «Комсомолец» во Дворец труда (ныне здание горсовета) собиралось до 500 человек. Его первые редакторы Лепешкин, Иванов и Карабинцев были так же и чтецами. Вот, например, один из номеров «Комсомольца» за март 1921 года. Первая «страница» — «Отношения Советской России с другими государствами», вторая — «Дела и задачи Союза РКСМ по борьбе с голодом и раз-

рухой в стране», третья — «О положении на фронте» и четвертая — «Местная хроника».

Сейчас, когда в городе на каждую тысячу человек приходится 1100 экземпляров различных газет и журналов, воочию убеждаешься, как далеко мы шагнули от той первой «ненастоящей», но чрезвычайно нужной в то время газеты.

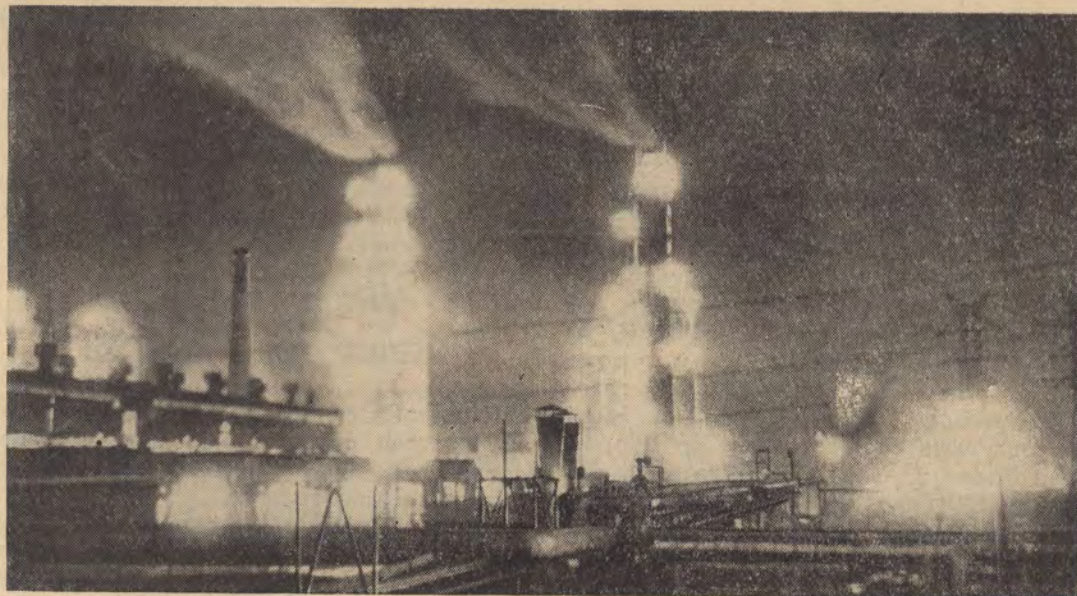
Ленин и теперь живее всех живых...

На столе секретаря горкома комсомола стоит оригинальная чернильница. История ее — часть истории всей стерлитамакской комсомолии.

С 26 января по 2 февраля 1924 года в Москве проходил II съезд Советов. Он собрался в дни траура и всенародной скорби: скончался Владимир Ильич Ленин. В числе других на съезде от наших комсомольцев присутствовал секретарь укома РКСМ Иван Шныра. В память об

Стерлитамакский химзавод. Бригада монтажников Виктора Сабельникова.

Стерлитамак. Здесь получают башкирский синтетический каучук.

Ильиче он привез небольшой сувенир — фарфоровую чернильницу. Она изображает два тома трудов Ильича, положенных друг на друга. С верхнего томика опускается книзу лист бумаги, на котором начертаны слова: «Поменьше политической трескотни», а на крышке чернильницы — факсимиле: «В. И. Ленин (Ульянов)». Поверх спускающегося листа расположен бюст Ленина.

С тех пор прошло более четырех десятков лет. Сегодняшние комсомольские вожак города Марат Резбаев и Нина Пищаева говорят:

— Когда заедает текучка, когда в работе бывает больше разговоров, чем конкретных и интересных дел, глаза невольно задерживаются на словах Ильича: «Поменьше политической трескотни». И вновь пересматриваешь свое отношение к работе. Вновь стараешься сверять дела свои и всю жизнь свою по Ленину.

Руки прочь...

9 мая 1965 года советский народ отмечал 20-ю годовщину со дня разгрома фашистской Германии. Когда окончилась эта кровопролитная война, казалось, что

к людям надолго пришел мир. Вот почему развязанная американцами грязная интервенция во Вьетнаме вызвала всеобщее негодование. В день двадцатилетнего юбилея на площади перед Домом культуры содово-цементного комбината собралось на митинг более 10 тысяч юношей и девушек. В конце митинга единодушно была принята телеграмма президенту США Линдону Джонсону, в которой говорилось:

«Господин Президент!

Мы, участники антивоенного митинга, клеймим позором американскую агрессию против народов героического Вьетнама и Доминиканской Республики. Народы этих стран должны сами решать свою судьбу. Если понадобится, молодежь нашего города готова исполнить свой интернациональный долг — помочь народу Демократической Республики Вьетнам отстоять свободу и независимость».

А более сорока лет назад, 9 мая 1923 года, на городском митинге комсомольцы Стерлитамака тоже направляли телеграмму, но другому господину — министру иностранных дел Англии лорду Керзону.

«Господин Керзон, — говорилось в ней, — комсомольцы Стерлитамака протестуют против новых провокаций английского правительства. Запомните, лорд Керзон, если потребуется — мы, как один, встанем на защиту своего Советского государства!»

Два документа, написанные в разные адреса разными поколениями советских людей, говорят сами за себя.

Две анкеты

10 августа 1918 года самый первый секретарь Стерлитамакского укома РКСМ Петр Наумович Висков заполнил такую анкету:

1. Образование — низшее.
2. Возраст — 23 года.
3. Принадлежность — член РКП(б) и член РКСМ.
4. Социальное положение — ничего не имею.
5. На какую работу больше способен — на любую, куда пошлет партия.

Комсомольцы города во время Всесоюзного Дня молодежи 25 июня 1965 года также заполнили анкету поколения 60-х годов XX века. Вот как она теперь выглядит:

1. Образование — самое лучшее.
2. Возраст — 15—28 лет.
3. Принадлежность — убежденные коммунисты.
4. Социальное положение — хозяева страны, строители новой жизни — коммунизма.
5. Профессия — строители, химики, машиностроители, служащие, учащиеся и студенты.

Интересно, как заполнит такую же анкету молодежь города в 2000 году?!

Письмо в 2000 год

В краеведческом музее Стерлитамака хранится сверток, на котором написано: «Вскрыть и прочитать молодежи города 25 июня 2000 года».

Это письмо было единогласно принято на том же празднике Дня молодежи. Вот несколько строк из него:

«Наше будущее, наша осуществленная мечта, поколение 2000 года, здравствуй!

К вам обращается поколение 60-х годов XX столетия. Мы — самое счастливое

из всех ранее живших поколений, ибо нам выпала самая почетная задача времени — завершение строительства Коммунизма. На нас легла обязанность — в условиях мирного сосуществования двух систем доказать на деле, что многовековая мечта человечества о его «золотом веке» осуществима.

Мы уверены, что являемся первым поколением людей, которые забудут, что такое война, при нас исчезнет позор колониализма.

Будущее нашего поколения, мы смотрим на тебя с завистью, но тем не менее мы счастливы. Мы счастливы потому, что первыми создали спутники, нам довелось лично увидеть улыбку первого космонавта Юрия Гагарина. Мы ведем самую святую борьбу на земле — борьбу за мир.

Это нашими руками создаются чудогорода в тайге, электростанции, поднимается целина, это нашими руками создается совершеннейшая техника, это мы проложили пути в космос.

И все это во имя человека, все для блага человека.

Будущее поколение! Тебе трудно верится, что на месте гигантов химии Башкирии — химзавода и завода СК — еще в конце 50-х годов были пустыри.

Наше будущее, ты прекрасно!

Мы видим свой город в садах, заново перестроенным. Мы видим красивейшие театры и дворцы, спортивные залы, кафе, магазины. Мы видим, как с нового аэродрома поднимаются самолеты новейших конструкций, может быть, ТУ-1114?

На Стерлитамакский космодром возвращается очередная экспедиция с Луны. У вас это в порядке вещей, а нам завидно! 25 июня 2000 года, в День молодежи, отправились в космическое путешествие на Марс наши земляки. Мы уверены, что эти скромные мечты осуществляются.

Дорогие друзья! Пройдут годы, и наше будущее станет вашим настоящим. Вы возьмете из наших рук эстафету поколений, эстафету, которую мы приняли от наших отцов: пламенность сердец, целеустремленность, дерзания, верность партии, народу, коммунизму.

Мы верим, что нашу эстафету приняло достойнейшее поколение. Мы верим, тебе, поколение 2000 года!»

М. МИНЕЕВ

г. Стерлитамак

ХОТНИК ЗА НЕВИДАМКАМ

Если не принимать в расчет тех учеников, которым на уроках вообще ничего не нравится, у каждого в школе бывают свои любимые предметы. Литература, география... Первенство могло бы принадлежать и истории, но иной ученик рассуждает так: «Зачем мне, скажите пожалуйста, помнить даты рождения и смерти фараона Рамсеса Второго или короля Людовика Четырнадцатого? Мне с ними именины не справлять. Жили, умерли — ну и прекрасно, обойдемся без коронованных особ». И все-таки поклонников у истории немало.

А вот много ли найдется чудаков, влюбленных, скажем, в теоремы Пифагора? Мне приходилось видеть, как на уроках геометрии потихоньку, из-под парты, читают какой-нибудь роман, но еще не случилось заметить, чтоб на уроке литературы так же читали «Геометрию». Обыкновенные люди, как правило, относятся к геометрии с почтением, но пылких чувств к ней не питают. А если питают — значит это не совсем обыкновенные люди, из них в будущем могут получиться ученые.

Может быть, тут я ошибаюсь, потому что когда-то у меня сложилось несколько странное представление об ученых. Во-первых, я считал, что будущий ученый

должен с детства иметь какую-то отличительную черту, чем-то выделяться среди сверстников. Во-вторых, втямшилось мне в голову, что настоящий ученый обязательно должен носить бородку, которую называют академической. Правда, Ломоносов никогда бороду не отпускал, и пришел он в Москву из никому дотоле не известных Холмогоров, но это обстоятельство меня не разубеждало, а казалось лишь исключением, простиительным для великого человека.

Удивительно ли после всего сказанного, что одного из своих давних знакомых, Виктора Хвостенко, я никак не мог признать серьезным ученым. Да, он веселый и умный собеседник, да, он хороший товарищ, но ученый!.. Нет, он не был похож на ученого. И кстати, он не только не отпускал бороду, а даже считал ношение бороды пижонством. Родился Виктор не в знаменитом

городе, а на небольшой станции, в семье железнодорожника, и живет теперь в Уфе, до остервенения спорит с ребятами на литературных диспутах в клубе «Физики и лирики» — словом, парень как парень. Об этом парне и пойдет рассказ.

Какого цвета Солнце?

У Виктора есть брат Геннадий, они близнецы. Это как раз тот случай, когда братья похожи друг на друга, словно две капли воды. В школе их часто путали. Путают до сих пор. Недавно Виктор ездил в Ленинград и заглянул там в университет, где работает брат. В коридоре его остановил какой-то студент и начал спрашивать:

— Геннадий Иванович, зачтите, пожалуйста, мою контрольную...— Виктор пытался рассеять недоразумение, сказал, что он здесь вовсе ни при чем. Студент ничего не понял и смиренно вздохнул:

— Хорошо, я подойду к вам попозже.

Затем Виктора снова окликнули:

— Гена, здравствуй! Когда ты успел так пополнеть? Или у тебя отекло лицо? Ты, наверно, чересчур много работаешь...

— Да, да, очень много работы...— пробормотал Виктор и поспешил дальше.

В детстве дело не ограничивалось только внешним сходством. Братья учились в одном и том же классе, у них были одинаковые вкусы и увлечения. Оба, как ни странно, недолюбливали арифметику.

Садились решать задачу.

— В магазин привезли 126 метров сукна...— читал Гена.

— Чушь!— выкрикивал Витя свое любимое словечко.— Кому интересно знать, сколько привезли сукна и сколько из бассейна вытекло воды?

— Все-таки надо решить,— вздыхал Гена.

Когда им купили учебники для шестого класса, они перелистали «Геометрию» и принялись читать ее с конца, с того, что было напечатано мелким шрифтом. Их поразили сведения об открытиях Лобачевского.

— Как это может быть? — размышлял Витя. — Возьмем две параллельные линии, например рельсы. Они все время идут на одинаковом расстоянии друг от друга — и все-таки пересекаются?..

— Удивительно! — подтверждал Гена.

Итак — удивление. Оно заставляет человека смотреть на мир широко раскрытыми глазами, побуждает размышлять, вызывает жажду знаний. Удивленные тем, что узнали о Лобачевском, ребята засели сначала за Эвклида, то есть начали читать учебник с первой страницы.

Геометрия как будто раздвинула стены дома, воображение рисовало землю и пространства неба, очерченные строгими линиями. Поломать голову над доказательством теоремы стало удовольствием. Поэтому впоследствии ребята учились легко и весело. К геометрии как-то сами собой примыкали алгебра, физика... Наука не уступала в увлекательности романам Фенимора Купера. Ребята начали читать все научно-популярные книги, какие только попадались под руку.

Однажды Виктор хитровато спросил брата:

— Генка, ты знаешь, какого цвета Солнце?

— Ну, оно разное бывает... Желтое, оранжевое, красное — как когда...

— Чушь! Солнце — черное. Абсолютно черное тело. Такова теория. Абсолютно черными называются тела, способные поглотить и излучить весь падающий на них свет.

Гена был удивлен. Может быть, именно тогда и родилось их увлечение астрономией.

По ночам они составляли карту звездного неба. Вбили во дворе кол, прикрепили к нему транспортер. С помощью этого нехитрого инструмента определяли координаты звезд, предварительно вычитав их названия из книг по астрономии. Наносили точки на карту. Наконец карта была готова, ее торжественно прикрепили в комнате к стене, и соседи приходили подивиться на нее.

Поворот к невидимкам

Бывают счастливицы, которые еще за школьной партией точно знают, кем они станут. Не приходится им мучиться, выбирая профессию.

— Итак, физика? — еще раз спросил Виктор после выпускного вечера.

— Физика — и только физика! — подтвердил Геннадий, шуточно поднимая руку, как при торжественной клятве.

Это может показаться неожиданным: увлекались математикой, астрономией — и вдруг физика. Бесконечное пространство, гигантские тела мироздания, превосходящие нашу Землю в миллионы раз — и вдруг поворот от них к атомам, к невидимым частицам материи... Но все объясняется просто: физика столь многосторонняя, что объединяет страсть математика к точности и поэтическую влюбленность астронома в звездное небо. К тому же, это наука, подобная сейчас действующему вулкану: то и дело извергает такие открытия, что во всех областях человеческого знания трещат и рушатся еще вчера казавшиеся вечными законы, гремят революции.

Итак, физика. Но в Ленинградском универси-

тете пути братьев немножко разошлись. Геннадий углубился в физику теоретическую, Виктор увлекся экспериментальной.

Когда человек занимается чем-либо с искренним увлечением — и трудность ему не в трудность, и усталости он не чувствует, и память его широко распахнута. Лекции доставляли Виктору удовольствие, с неменьшим интересом он занимался и в лаборатории. Учебники, конспекты, опыты, летом работа с друзьями на строительстве небольшой электростанции... Наступил день, когда профессор Дукельский сказал:

— Вы останетесь в аспирантуре. Пора точно определить тему вашей будущей научной работы. Я занимаюсь отрицательными ионами и, как ваш руководитель, могу предложить... м-м... заняться и вам отрицательными ионами, предположим, водорода...

Виктор был польщен: он уважал профессора Дукельского. Но...

— Но, Владимир Маркович, ведь известно, что свободный водород не дает отрицательных ионов. Крупнейшие физики мира пытались обнаружить их, но смогли получить ионы водорода лишь в составе воды.

— Пусть не смущают вас авторитеты прошлого. Возможно, дело только в том, что они не имели такой аппаратуры, какую теперь имеем мы. Мы можем поставить более точные эксперименты. Я не теряю надежды на успех, — заключил профессор.

Виктор колебался.

— И все-таки, почему водород, а не что-нибудь иное?..

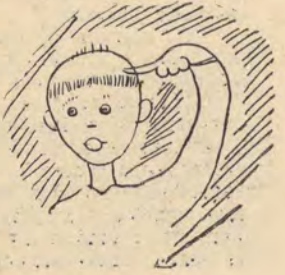
Действительно, почему? И на Земле, и во всем мировом пространстве водород — один из самых распространенных химических элементов. Мы сталкиваемся с ним ежедневно: мы его пьем, умываемся им, все наши реки и океаны — это соединение водорода с кислородом. У водорода простейший атом, его молекулу физики и химики «разглядывали» и так и сяк не одну сотню лет. Как надеяться после этого на серьезное открытие? Наверно, с тем же успехом в математике можно изучать истину «дважды два — четыре», надеясь открыть что-то новое.

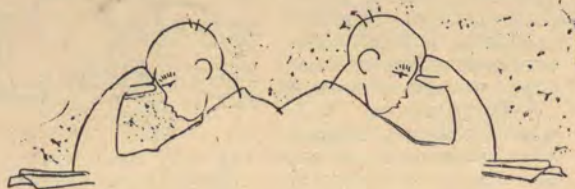
Профессор стоял на своем:

— Именно там, где все кажется ясным и взгляд исследователя скользит безучастно, могут таиться неожиданности...

Человек заглядывает в звезды

Вы помните известный рисунок — схему атома? Эта «неделимая», как считали в древности, частица мира в общем напоминает нашу Солнечную систему: вокруг тягелого ядра вращаются планетки-электроны. Хотя такое представление об атоме теперь тоже сильно устарело, прием

условно знакомую картинку за чистую монету, чтобы дальнейший наш разговор был всем понятен.

Теперь для наглядности вообразим, что откуда-то в окрестности Солнца влетела, как снаряд, неведомая планета и вышибла, увлекла в мировое пространство, скажем, Венеру. Солнцу некуда стало девать часть молодецкой силы, которую оно отдавало Венере; появился избыток энергии. Если у вас найдется свободная минута, поразмышляйте, в какое ужасное положение попала Земля. А пока пойдем дальше. Вообразите такую же катастрофу в недрах атома, и вы получите представление об ионе с положительным зарядом, то есть с избытком энергии.

Отрицательный ион получается в том случае, когда наш «снаряд» застревает в недрах системы. Появилась лишняя планета (электрон) — и энергии стало маловато на всех. Поэтому ион обозначается со знаком минус.

Задача Виктора Хвостенко именно в том и состояла, чтобы к молекуле водорода «пристегнуть» лишний электрон. Работа предстояла, прямо скажем, более изящная, чем та, что некогда прославилась тульского Левшу, который подковал стальную блоху.

И все же Виктор первым из физиков «увидел» отрицательный ион свободного водорода. Описал его поведение, нарисовал точный портрет. И стал кандидатом наук. Было ему тогда двадцать пять лет.

Диссертация В. Хвостенко привела других ученых к неожиданным открытиям. Благодаря ей была, например, разгадана одна из тайн... Солнца. Помните разговор о цвете нашего светила? Оно считалось абсолютно черным телом. Но в расчетах астрофизиков кое в чем концы с концами не сходились. Солнце вело себя так, будто оно не черное, а сероватое. Но чем это объяснить? В солнечной короне много водорода. «Вот если бы могли образовываться отрицательные ионы водорода,— рассуждали теоретики,— все бы сходилось. Но это невозможно...»

Возможно,— ответил своим исследованием Хвостенко. И человек еще лучше увидел звезды, бесконечно далекие от нас. Ведь то, что происходит на Солнце, вполне возможно и на других космических гигантах.

Так, шагнув от геометрии и увлечения ночным небом к атомам, Виктор вновь оказался причастным к астрономии.

О результатах его исследований сообщалось в научном журнале. Под статьей стояли подписи: В. И. Хвостенко, В. М. Дукельский. Хотя Виктор считал вклад своего руководителя в общий успех первостепенным, тот наотрез отказался ставить свою подпись под статьей первым. Профессор немного по-старомодному схитрил, выводя ученика «в люди». Если фамилия Виктора будет стоять

впереди, решил Дукельский, на нее обратят больше внимания. И на самом деле, вскоре из-за границы от коллег пришло письмо, адресованное «доктору Хвостенко».

Беззвучная канонада

Кое-кто может сказать: «Подумаешь, разгадали тайну Солнца! А какая от этого польза? Ведь не стало ни холодней, ни жарче».

Резонное замечание. Не правда ли, оно переключается с рассуждениями о фараоне Рамсесе и короле Людовике?

Но Виктор терпеть не может такого рода рассуждений.

— Чушь! — говорит он. — Философия лавочников. Из-за таких рассуждений страдает наука. Нельзя ждать от знания немедленной выгоды. В свое время мало кто понимал, для чего нужно изучать строение атома. Просто несколько «фанатиков» хотели знать больше, чем знали раньше. На них смотрели с усмешкой, говорили, что их чудачества стоят слишком дорого, и жалели деньги, потраченные на исследования. А теперь чудачи строят атомные электростанции и ледоколы. Им уже не терпится скорее разгадать тайны плазмы, научиться управлять термоядерной реакцией. Кстати, это невозможно без знания свойств отрицательных ионов водорода. Но я не хочу думать о практической пользе. Это — дело инженеров и техников. А я исследователь...

Тут, кажется, Виктор лукавит. Или в пылу полемики с теми, кто хочет от исследований тут же получать выгоду, он принял позу отрешенного от всех практических забот ученого. А если вдуматься, — то, чем он сейчас занимается, может завтра же обернуться нужными всем нам вещами.

...После защиты диссертации Виктор Хвостенко направили работать в Уфу, в институт органической химии. Снова неожиданный поворот: физик — и вдруг в химическом институте. Но границы наук четко очерчиваются только в учебниках. Так, на карте природных зон можно увидеть границу тайги и лиственных лесов, а попробуй найти эту черту, путешествуя, например, по лесам Урала! Белоногие березы, крепкие дубы растут вперемешку с соснами. Где здесь тайга и где лиственные леса? То же самое смещение происходит и на стыке многих наук. Теперь уже совершенно ясно, что физика и химия не могут обойтись друг без друга.

Институт органической химии в Уфе решает будничную задачу — изучает свойства сероорганических соединений. Дело в том, что нефть, добываемая в Башкирии и Сибири, содержит много серы. Сама по себе сера — штука неплохая. Каждый, наверно, слышал о серной кислоте, которую называют хлебом химической промышленности. Но, примешанная природой к нефти и газу, сера из нашего союзника превращается во врага. Она должна быть удалена из горючего. И сколько из-за этого хлопот у нефтепереработчиков! Она, превращаясь в кислоту, буквально поедом ест заводские установки, выводит из строя машины. Ее ничтожные примеси в газе мешают вырабатывать полиэтилен и синтетический каучук. Надо знать ее повадки, надо ее уметь вовремя разглядеть и обезвредить, а это непросто.

Вот вам задача: в городе с миллионным населением с первого взгляда нужно обнаружить человека, который несет в кармане, скажем, ябло-

ко. Примерно такую же задачу поставила жизнь перед лабораторией масс-спектрометрии, которой руководит Виктор. Он и его товарищи должны были научиться быстро отыскивать среди миллионов молекул газа ту одну, что несет в себе серу.

Началась настоящая охота за невидимками! Причем со стрельбой из «пушки», с канонадой, только неслышной.

В общем-то законы такой охоты были известны и раньше. Где-то в начале системы аппаратов расположена «пушка», стреляющая электронами в сильно разреженный газ. Невидимый снаряд вышибает из интересующей исследователя молекулы частицу — получается ион с положительным зарядом. Он подчиняется силам электромагнитного поля и отмечается специальными приборами.

Но вот беда: некоторые химические соединения дают тысячи, а то и десятки тысяч разновидностей одного и того же положительного иона. Получается как в нашем примере: в городе с миллионным населением мы должны вначале выделить десять тысяч прохожих с оттопыренными карманами, а потом уже среди них отыскать человека с яблоком. Долго и хлопотно! К тому же «вышибить» из молекулы частицу не так-то легко, заряд у пушки должен быть огромный — а это уже и дорого. Как же быть?

Виктор — специалист по отрицательным ионам! Он задумался: что, если не «вышибать», а, тратя намного меньше энергии, лишь «пристегивать» к молекуле лишний электрон? Отрицательные ионы не дают столько разновидностей, сколько дают положительные, они единичны. Значит, поиск упрощается в десять тысяч раз!

Говорят, все великое — очень просто. Но к простому решению люди идут сложными путями. Не займись Виктор когда-то отрицательным ионом водорода, не попади он случайно в уфимский институт, — кто знает, когда бы еще родилась эта нехитрая мысль.

Итак, определен новый принцип анализа состава газа. Теперь нужно «поймать» нужный отрицательный ион и дать четкое описание, чтобы потом каждый мог его безошибочно узнать. Начались опыты. И тут обнаружилась неприятность: оказывается, рядом с искомым при электронном обстреле появляется множество ионов-обманщиков. Молекулярный вес кислорода, например, совпадает с атомным весом серы. Тот же вес могут иметь различные сочетания «осколков» разбитых молекул. Поди угадай, что зарегистрировано бесстрастным прибором — сера, кислород или еще что-нибудь? Границы исследования раздвинулись. Потребовалось определить и изучить свойства ионов многих элементов из таблицы Менделеева.

Чаепития в лаборатории

В группе Виктора сначала было шесть человек. Они работали целый год, прежде чем изучили четыре отрицательных иона. Мало? Может быть, это не имеет для мира такого значения, какое имела Архимедова «Эврика!». Но сам характер науки теперь совсем иной, открытия ученых-одиночек — редкость. Наука стала подобной улью. Как ни работай пчела, она одна не натаскает и ложки меда. «Мед» науки тоже добывается тысячами людей, и четыре капли в нем — четыре первые пойманных иона.

Мы восхищаемся строителями, если они, от-

давшись большому делу, не считаются со временем, остаются добровольно после смены. Но мало кто видит и знает, с какой самоотверженной увлеченностью отдаются труду люди науки.

В лаборатории Виктора к стеклу шкафа приклеен неиспользованный билет в кино. Билет был куплен для Адилья Султанова, сотрудника Виктора, товарищем из соседней комнаты. Адиль, как частенько случается, в кино не пошел — не до того было.

Мы посмеялись по этому поводу. Виктор сбрался уходить.

— Схожу пообедаю.

Было около пяти часов вечера.

— Как — пообедаю? Добрые люди уже отработались и ужинать идут.

— Ну, у нас свой распорядок...

Да, распорядок своеобразный. На работу — с утра. Около пяти — ужин. В восемь, когда начинают чувствовать утомление, — крепкий чай. (Привычку «чаевничать» привез Адиль из Самарканды, где он окончил университет). И снова работа до одиннадцати — двенадцати. К сожалению, ребята злоупотребляют своим здоровьем. Катя, жена Виктора, говорила как-то, что, вернувшись домой, он снова подбадривает себя чаем и ночью работает над теоретической литературой. Человеку не хватает обычного рабочего дня, человек по-хорошему жаден, хочет побольше успеть в жизни. Это понятно. Но, может быть, чуть-чуть ослабить «пружину», тем же четырем ионам отдать не год, а полтора? Что заставляет так спешить к цели?

— Что?..

Адиль неторопливо ковыряет концом напильника в какой-то трубке.

— Во-первых, мы ведь представляем, где и над чем работают физики мира. Нас могут опередить. Даже случайно. А кому это доставит удовольствие? Во-вторых...

Во-вторых, результатов их исследований ждут ребята в Салавате и в Стерлитамаке, в Уфе и в десятках других городов. Ждет большая химия. Нельзя не спешить.

Внешне спешка эта не всегда заметна. И нет здесь беспокойного мелькания стрелок и световых линий на экране, что мы привыкли видеть в кинофильмах о физиках.

Адиль может полдня простоять вот так, тихонечко ковыряясь напильником в незамысловатой детали. Нередко тем же заняты и остальные. Вся аппаратура собрана и переключается их руками снова и снова.

Потом наступает час, когда действительно, как в кино, наливаются напряженным вниманием

глаза, мелькают показания приборов и самопишет торопливо превращает эти показания в зигзаги на длинном бумажном свитке. И приходит счастье, счастье открытия чего-то такого, о чем люди доныне не знали.

Дед Мороз в домашних тапочках

В шестом часу вечера я встретил Виктора на проспекте Октября. Он шел домой. Столь необычное событие (подумать только: он, как все, уже идет домой!) можно было объяснить лишь успешным окончанием какой-то важной работы.

— Есть хорошие новости? — спросил я.

— Да, идем сегодня с Натальей в цирк.

Он называет свою маленькую дочку Наташку не иначе, как взрослым именем.

— Цирк, насколько я понимаю, — следствие. А причина? Готов прибор для определения примесей в газе?

— Был готов и уже разобран.

— Как разобран? Его ж так ждут на заводах! — ужаснулся я.

Виктор засмеялся.

— Чудак, ты до сих пор не понял сути нашей работы. Мы же не конструкторы. Наш прибор никуда не годен за пределами лаборатории. Он груб, как каменный топор. Но мы дали принципиальную схему: теперь можно конструировать... Но хватит о работе. Пойдем ко мне, угощу чаем, какого ты никогда не пивал. Я теперь спец по чаю. Адиль просветил. Сегодня я отдыхаю. Иду в цирк. Имею я на это право?

— Конечно, имеешь!.. Слушай, а что дальше? Чем вы теперь будете заниматься?

— Есть одна идея. Простая, как мычание. Тебе никогда не приходила в голову мысль объединить производства мочальных веревок и космических ракет?

— Нет... Это уж, наверно, чересчур!

— Чушь! Не чересчур. Лишь трусливое мышление боится невероятностей. Свою идею мы пока держим в секрете. В общем, хочется поглубже влезть в процесс химических реакций и управления ими. Вот, положим, синтезируют каучук: у нас так, у американцев по-иному. Существует много методов получения каучука, но все они создавались наугад, вслепую. Одним повезло — они нащупали метод получше; другим не повезло, а поче-

Мы, уфимцы, уже привыкли и зимой и летом приходить на мотодром и, стоя (так удобнее), «болеть» за своих любимцев. И совсем неслучайно ожидаем от них самых высоких результатов. Ведь гонщики из Башкирии были чемпионами Российской Федерации, Советского Союза, Европы, финалистами мирового первенства. Рассказывая о своих знаменитых земляках, трудно оставаться объективным. Но, к счастью, есть один простой выход — «свидетельские показания» иностранцев. Уж им-то, кажется, незачем преувеличивать успехи наших спортсменов.

Вот одно из писем, полученных Борисом Самородовым: «Уважаемый мистер Самородов! Разрешите представиться: меня зовут миссис Карол Симз. Я редактор журнала «Сайкл Уорлд», ведущего журнала по мотоциклетному спорту в США... Будучи восхищена вашими успехами, я решила, что, может

ДЖИГИТЫ

быть, вы согласитесь поддержать переписку с нами...»

Это — по почте. Интересуются иностранцы нашими мотогонками и тогда, когда приезжают в Уфу. Однажды на мотодроме я разговаривал с эфиопскими специалистами, которые проходили практику на Ново-Уфимском нефтеперерабатывающем заводе. Стойко боролась они с морозом. Один из них, Шеварегед Гебре, сказал мне:

— Холод ужасный. Но разве увидишь, когда такое только в Уфе можно увидеть.

А теперь давайте заглянем в английский журнал «Звезды спидвея» за 1963 год. Вот несколько строк из него. «В 1962 году мы с восхищением наблюдали за стилем езды уфимского водите-

му — объяснения нет. Пока многие решения целовека зависят от загадочного поведения молекул, а надо, чтоб молекулы подчинялись нам. Мы поставили рядом два понятия, такие же далекие, как веревка и ракета, и попытаемся с этим ключиком проникнуть в тайны реакции... Впрочем, ты заставляешь меня говорить о работе. Это нечестно. Идем пить чай и до цирка поболтаем о каких-нибудь пустяках...

Но разговора о пустяках не получается. Дома у Виктора на книжной полке множество новинок. Накидываюсь на них. Вот уже несколько лет Виктор страстно увлекается историей. Так же страстно, как и поэзией. Ему можно позавидовать: он знает наизусть массу стихов — от Жуковского до Окуджавы. И он помнит даты рождения фараона Рамсеса Второго, короля Людовика Четырнадцатого и множество других имен, дат, фактов. Сочинения Плутарха, речи Цицерона, соловьевская история русского государства, мемуары полководцев Великой Отечественной войны — чего только нет на массивных полках!

Я не могу объяснить, какая связь существует между Цицероном и современной физикой, но мне почему-то думается, что Виктор не был бы хорошим ученым без всего этого.

И еще — без своей Натальи.

Быть может, он скоро всерьез займется и педагогикой. С Натальей надо держать ухо востро. Любой педагогический промах немедленно разоблачается, оплошности вызывают скандал. Однажды под Новый год папа нарядился Дедом Моро-

зом. Дед Мороз выглядел почти настоящим: в белоснежном халате, с бородой до пояса. Но, к сожалению, он вышел из ванной комнаты в домашних тапочках и был с позором изобличен в нечестности. Хорошо, что Наталья незлопамятна и вскоре она заулыбалась снова и протянула дружескую руку...

Мы пьем чай, затем семья Хвостенко направляется в цирк. Элегантный молодой человек в голубом, как весеннее небо, костюме ведет за руку маленькую девочку. По тротуару течет вечерний поток уфимцев, и никто из них не догадывается, что рядом с ними шагает человек, проникший в тайну Солнца и умеющий охотиться в мире невидимок. А мне весело: я это знаю! И мне смешно вспомнить свои такие былые представления об ученом.

Ведь он такой же, как все, — разве только тем отличается, что страстно и сразу любит и геометрию, и звезды, и стихи, и историю.

Марсель ГАФУРОВ

МОТОДРОМА

ля Игоря Плеханова, который набрал семь очков в финале чемпионата мира. К сожалению, Игорь не вышел в финал в этом году, но вместо него Россия была представлена Борисом Самородовым. Подобно Плеханову, Самородов — шофер и уроженец Уфы, этой помешанной на спидвее (мотогонках на гари) области России.

Самородов улучшил достижение Плеханова, набрав 11 очков, которые дали ему четвертое место. Замечательное достижение, которое не замедлила по достоинству оценить толпа болельщиков Уэмбла...»

К этому высказыванию английского журнала следует добавить, что в 1964 году Игорь Плеханов был вторым призером первенства мира по гаревым гонкам; а Габдрахман Кадыров стал первым чемпионом Европы в мотогонках на льду. Когда, год спустя, в Уфе завершился второй чемпионат континента Габдрахман Кадыров оказался серебряным призером. А нынче он стал первым чемпионом мира!

...Высочайшего мастерства добились наши лучшие спортсмены. Но ведь за ними тянутся и их ученики. Мужает смена.

И корреспондент журнала «Звезды спидвея» не ошибся, когда назвал Башкирию «помешанной» на мотоспорте областью России.

Д. ГАЛЬПЕРИН

Д В Л О

Документальная повесть

Ю. ХАЗАНОВИЧ

Рисунки Н. Мооса

«КУКУШКА»

Давыдов медленно встал из-за стола. У него затекли ноги. Шутка ли, засели в восемь, а теперь часы показывают пять минут одиннадцатого. Он собрал назад линиялую гимнастерку, прошелся от стены к стене, стараясь не греметь тяжелыми, разбитыми сапогами, и задержался возле окна.

Люди молчали. С самого утра спорили, теперь ждут его, директорского, слова. А что он может сказать, директор мертвого завода?

На фронте, в минуты затишья, он видел свою «Агашу», свой Верх-Исетский. Видел его таким, каким оставил в восемнадцатом, уходя на Колчак. А что застал, вернувшись? Двор, заваленный кучами битого кирпича, мусора, ржавого железа. Безмолвный полумрак пустых, выстуженных цехов, изувеченные машины, разрушенные печи, в которых подвывал ветер. И тишину. Нежилую, леденящую сердце тишину. Даже не верилось, что все здесь когда-то жило, двигалось, шумело. Где только ни слышали про верх-исетское железо! На славе был завод. Вернется ли она когда-нибудь? Найдет ли дорогу?

Василий Ливадных и еще несколько человек, с которыми Давыдов пришел на завод, были подавлены, как и он.

— Доброе наследство оставили беляки,— угрюмо сказал прокатчик Михаил Похалуев, дергая свои усы.

— Хоть бы стукнуло где,— прислушиваясь и словно боясь потревожить эту тишину, негромко проговорил Давыдов.— Тише, чем тогда, при заставке. Помните?

Над мартеновским цехом с криком взлетело, закружило воронье.

— Кладбище...— вздохнул Давыдов.

— Тужи не тужи, товарищ красный директор,— улыбнулся Василий Ливадных,— а налаживать хозяйство надо. Небось, не думалось, не гадалось, что доведется управлять не паровозом, а целым заводом?..

Первое время красный директор Верх-Исетского по утрам ловил себя на том, что подходя к своему кабинету, невольно замедляет шаг и с

неожиданной робостью, с каким-то опасением отворяет высокую дубовую дверь. Поначалу ему всякий раз чудилось, что навстречу из-за стола удивленно и рассерженно поднимется длинная поджарая фигура управляющего, хотя он знал, что Рулев бежал еще в октябре семнадцатого. Давыдов посмеивался над собой, потому что при Рулеве, переступая этот порог, он меньше всего робел и опасался.

Кабинет, как и весь завод, был тот же, что и раньше, и не тот. Все стояло на своих прежних местах — стол на двух массивных тумбах, перед ним — два кожаных кресла, по стенам — венские стулья. Но не было ни зеленого сукна на столе, ни бронзового орла, охранявшего граненые хрустальные чернильницы, ни лампы со стеклянным абажуром-тюльпаном; исчезли часы в резном футляре, похожем на шкаф, не было в помине и ковровых дорожек, приглушавших шаги посетителей.

Должно быть, исчезла и какая-то другая мебель, потому что в кабинете стало как-то вольнее, просторнее. Это было теперь даже кстати: каждый день здесь собиралось много народу. Судили-рядили, как оживить завод, с чего начинать.

Сперва удалось наладить часть механического. И цеху сразу нашлось дело — чинить походные кухни, фургоны, двуколки для Красной Армии. На востоке еще шли бои с белогвардейцами, а воинские обозы, прошедшие многие сотни верст, износились, требовали ремонта.

Но с самого начала всем было ясно: главная загвоздка в топливе. Без топлива завод не поднять.

Разбирали заборы, старые ненужные постройки. Рабочие с ручными санками с утра отправлялись на поиски дров. Несколько десятков человек возили на себе дрова издалека, из урочища «Трех братьев». Но все, что накапливалось за несколько дней мучительного труда, котлы пожирали в одни сутки.

Вспомнили про торф. Невдалеке от завода — торфяник, бери сколько угодно. Даже добывать не нужно: с довоенных времен лежит немалый запас. Да как перевезти? Всего не больше четырех верст, а на санках всем заводом таскай — не перетаскаешь.

— Узкоколейку надо,— решили на совещании.— Рельсы на заводе имеются. Начнем класть, люди выйдут на подмогу...

¹ Окончание, Начало см. №№ 1, 2, 3.

Так и сделали: узкоколейку строили все. После работы «кирковал» и директор. В это время в механическом строили вагонетки, а трое работников рыскали по разным организациям, пытались раздобыть лошадей: колчаковцы разграбили конный двор.

Три дня назад закончили прокладку колеи. Из механического выкатили готовые вагонетки. Привели лошаденку, которую посчастливилось достать. Впалые бока, ребра все на виду — таких в народе называют одрами. Но все-таки — лошадиная сила.

Нагрузили вагонетки торфом, подтолкнули, и «поезд» пошел. Но в самом конце маршрута стряслась беда. На этом участке оказался незначительный уклон, вагонетки покатались быстрее, конек не смог сдержать их, и ему переломило ноги.

Постояли, погоревали молча над несчастным коньком и опять задумались: как же перевозить топливо? Пожилой рабочий громко сказал:

— Сами будем толкать. Все же это не санки...

Быстро сколотили бригады, стали возить. Посмеивались: механика! Но к концу дня поняли: ручной подвозкой, если даже отвлечь еще больше людей, топливом завод все равно не обеспечить. Пришли к единодушному выводу: нужен паровоз.

...Половину вчерашнего дня Давыдов протолкался в Екатеринбургском отделении Пермской железной дороги. Ходил из кабинета в кабинет, не уставая объяснял, какое положение создалось на заводе, просил. Ни малейшего сочувствия: «Где мы возьмем вам паровоз? У самих не хватает...»

Об этом он и рассказал сегодня утром старикам-верхисетцам, своей «опоре». Заодно рассказал и о задумке, которая «заворошилась» у него в эти дни. Еще в четырнадцатом году завод построил мельницу, теперь она тоже разрушена. Но не безнадежно. Давыдов облазил, осмотрел ее всю. В несколько субботников можно восстановить. Из окрестных сел крестьяне по старой памяти привезут зерно. За помол брать натурой, мукой. Этой мукой и платить рабочим. Если дело пойдет хорошо, мельница прокормит завод.

Василий Ливадных высказался против. Дескать, надо поднимать предприятие — это главное, а мельница отвлечет, оттянет силы. На этой почве и заспорили.

Но пустить мельницу без топлива невозможно. А топливо завезти на завод не на чем. И опять очутились в том же тупике...

В разгар шумных споров в кабинет вошел Павел Сомов. Невысокий широкоплечий паренек-крепышок с синими глазами на красивом почти мальчишеском лице. Косой рубец на нижней губе — след от рукоятки колчаковского нагана — не портил его.

В начале семнадцатого года Сомов пришел на паровоз к Давыдову помощником машиниста, а сейчас сам занял место у правого крыла.

Тихо притворив за собой дверь, он дождался минуты, когда все замолчали, и по-ученически поднял руку.

— Можно мне, Николай Михайлыч?

Давыдов перевел на него рассеянный взгляд.

— Ты о чем, Паша?

— О том самом, о чем все вы тут... Скажите, Николай Михайлыч, дают нам паровоз?

— Отказали.

— Тогда у меня план.— Сомов вышел на се-

дину кабинета.— На полустанке Палкино стоит узкоколейная «кукушка». То, что нам надо. «Борзиг» — на ней написано. Немка, видать. Машина подходящая, с виду вроде бы даже исправная.

— В чем же твой план?

Синие глаза Сомова будто сделались ярче от внезапных озорных огоньков.

— Я считал, Николай Михайлыч, вы уже догадались...— Он сделал руками движение, словно сгребал что-то.— Заманить «кукушечку»...

— Как это — заманить?

— Ну — перекатить в завод,— Сомова определенно огорчила непонятливость директора.

— Иными словами — стащить?

— Зачем такие слова, Николай Михайлыч?

— А чья она, эта «кукушечка»? — серьезно поинтересовался Давыдов.

— Почем я знаю? Стоит себе и стоит. Ясное дело, брошенная, забытая. Охраны никакой. Кругом нее покалеченные паровозы...

Давыдов хмыкнул:

— Не первый год знаю человека, и на тебе — охотник за тем, что плохо лежит...

Вспыхнул короткий смехок. Сомов тоже улыбнулся, но сказал нетерпеливо:

— Если изладить такое, как бы сказать, устройство — шпалы, а на них рельсы закрепленные, чтоб их можно переносить, перекажем «кукушечку» за милую душу...

Давыдов медленно водил карандашом по листу бумаги.

— Что ж вы молчите, Николай Михайлыч! — горячился Сомов.— Надо решать.

Директор поднял на него большие карие, немного утомленные глаза.

Николай Михайлович Давыдов, 1920 год.

— Решать, Паша,— значит думать. Вот я и думаю: все наше — страна, власть, а мы — воровать. У кого? Разве это порядок?

Сомов разочарованно оттопырил губы и стал еще больше похож на мальчишку.

— Ну, если так думать — на себе торф придется таскать.

— Ты полагаешь, у нас не будет порядка?
— Почему же? Будет, наверно. Давайте ждать.

Михаил Похалуев предложил сообщить железнодорожникам про паровоз и потребовать, чтоб его передали заводу.

Шумно поднялся Василий Ливадных, в кабинете решительно загудел его бас:

— Ни под каким видом! Не знают старорежимные чинуши про паровоз — так им и надо. А узнают — зажмут...

Давыдов вспомнил свой неудачный поход и мысленно согласился с Василием.

Опять вспыхнул спор.

— Взять «кукушечку» — и все тут!

— Паровоз — не иголка, не упрячьешь.

— Давыдов прав: беспорядок это. Упредять надо железнодорожников.

— Увезти «кукушечку» — и молчок.

— Закукует она — прослышат.

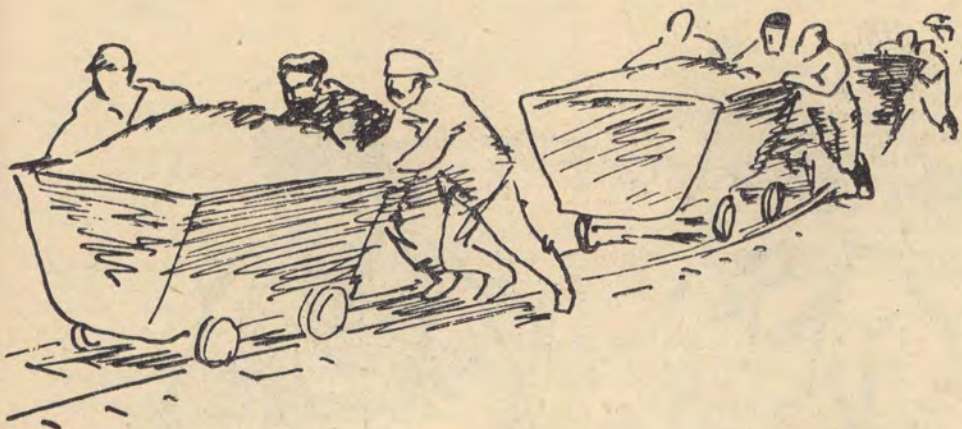
— Там видно будет. Пока торфом запасемся.

— На худой конец отымут...

— Фигу им...

И вот отспорили, отшумели и стихли, пошатывают на директора: слово, мол, за тобой.

Давыдов стоял у окна. Пустынный заводской двор был косо заштрихован мелким гу-

стым дождем. По двору неторопливой и молодой походкой шел высокий человек в длинном узком пальто с поднятым воротником и черном картузе. Руки за спиной, туловище наклонено вперед, словно человек шел против ветра. Давыдов приник к стеклу, тотчас оторвался, сказал на ходу: «Я сейчас, товарищи...» и быстро вышел из кабинета.

Прогрел по лестнице сапогами, выскочил во двор.

— Папа!..

Михаил Федорович быстро обернулся.

— Что ты здесь делаешь?

Отец улыбнулся виновато.

— А ничего...

— Все-таки... Зачем ты пришел?

— Просто пришел. Поглядеть, над чем директорствуешь.

— Вот оно что! Пожалуйте... Жаль только, рано: всего один цех работает. Но ты смотри и представляй себе: все движется, крутится, действует!..

— Ладно, разберусь. Иди, занимайся...

Давыдов вернулся в кабинет. Подошел к столу, сказал негромко:

— Кому поручим привезти «кукушку»?

ИДЕИ, ИДЕИ...

— Здорово, Давыдов! Я к тебе!..

— Здравствуй, Нечаиха...

— Ты, Давыдов, верно, решил, что я забыла твое обещание. Так ты, будь добр, учти, что я никогда ничего не забываю.

— Садись сначала, — перебил Давыдов.

Когда в кабинет со своим неизменным брезентовым портфельчиком влетала — не входила, даже не вбегала, а именно влетала — Нечаиха, маленькая, стриженная, черноглазая, Давыдову постоянно казалось, что в кабинете поднимается ветер и со стола вот-вот полетят бумаги. Иногда он даже прикрывал их на всякий случай папкой.

Павла Нечаева, или Нечаиха, как называл ее Давыдов, — коренная верх-исетская, сталеплавильщицкая дочь. В семнадцать она вышла замуж за рабочего парня Ивана Нечаева, а в двадцать один овдовела. Белые, заняв город,

таскали на допросы и пытали ее, красноармейскую жену. Павла на два месяца раньше срока родила дочку, около года скрывалась с нею в лесу. В день, когда свекор привез ее домой, пришло известие о гибели Ивана...

Спасение Нечаева нашла в работе, и Давыдов нагружал ее так, чтобы не оставалось времени для тягостных мыслей. Работала она самоотверженно, яростно и шумно.

Когда она покорно опустилась в кресло против стола и положила портфельчик на колени, Давыдов сказал:

— Теперь говори.

— Так вот я и говорю, что ничего не забываю. В детском садике не хватало трех нянек. Если нет средств на всех трех, дай хоть на двух. В крайности на одну. Ты обещал. Но так же нельзя. Женщины не считаются, ночь-полночь, а у них...

— Поймай, притормози, — Давыдов поднял руку. Нечаева умолкла.

— Двух нянек можешь нанимать. С бухгалтером договорено...

— Это я понимаю! — она хлопнула рукой по брезентовому портфельчику. — Сейчас оттуда, из садика. Детишки поправляются, но еще худенькие. Тебе привет от твоей единокровной Зоиньки. Бледенькая она. Эх, дать бы им хорошо поесть... Вчера в потребкоммуну крупа пришла. Выбила немного. Хотела больше. Нужна была твоя помощь, не нашла тебя. Знаешь, что я скажу? Копи денежки. Через полгода еще один садик придется открывать. Это я точно говорю. Уже сейчас отбою нету... А было-то что! Силком тащили. Сегодня какой случай у меня... Когда еще переписывала детишек, одна красноармейка наотрез отказалась давать своих ребят. А у нее четверо, муж погиб. «Я, говорит, знаю: коммунисты хотят заморить наших детей...» Темень. Я тогда же рассказывала тебе, помнишь? Ничего ты не помнишь.

— Почему не помню? — возразил Давыдов. — Еще чуть не огрела тебя ухватом.

— Вот, вот, — обрадовалась Нечаева. — Только не ухватом, а кочергой. А сегодня сижу, пишу. Заходит какая-то баба. «Можно?» — «Заходи, говорю, садись». Садится, смотрит на меня, как на черта, глаза вот такенные, лицо помуч-

нело, губы трясутся. Я ей стакан воды. Не берет. «Это ты?» — говорит. Отвечаю, что я. «Ты, говорит, не узнала меня?» Я говорю, что не знаю ее. Заревела и сквозь слезы: «Так это ж я-то на тебя с кочергой...» — «Вот оно что, говорю, извиняться надумала?» — «Извинение само собой. Детишек бы в коммунию...» — «Примем, говорю, твоих детишек. Только это еще не коммуния, а садик». Так что готовь, товарищ директор, денежки на новый...

С людьми говорливыми и шумными Давыдов всегда чувствовал себя несколько подавленно, неуютно. Лишь одна Нечаиха составляла исключение. Он посмеялся и успел воспользоваться паузой.

— Есть и у меня к тебе дело, Нечаиха. Посоветоваться хотел... Вот, значит, раздается гудок на обед. Когда-то рабочий прихватывал из дому узелочек. Было там мясо, шаньга, хлеб, конечно. В зависимости от достатка. А нынче у всех одинаково: в одном кармане пусто, в другом нет ничего...

— Что уж говорить, — Нечаева качнула головой. — Лучшее кушанье — оладьи из лебеды.

— И вот представь. Прогудел гудок. Рабочий выходит из завода, идет в дом, который рядышком где-то. Подает талончик с печатью, а ему взамен — тарелку супу, хлеба кусок. Подспорье все-таки...

Нечаева вскочила, портфельчик шлепнулся на пол.

— Это я понимаю!

— Словом, рестораном заведение это не назовешь, а «столовая» — подойдет.

— Столовая! — ликующе повторила Нечаева.

— К тому же бесплатная.

Нечаева нагнулась было за портфельчиком, но, не дотянувшись, резко выпрямилась, всплеснула руками.

— Слушай, Давыдов, это же коммунизм! Он рассмеялся.

— Неполный еще...

Наконец она подняла портфельчик, вооружилась огрызком карандаша, стала что-то лихорадочно записывать. Внезапно улыбка слетела с ее губ.

— А хлеб, а продукты, а помещение?

Давыдов рассказал о мельнице, о том, что мука непременно будет, другие продукты можно выхлопотать в той же потребительской коммуне...

— А ты пока подними свой женотдел. Помещение подыщите, столы, скамейки. Посуду надо раздобыть. Ложки, вилки... Вилки, я думаю, тоже нужны... Найти женщин, которые в поварихи пойдут. Ну, в целом-то как, одобряешь?

— Красота! — Нечаева перестала писать. — Сегодня же организую своих баб.

— И еще есть у меня одно... — Давыдов задумался. — Но это, наверно, в другой раз.

— Нет, нет, — запротестовала Нечаева. — Давай выкладывай.

Давыдов усмехнулся тепло и как будто немного смущенно.

— То был вопрос, как бы сказать, желудочный. А теперь — более деликатный. Сердечный...

Нечаева замерла. В черных глазах затаилось любопытство.

— Время хоть и голодное, и трудное, а люди все равно женятся...

Она потупилась, тоненькая складка обозначилась на лбу.

— Так жизнь устроена, — неторопливо продолжал Давыдов. — И это хорошо... Вот бы и сыграть свадьбу. Первую советскую свадьбу. Без церкви, без пьянки...

Нечаева снова вспыхнула.

— Вот это... Откуда у тебя все берется, Давыдов?

— Бессонница, — улыбнулся он. — Только тут поспешать не нужно. Пораскинь умом хорошенько, чтоб красиво было, весело. Клуб мы приберем. Пианино мне обещали. И главное — чтоб это не напказ, а по-настоящему. Чтоб и другим молодым захотелось в рабочем клубе свадьбу справлять.

Карандаш в руке у Нечаевой остановился. Она задумалась, понуриг голову. Черная волнистая прядка упала на лоб, но Нечаева не убирала ее.

— А я венчалась в церкви. Батюшка выпивши был, колечко мое выршил, долго на карачках ползал, искал... Три дня потом пилигуляли, только мне на сердце еще в церкви камень пал. Предчувствие, видно...

Она замолчала и некоторое время сидела неподвижно. Потом тряхнула стриженными волосами, затуманенно посмотрела на директора.

— Ты, Давыдов, тоже в церкви венчался?

— Где же еще? Это в пятнадцатом было. Из-под венца — на пруд. Трое друзей, да мы, молодожены. По дороге купили бутылочку красного, конфеты, и всю ночь, почти до зари, — на лодке. Пели песни, говорили, смеялись. И весело было. Без пьянки. И запомнилось на всю жизнь...

В дверь постучали тихо и несмело. Давыдов разрешил войти. Женщина, одетая бедно, но опрятно, задержалась на пороге. Давыдов показал ей на свободное кресло.

Нечаева поспешно спрятала бумажки в брезентовый портфельчик, поднялась.

— Так я пошла, Давыдов, — она размашисто протянула ему руку. — Опять начинил ты меня идеями... — и дробно простучала к двери старенькими, но гремучими сапожками.

— Шапарова я, — сказала женщина, присев на краешек кресла. — Покойного Егора Петровича Шапарова, из листопрокатного, жена. Вдова, вернее сказать. Может, знали его? — Она ожидающе смотрела на Давыдова красивыми скорбными глазами.

— Как не знать! — сказал Давыдов, внимательно глядя на женщину. — Даже хорошо знал Егора Петровича...

Она посмотрела на директора просветленно и благодарно. А Давыдов увидел Шапарова, пришибленного, перепуганного, на квартире у Алексея Рогозинникова, потом на заводском дворе за листопрокатным цехом. Сгорбленная, настороженная спина, трусливый взгляд через плечо...

— Вы что-то сказали? — отрешаясь от воспоминания, спросил Давыдов.

— Говорила я ему, Егору-то Петровичу: не лезь ты на рожон. Призовут, тогда пойдешь. «Нет, я сам должен...» Сам и кинулся встреч своей смертушке... — женщина приложила к глазам краешек платка.

— Что ж теперь осуждать Егора Петровича, — раздумчиво сказал Давыдов. — Видно, он поступил, как было нужно...

Женщина опустила голову.

— Старший сынок тоже добровольно... супротив Колчака. И тоже головушку сложил...

— Сколько ему было?

— В двадцатый только вступил...

— Жаль паренька. С кем же вы остались?

— Дочка, шесть годков. Да отец мой. Старый, не встает уж. Прошлый год среднюю мою тиф унес. Пятнадцать ей было. Едоков-то

хоть и мало осталось, а жить немоготу. Просить пришла. Может, куда пристроите на заводе... — И опять ожидающий взгляд.

— Забыл спросить, как вас зовут, — с рассеянной улыбкой сказал Давыдов.

— Катериной Васильевной.

Помолчав, спросил:

— Детей любите, Катерина Васильевна? Не только своих, вообще?

Она с грустным недоумением усмехнулась.

— Как же их не любить-то?

— Я тоже так думаю. Наш завод открыл для детей садик. Можно туда и вашу дочку. А вы нянькой не пошли бы, Катерина Васильевна?

Женщина откинула на плечи платок, словно ей стало жарко.

— Почему не пойти? С дорогою душой...

— Вот и хорошо. — И Давыдов стал объяснять Катерине Васильевне, как пройти в детский сад, к кому там обратиться.

ЕГО «ДЕЛО»

Дети уже спали. Он посмотрел на сына, запеленутого, с соской во рту, подошел к Зоиной кровати. Дочь почему-то хмурилась во сне брови.

— Шуринька, погляди: правда, она округлилась?

— Немножечко. Ей бы сейчас питание.

— Питание... — задумчиво и грустно повторил он.

— Не нужно на спящую глядеть, Николаша, — наставительно сказала Екатерина Логиновна. — Приходи пораньше, успеешь даже поговорить с дочкой. С ней можно говорить. Слушаю ее и диву даюсь: дети нынче куда умнее пошли, ей-богу...

— Так и должно быть. — Давыдов взял мать за плечи: — Намытарилась здорово?

— Хотя бы с толком, — вздохнула Екатерина Логиновна. — А то... За вещи хватаются, а путного ничего не дают.

Четыре дня назад Екатерина Логиновна достала из сундука сохранившиеся еще от приданого пелерины, кофты, кружевные юбки и, не смотря на возражения домашних, отправилась в деревню — «на меню».

Теперь она привела сына на кухню и огорченно показала «крохи», которые с трудом удалось получить за ее добро: полмешка картошки да туесок с отрубями.

— Все объясняется просто, мама, — сказал Николай Михайлович, пряча улыбку. — Наряды твои вышли, наверно, из моды... — и добавил серьезно: — Больше мы тебя никуда не пустим. Не помрем. Весной заведем огород, полегче будет.

Ужин в этот вечер получился знатный: вареная картошка с солью, лепешки из отрубей, чай с крутой заваркой из липового цвета.

— А что еще у нас есть! — вдруг загадочно воскликнула Шуринька, сорвалась с места и через несколько минут водрузила на столе жестяную банку.

— Помнишь? — она посмотрела на мужа. Николай Михайлович раскинул руки: эту банку с ананасами он привез с гражданской войны! — Ну, теперь ужин чисто королевский!..

Давыдовы — родители со всеми детьми — жили теперь у Николая в его «директорской», не очень теплой квартире, по Нагорной улице, неподалеку от Верх-Исетского завода. Когда произошла революция и владельцы торгового дома «Ижболдин с сыновьями» сбежали, шестидесятилетний Михаил Федорович перешел на иждивение сына.

Старший сын, который всю жизнь действовал наперекор отцовской воле, который, по убеждению Михаила Федоровича, шел неверной, пагубной дорогой, оказался прав: стал его опорой и подмогой на старости. И никогда не поминает прежнего, не попрекает, заботится и обходится вполне уважительно. Так что, думал Михаил Федорович, как-нибудь доживу свой век.

И он доживал, осунувшийся, постаревший, молчаливый. Но иногда на него «находило», и он стонал и жаловался, что жизнь не удалась, не «вышла», что про таких, как он, верно говорят нынче: «бывшие». Правда, у него и быть-то ничего не бывало. А могло быть...

За чаем Николай Михайлович спросил у отца, осмотрел ли он завод.

— Все обошел. Солидное, видать, было дело. Только порушено все. Силенок много надо...

— И у нас будет солидное, — сказал Николай Михайлович, довольный неожиданной теплотой, прозвучавшей в словах отца. — Не позже, как через полгода, пустим мартен. Потом листопрокатный. Позову тебя тогда обязательно. А силенки... Силенок хватит. Разве станешь их жалеть для своего дела?

— Как — своего? — Михаил Федорович поднял мохнатые брови.

— А чье же оно? Мое это дело. Законное мое... Представь: улыбулась бы тебе удача, открыли бы мы с тобой мануфактурную лавчонку. И была бы она не больше этой комнаты. Фикулька. А тут — махина, городок целый. Когда пустим, за день и не обойдешь...

Михаил Федорович насмешливо сощурился.

— И на вывеске будет стоять: «Давыдов»?

— На вывеске будет: «Государственный Верх-Исетский завод». Разве не все равно?

— То-то и оно. Не все равно, что спица, что бревно... — напустился Михаил Федорович.

Николай Михайлович переглянулся с Шуриной, и оба не выдержали, рассмеялись.

Михаил Федорович скрутил папироску из крепчайшего зеленого самосада и вышел на кухню. Екатерина Логиновна стала убирать со стола. Шуриная принялась помогать ей. А Николай Михайлович остался сидеть за столом. Он думал о том, что подымать, восстанавливать разрушенные заводы, конечно, трудно. Шибко трудно. А расчищать, перестраивать исковерканные прошлым умь? С отца-то спрос невелик: старый человек. Но все ли менее старые, все ли молодые думают иначе?

Вот когда бы развернуться Леониду Вайнеру да Семе Дерябиной с их талантом! Говори с людьми по душам, просветляй умы, учи. Выступай на площади, в цеху, где хочешь — никто тебя не преследует, никто не охотится за тобой...

Вайнера он видел за день до его отъезда на фронт. В военной одежде Леонид выглядел стройнее, выше и даже как-то здоровее. Он протянул Давыдову руку.

— До скорой встречи.

Но встречи не было...

А Сима... Будто совсем недавно, будто вчера он смотрел в городском театре ее пьесу. Еще в девятьсот шестом она обмолвилась, что хочет написать. И написала. И, действительно, вывела паренька, пришедшего в революцию... Спектакль закончился во втором часу ночи. Сима сидела в первом ряду взволнованная, смущенная, счастливая. Кто бы мог подумать, что всего через полгода ее не станет...

Да, теперь не услышать вас, дорогие друзья. Но теперь не речи, не слова, а сами ваши жизни будут светить людям...

ПЕРВОЕ ДЫХАНИЕ

Весь этот месяц Давыдов, не заходя в контору, по утрам шел прямо в мартеновский.

Месяц назад, когда Ливадных сказал, что через тридцать дней пустит первую печь, Давыдов грустно и недоверчиво усмехнулся:

— Таких, как ты, Василий Иванович, называют «горячка» или «судорога»...

На лице Ливадных появилась снисходительная и добродушная улыбка.

— Если б ты верил в бога, я ради такого случая забожился бы. Но придется на деле доказывать.

Цех был заброшенный, сумрачный, холодный. В разбитые стекла нанесло снегу. В печах гуляли зябкие плакучие сквозняки, вороша застарелую гарь. Обледелые, обросшие белым мохнатым куржаком печи были похожи на сказочные терема. Да и весь цех напоминал какое-то мертвое царство.

— Только чур — никаких задержек, — сказал Ливадных. — Кирпич и все такое прочее чтоб сразу, как по щучьему велению...

Кирпич! Кто знает, что сейчас дороже — глыба малахита, редкая друза хрустала, мешок диковинных самоцветов или несколько сот штук кирпича!

Давыдов достал кирпич в десяти верстах от города, и Павел Сомов отправился за ним на своей «Агаше». Для маленькой «Агаше» задание это было непосильным, и она «надорвалась», потекли трубы.

В стужу Сомов чинил паровоз и пробивался к городу. Двадцать верст в оба конца он одолел за пять суток. Въехав на заводской двор, он спустился с паровоза похудевший, обросший, с обмороженными щеками. Нетвердой походкой, словно у него были не свои ноги, подошел к Давыдову, сделал руки по швам и мучительно улыбунулся лиловыми потрескавшимися губами.

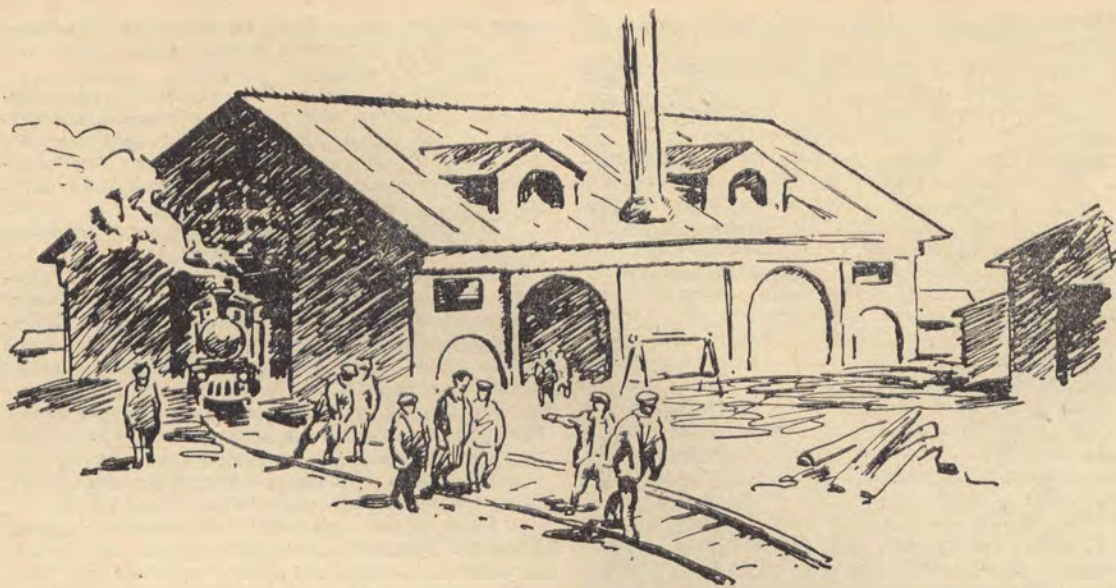
— Есть кирпич, товарищ красный директор! Давыдов молча сгреб его в охапку и, обжигаясь о колючую щетину, расцеловал.

Как и во все эти дни, сегодня утром Давыдов застал в мартеновском бригаду каменщиков и сталеваров и, конечно, Василия Ливадных. Поздоровавшись, Василий весело прижмурил один глаз.

— Не скажешь, какой нынче день, товарищ директор?

— Среда, по-моему.

— Да нет, по счету... Ладно, подкажу. Двадцать пятый, Николай Михайлыч. Сегодня кон-

чим сушку, завтра пускаем. На четыре дня вперед. С тебя будет причитаться...

Проходя мимо листопрокатного, Давыдов услышал за большими овальными окнами железный стук, голоса. Здесь тоже начались восстановительные работы.

А по двору, натужно пыхтя, торопилась резвая «кукушечка»; за нею тащился длинный хвост из вагонеток, полных коричневых плиток торфа.

Сколько было мороки с этой малышкой! «Кукование» ее как-то прослышали железнодорожники и прислали грозную бумагу: «Вернуть похищенный паровоз!»

Давыдов ответил дипломатично и достаточно туманно. Железнодорожники не унимались. Завязалась переписка. Давыдов терпеливо слал объяснения и справки. Очень жаль было бумаги, — даже нужные, деловые письма приходилось писать на обрывках, — но зато, пока идет переписка, «кукушечка» таскает и таскает торф...

Наконец железнодорожники рассвирепели и пожаловались прокуратуре.

Давыдов доказывал, что паровоз не похищали, просто для пользы дела выбрали беспризорную машину. Но чиновники наседали.

Однажды Николая Михайловича осенило: «Пусть железная дорога покажет опись имущества, где значится эта «кукушка». Железнодорожники простодушно ответили, что в их описях «кукушка» не значится. «А раз не значится, — сказал Давыдов, — то и нечего зариться на чужие вещи».

«Кукушечка» осталась на заводе и теперь «кукует» безбоязненно, во всю свою писклявую мощь...

Давыдов шел, улыбаясь своим мыслям. Вдруг тяжелая тень набежала на его лицо: Зоя. Весь этот месяц, каждый день на заводе были какие-то радости. Небольшие, иногда совсем пустячные, но все-таки радости. Он радовался вместе со всеми и вдруг опомнился, как от удара: Зоя...

Она захворала месяц назад. Ее забрали из садика. Старый врач сказал: «Дизентерия». Тревожно поджал губы под короткими белыми усами, добавил: «Поборемся». Но Зоя становилось все хуже. Она лежала белая, с синими подглазницами, шевелила сухими бледными губами.

Вчера вечером врач долго сидел возле нее. Потом сказал, ни на кого не глядя: «Худо. Нынешнее голодное, без медикаментов время — сильный пособник этой болезни. Да. Будьте ко всему готовы...» — и сурово поджал губы.

Утром, только проснувшись, Николай Михайлович нерешительно подошел к Зоиной кроватке. Ввалившиеся глаза закрыты, носик заострился, кожа на личике изжелта-белая, по-неживому сухая, рука мягкая, но ледяная.

— Шуринька, — позвал он испуганным шепотом. Ему показалось, что Зоя не дышит.

Шура подбежала к дочери, губами припала к ее лбу. Зоя медленно подняла синеватые веки, но, видно, никого не узнала...

Давыдов на ходу достал часы. Десять. С главным инженером условился засесть в половине одиннадцатого. Можно не торопиться. Как-то бы успокоиться, собраться с мыслями...

В октябре семнадцатого Свердлов, прощаясь, сказал задумчиво: «Надо бы нам посидеть хорошенько, земляк, да не то время. Трудно еще. Трудности будут преследовать нас долго. Такие трудности, что прежние, я думаю, покажутся пустяком...».

Сбываются, в точности сбываются эти слова. И пускай трудности преследуют, подстерегают, — никто не склонится перед ними. Но бывают трудности и другие, такие, как сейчас там, дома. Как быть с ними? Они страшнее...

Когда Давыдов подходил к конторе, из дверей выскочила Павла Нечаева в стареньких сапожках, в черной кубанке, с брезентовым портфельчиком под мышкой. Она сделала вид, что не заметила его, и помчалась к проходной. «Знает», — подумал Давыдов. Нечаиха про-

бежала мимо, не сказала ни слова: примета недобрая...

Не успел он зайти в кабинет, как явился Николай Андреевич Соболевский — главный и пока единственный на заводе инженер. Посадил очки на большой, в тонких прожилках нос, с места в карьер раскрыл папку и стал докладывать...

Давыдов подтирает рукой голову, ладонью прикрывает глаза и видит завод. Работающий, многолюдный, с рокочущим шумом прокатки, с грохотом кузнечных и листовых молотов, с разноцветными дымами над высокими трубами. Это и прежний, давно знакомый до мелочей Верх-Исетский, и в чем-то другой, новый. Разрослась электростанция. К зданию механического прилепился пристрой — отделение новых станков. Свежей кирпичной кладкой светлеют стены модельной мастерской, чугунолитейного. В мартеновском монтируют печь; она почти в два раза больше той, что пустят завтра...

Инженер откладывает папку, снимает очки и разглядывает их.

— Честно говоря, Николай Михайлович, запас уверенности, который вы вселили в меня, частично улетучился. Нам предложено представить план восстановления, а у нас не только восстановление, но и переустройство. Не было бы осложнений.

— Вы человек верующий, беспартийный, Николай Андреич. Для облегчения можете и перекреститься, — успокоительно говорит Давыдов. — Мы с вами считаем, что наш план целесообразнее, верно? Давайте же отстаивать свои позиции.

Инженер потрогал оглоблей очков серебристый клинышек бородки.

— Я, знаете, на что, откровенно говоря, надеюсь? Управляющий трестом — недавний кузнец и директор завода — бывший машинист быстро найдут между собой общий язык...

Давыдов посмотрел на инженера так, словно увидел его впервые.

— Слабые же ваши надежды, Николай Андреич. У нас, между прочим, все государство рабоче-крестьянское, так что же, по-вашему, мы будем друг другу полагаться делать? Если мы нагородим с вами, никакой общий язык не поможет... — Помолчал, спросил: — А вы-то, Николай Андреич, не надеетесь найти общий язык с бывшим кузнецом?

— Я-то найду, — инженер сморщился, явно пожалев, что затеял этот разговор. — А кузнец со мной — это вопрос. Все-таки, скажет, старый специалист. Кто знает, чем он дышит...

— А с бывшим машинистом, вы считаете, нашли общий язык?

— По-моему, да...

— Я тоже так считал. Только сейчас в первый раз подумал: чем же вы дышите, Николай Андреич?

Инженер походил по кабинету, вернулся к столу.

— Если я скажу, что меня устраивает воздух, которым дышу, вы можете счесть это за приспособление... Давайте погодим делать заключения. Время, надеюсь, подтвердит эти мои слова.

— Погодим, — согласился Давыдов и, чтобы перевести разговор, сказал: — Вы мне книжечку обещали по металлургии. Опять забыли захватить?

Инженер страдальчески приложил к вискам

кончики пальцев. — Виноват, Николай Михайлович. Не одну, а четыре приготовил. И вот...

Давыдов улыбнулся глазами.

— Если б у меня был такой же подозрительный характер, как у вас, я обязательно подумал бы: «А старый-то специалист не торопится помочь тебе. Не хочет расставаться с возможностью показать, как мало ты знаешь и как много знает он...»

Соболевский рассмеялся, вытер платком глаза.

— Не далее, как на той неделе возле мартена мы разговорились о вас с Василием Ивановичем Ливадных. Оказывается, вы, Николай Михайлович, у жандармов проходили под кличкой «Ерш». При всем, знаете, неуважении, нельзя отказать этой братии в наблюдательности...

За спиной у Давыдова затрещал телефон. Николай Михайлович вздрогнул, быстро повернулся к аппарату. Но трубку не взял. Руки отяжелели, кровь прихлынула к голове. «Из дому». Инженер непонимающе смотрел на него.

Лишь после третьего, настойчивого, звонка Давыдов опасливо снял трубку. И тут же устало обрадовался, услышав по-кузнечному громкий, раскатистый голос управляющего трестом. Управляющий просил явиться не в четыре, как было условлено, а прямо сейчас.

Пока Соболевский ходил в свой кабинет за шубой, Давыдов, поборов страх, позвонил домой.

— Плохо, Николаша, — заданным голосом ответила Шуринька. — Очень плохо.

— Я постараюсь поскорее, — сказал он.

Шуринька не ответила.

Совещание в тресте, как назло, затянулось. Давыдов то и дело посматривал на часы.

Опасения Соболевского не оправдались. Проект верхисетцев был принят без всякой борьбы, и Давыдов, торопясь домой, вновь радостно переживал все, что было на совещании.

Во дворе своего дома он остановился, задыхнувшись. Окна светились, но сквозь обледенелые стекла ничего не возможно было разглядеть.

Вдруг скрипнула дверь. Из дома вышла женщина в длинном пальто и в платке. Шапарова. Он быстро шагнул к ней. Но Катерина Васильевна, увидев его, разрыдалась и, сгорбившись, спрятав лицо в платок, выбежала на улицу.

Давыдов постоял недолго, припав лбом к холодной двери, потом рванул ее на себя...

...Шуринька шла непривычно трудной, заплетавшейся походкой, тяжело опиралась на его руку. Николай Михайлович, как-то неестественно выпрямившись, поддерживал ее, приноравливаясь к ее шагу.

Улицы и площади в белых снежных волнах сугробов были пустынные и темные. Город давно спал. А они шли через спящий город неведомо куда, в темноту, молчаливые, оцепеневшие. Они даже словно торопились.

Тротуар в одном месте был почему-то перегорожен. Они вышли на середину улицы и так долго, долго брели. Потом свернули на другую улицу, потом еще...

Ноги проваливались, скользили в глубокой рыхлой колее. Шуринька упала. Николай Михайлович не смог ее удержать. От этого падения

она будто очувствовалась, огляделась. Перед ними розовело утреннее огромное небо, и на нем вдали, на взгорье, чернели пирамидальные каменные столбы.

Шуринька не сразу поняла, где находится. Память работала мучительно медленно. Наконец она узнала, вспомнила. Да, да, они с Николашей забрели как-то сюда, на эту улицу. Только тогда была весна и был вечер. И на столбах сидели черные двуглавые орлы. Теперь их не было...

Она подняла на Николая Михайловича светлые сухие глаза.

— Помнишь?

Он молча кивнул. Заметил, что у нее открыта шея, и запахнул ей невысокий потертый воротник шубки.

— Я звонила. Ты был в тресте...

— Проект наш приняли, Шуринька.

— Хорошо, — сказала она безразлично.

И опять за всю долгую дорогу ни слова.

Когда подходили к дому, на улицах вокруг завода было ужелюдно: верхисетцы шли на работу.

Возле двери Шуринька обернулась к мужу, словно загораживая дорогу. Он благодарно сжал ее тонкие пальцы.

— Я скоро, Шуринька. Очень скоро. Только прошу тебя...

— Ты замерз, — сказала она и вдруг потянулась руками к его вискам.

Виски были совсем белые. Шуринька тронула их, решив, что это иней, и отдернула испуганно руки.

— Что? — спросил Николай Михайлович.

— Седой ты...

В проходной Давыдова догнал инженер Соболевский, поздоровался, торжественным движением протянул книги.

— Ну, Николай Михайлович, теперь я застраховался от ваших упреков.

— Да, да, — сказал Давыдов, взял книги, подумал: «К чему?»

Войдя в кабинет, он бросил книги на стол, опустился в кресло, подпер голову руками и закрыл глаза.

Он не помнил, сколько просидел так. Но какой-то шорох потревожил его, и Давыдов поднял голову. Из кабинета на цыпочках уходил Соболевский, смешно поднимая длинные ноги, словно шел вброд. Давыдов окликнул его.

Инженер подошел к столу, зачем-то надел очки, скрестил на груди руки.

— Ради бога, извините меня, Николай Михайлович. Ведь я ничего не знал... Какое несчастие!..

Давыдов молча, невидяще смотрел на него.

— Николай Михайлович, зачем же вы? Право, зачем вы пришли? Разрешите, я вас провожу.

В самом деле, зачем он пришел? Чтобы не видеть Зою неподвижной, неживой... Но не только поэтому. Зачем же? Да, мартен! Как он мог забыть!

Давыдов встал из-за стола.

— Почему вы не в мартеновском, Николай Андреевич?

— Я был там до трех ночи. Вы же знаете характер Ливадных. Он вовсе не уходил с завода. Решил под утро загрузить печь. Сейчас, должно быть, уже идет первая плавка.

— А мы тут сидим... Пошли, Николай Андреевич.

Николай Михайлович Давыдов, 1960 год.

Как только Давыдов переступил порог мартеновского, его обдало жилым горьковатым теплом. На мокрых, оттаявших стенах, на лицах людей, сновавших вокруг печи, играли огненные всполохи.

Увидев Давыдова, Василий Ливадных скинул рукавицы и грузной походкой борца-тяжеловеса двинулся навстречу. Крепко взял его руку в свои горячие дубленые ладони, задержал ее.

— Что тут скажешь, Николай Михайлыч... Сам ты все знаешь. Главное, крылья не вешай. Видишь, как оно.. горе-то и радость в обнимку ходят... — и он кивнул на печь.

Слышно было, как напряженно и гулко бурлит, клокочет металл.

«Первое дыхание», — подумал Давыдов, заглядывая в отверстие садового окна. Там, за колышущимся огненным маревом, угадывались солнечные всплески кипящей стали.

— Пошла, матушка!.. Вот теперь считай ожил завод! — громко, чтобы перекрыть шум печи, сказал Ливадных, протягивая Николаю Михайловичу сталеварские синие очки в деревянной захватной оправе.

Давыдов щурился, точно от яркого солнца, но очки не взял. Ему не хотелось приглушать светлое живое пламя. Он смотрел и не мог насмотреться на это пламя, чистое, кипучее и неугасимое, как сама жизнь.

Конец

Заслуженный деятель науки Башкирской АССР, доктор геолого-минералогических наук, профессор Г. В. Вахрушев давно известен нашим читателям как автор интересных познавательных очерков о природе Башкирии, о ее загадках, разгадываемых современными учеными. К этому номеру Георгий Васильевич прислал свой новый очерк.

В Башкирии более тысячи озер самых различных размеров — от карликов, величиной с большую комнату, до великанов, площадью в полтора-два десятка квадратных километров. Одни представляют собой старицы рек, другие возникли в карстовых провалах, третьи — остатки высохших рек. Но как появились такие крупные озера, как, например, Асли, Кандры и Ак-Куль — в Западной Башкирии, Культюбан, Чебаркуль, Улянды и Якты-куль — в Башкирском Зауралье? Об этом мы знаем очень мало.

Ученые высказывали различные предположения и догадки, но все они оказались слабо обоснованными и поэтому мало убедительными. Между тем, у башкир бытуют интересные легенды о некоторых озерах. Сопоставляя их с фактическими данными, можно заметить некоторые очень многозначительные совпадения. А это говорит о том, что в основе легенд лежит какое-то зерно истины, вокруг которого с течением времени выросли преувеличения и искажения. Найти это зерно и правильно объяснить его — задача ученых.

Озера Асли и Кандры — самые большие не только в Башкирии, но и во всей восточной половине Европейской части СССР. Неудивительно, что коренные обитатели края всегда ценили их величие, красоту и богатства. О них слагали песни и легенды. Часто, не умея объяснить многие естественные явления, призывали на помощь вымысел, сказку.

Согласно одной из легенд, местность, где находится озеро Асли, было занято горой, которая соединяла существующие теперь на берегах озера горы Нура-тау и Ташлы-тау. Лет 200—250 назад однажды ночью разразилась страшная гроза с землетрясением. Деревья стонали и гнулись, дождь лил потоками. Животные были в смятении, люди в панике выбегали из жилищ. К утру, когда все стихло, люди поразились невероятным зрелищем: часть гор исчезла, а на их месте появилось озеро, из которого вытекала речка (нынешняя Асли-удряк).

Примерно такая же легенда существует и о происхождении Кандры-куля. На месте этого озера была гора, покрытая сосновым бором. Однажды во время землетрясения она провалилась, а на ее месте образовалось озеро. Утверждают, что до сих пор во время бурь со дна озера поднимаются сосновые стволы.

Друг Пушкина писатель В. И. Даль, живший в 1830-е годы в Оренбуржье, написал рассказ «Башкирская русалка». В нем он приводит другие легенды об этих озерах.

...Глубина и берега Асли-куля непостоянны, изменчивы, так как водяной царь, который живет в этом озере, иногда сердится на злые дела и помыслы людей. В знак предупреждения им он вздымает воду в озере, переливает ее через берега, грозя затопить окрестности. Но водяной царь добр, он скоро успокаивается, и озеро приходит в свое прежнее положение.

По этим легендам озеро Асли-куль бездонное. Оно вздувается и переливает свои воды через берега только перед народными бедствиями — голодом, мором на людей и скот, перед войной.

Кандры-куль находится в 35 км (по прямой линии) на северо-запад от Асли-куля. Башкиры раньше считали его также бездонным. Оно, как и Асли-куль, время от времени прибывает и убывает, причем это происходит одновременно в том и другом озере. Легенда гласит, что в Кандры-куле когда-то утонул всадник на коне. Через некоторое время трупы человека и лошади выплыли в Асли-куле.

Что же мы знаем в настоящее время о происхождении этих легендарных озер?

Большинство данных говорит о том, что эти озера — остатки бывшей здесь раньше большой

ПО СЛЕДАМ

реки, которая существовала около одного миллиона лет назад¹. Позднее местность медленно подымалась, как бы вспучивалась. От этого река распалась на отдельные плесы. С течением времени они превратились в озера, озера — в болота и торфяники. Сохранились только два озера — Асли и Кандры.

При подъеме местности, по-видимому, время от времени происходили крупные карстовые провалы. Они расширили и углубили котловины озер. Возможно, что опускания дна или отдельные обрушения берегов происходили и в историческое время. Об этом говорят высокие обрывистые (южные) берега озер и вдоль них россыпи крупных и мелких глыб — обвалившихся скал. Кроме того, близ обрывистых берегов находятся и самые глубокие места. У Асли-куля они достигают 7—8 м, а у Кандры-куля — 16—18 м. По-видимому, эти недавние провалы и обвалы и послужили основой для легенд.

То, что в образовании котловин озер «виноват» карст, подтверждается обнаруженными неглубоко от поверхности земли залежами гипсов, как известно, легко растворяемых водой.

Может быть, в те далекие времена, когда Асли-куль и Кандры-куль находились примерно на одном уровне и были более глубокими, чем теперь, между ними существовала какая-то подземная связь. Но это могло быть очень давно, около 1—0,5 миллиона лет назад. Позднее глубокие впадины на дне заполнялись песчано-глинистыми на-

¹ См. об этом очерк «Судьба двух озер» («Уральский следопыт» № 11, 1962 г.).

носами, озера обмелели, а подземные закупорились. Предки наши не могли знать об этом, а поэтому источники легенд о подземном ходе между озерами остаются загадкой.

Рельеф местности в этом районе продолжает подниматься и до сих пор, причем неравномерно: одни участки быстрее, другие медленнее. К настоящему времени уровень воды в Асли-куле на 40 м выше уровня воды в Кандры-куле.

Если бы между этими озерами существовало какое-то подземное сообщение, то вода вытекала бы не из Кандры-куля в Асли-куль, как гласит легенда, а из Асли-куля в Кандры-куль. При такой большой разнице в высоте озер не может происходить и одновременное поднятие и опускание уровня воды в них.

Периодические колебания уровня этих озер действительно происходят, но они вызываются не капризами подводного владыки, а сезонными явлениями природы и периодическими сменами дождливых и засушливых времен. Надо полагать, что этими климатическими причинами и было вызвано повышение уровня Кандры-куля шестьдесят-семьдесят лет назад, когда вытекавшая из него небольшая речка Киндык перестала существовать.

ЛЕГЕНДА

Легенда о провальном происхождении озер Асли и Кандры не противоречит современным научным данным. Карстовые провалы в образовании котловин этих озер, по-видимому, играли существенную роль, а провалы и обрушения берегов, несомненно, сопровождалась местными землетрясениями. Начались эти явления очень давно, около миллиона лет назад и, как видно, не раз повторялись позже. Особенно грандиозные катастрофы на озере Асли, по-видимому, произошли лет 200—250 назад. Вероятно, эти события и отражены в легенде.

История происхождения озер Асли и Кандры до некоторой степени проливает свет и на образование третьего большого озера Западной Башкирии — Ак-куля (Белого озера), находящегося в Стерлитамакском районе. Его местоположение, форма и глубина говорят скорее всего о карстовом происхождении. Находясь на одном уровне с рекой Белой, оно еще совсем недавно имело глубину до 30 м, то есть его дно находилось примерно на 25 м ниже самых глубоких мест реки на этом участке. Взаимоотношение озерной котловины с террасами реки Белой показывает, что котловина возникла после отложения второй, надпойменной террасы, то есть около 500 тысяч лет тому назад.

В Западной Башкирии, где распространены легкорастворимые гипсы и известняки, насчитываются сотни небольших озер, образовавшихся в карстовых провалах. Обычно это небольшие, но часто очень глубокие водоемы круглой формы. Например, озеро Волчек в Черниковской части Уфы имеет диаметр 200 м, а глубину 30 м.

Большинство этих озер образовалось в четвертичное время, то есть на протяжении последнего миллиона лет, но многие возникли и позднее — даже на глазах современного поколения.

Например, около деревни Беисовой в январе 1878 года послышались два сильных удара, сопровождавшиеся сотрясением почвы. Первый из них был настолько силен, что оказавшийся поблизости человек пошатнулся и, чтобы не упасть, ухватился за стоявшее рядом дерево. Вслед за вторым ударом земля стала опускаться вместе с растущими на ней деревьями, а в образовавшемся провале с шумом появилась вода. В 1893 году такой же провал с землетрясением отмечен близ деревни Вавилово Уфимского района. Провал тут же заполнился водой и превратился в круглое озеро.

В Западной Башкирии только за последние 50 лет возникло более сотни небольших карстовых озер.

Особенно богато озерами Башкирское Зауралье. О происхождении многих из них существуют только разного рода научные догадки и предположения. Поэтому изучение легенд о происхождении озер может иметь большое значение.

В этом отношении особый интерес представляет озеро Култубан (Тубан), находящееся недалеко от города Сибая. У местных башкир из поколения в поколение передается легенда о его происхождении: там, где сейчас находится озеро, была березовая роща, после землетрясения роща провалилась, а на ее месте возникло озеро. И до сих пор на дне его местами видны затопленные деревья.

Научные данные подтверждают провальное происхождение озера. В то же время наличие террас и волноприбойных валов на его берегах говорит о том, что оно образовалось очень давно, не менее миллиона лет назад. Поэтому даже очень далекие предки местных башкир не могли быть свидетелями появления его. Однако обрывистый берег Култубана и выходы там известняков, а также очень своеобразное поведение озера за последние 100—80 лет позволяют думать, что в историческое время, на глазах предков ныне живущих здесь башкир могли происходить на дне озера повторные карстовые провалы и крупные обрушения берегов, опять-таки «под аккомпанемент» местных землетрясений.

По-видимому, легенда о происхождении Култубана в какой-то мере и отражает одно из этих событий исторического времени.

Озеро Култубан почти до самого конца прошлого столетия было пресным водоемом. Одна речка впадала в озеро, а другая вытекала из него. Затем уровень озера резко понизился, и вытекавшая из него речка пересохла. В сороковых годах нынешнего столетия озеро сильно обмелело, и вода в нем стала солоноватой. Обнажившиеся берега были покрыты солончаками, а на дне лежал толстый слой темного ила с запахом тухлых яиц (сероводорода). В настоящее время уровень Култубана опять поднялся, но не настолько, чтобы восстановить старый сток из озера.

Такие колебания уровня Култубана могли быть вызваны или периодическими изменениями климата данной местности, или образовавшимися на его дне провалами, через которые вода из озера временно уходила вниз.

Оказывается, не только Култубан, но и ряд других крупных и мелких озер Южного Зауралья образовались в карстовых провалах, возникших за последний миллион лет геологической истории

Земли. К таким озерам, котловины которых образовались при том или ином участии карстовых процессов, относятся Якты-куль (Банное), Чебаркуль, Мулдак, Большое и Малое Улянды, Мартышечье, Горькое (Янгельское), Лебяжье, группа озер Чиркаш и некоторые другие. Все они находятся в полосе распространения легкорастворимых известняков.

Якты-куль занимает площадь в 780 га и имеет глубину до 27—30 м. На его дне лежит много деревьев. Очень часто рыбаки неводом вытаскивают из-под воды части стволов лиственницы. Некоторые из них достигают 7—8 м длины и 15—18 см в диаметре.

Особенно ясно обнаруживается карстовая природа озера Мартышечьего. Весной вода в нем

накапливается, а летом почти целиком уходит под землю через провалы в известняках.

Многими учеными карстовое происхождение перечисленных выше озер предполагалось и раньше, но возникновение их котловин относилось к концу третичного и началу четвертичного периодов, то есть за 1000—500 тысяч лет до нашего времени. Приведенные легенды указывают, что формирование котловин этих озер продолжалось и в историческое время, местами даже на глазах недавних поколений.

Как видно, изучение башкирских легенд и преданий имеет значение не только для истории фольклора, но и для геологии.

Г. ВАХРУШЕВ, профессор

Заочный форум «Следопыта»

БУДЬ ГЕОЛОГОМ

Много троп исхожено следопытами по параллелям и меридианам Урала. Только в 1965 году с геологическими заданиями побывали в походах 27 тысяч человек из Свердловской и Челябинской областей. Они нашли пятьдесят новых точек проявлений полезных ископаемых. Подали в геологическое управление заявки, которые сейчас проверяются.

Министерство геологии, ЦК ВЛКСМ наградили следопытов значками «Отличник разведки недр», почетными грамотами, денежными премиями. Среди уральских ребят высокую оценку получили юные геологи средней школы имени Карла Маркса Шарлынского района Оренбургской области, Нижне-Тагильский дом пионеров, клуб туристов «Тайга» в Карпинске Свердловской области, следопыты школы № 36, школы-интерната № 11, школы № 65 Свердловска, Миасской средней школы Красноармейского района, юные геологи Челябинской школы № 107.

На счету этих ребят очень интересные заявки на никелевую руду, строительные

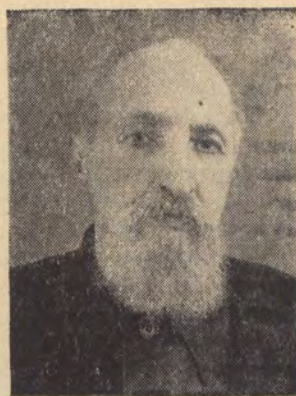
материалы, горный хрусталь, аметисты, охру и бурый железняк, марганцевую руду, асбест. Многие из следопытов принимали участие в полевых работах, выполняли целевые задания геологов.

Несколько слов хочется сказать о последних открытиях следопытов. Так, в Ивдельском районе на хребте Шемур отряд четырнадцатой школы поселка Калья Североуральского района обнаружил магнетитовое проявление. Юные геологи из Карабаша Челябинской области нашли два месторождения вишневой охры. Заявку на золото сделали учащиеся средней школы Красновишерска Пермской области. А ребята из Курганской области обнаружили залежи строительного железняка и песчаника в шести километрах от села Половинное. Плановая комиссия Курганского облисполкома рекомендовала включить в план работ геологической партии в 1966 году разведку на этом участке. Решено проверить, можно ли использовать найденные материалы для закладки фундаментов, подсыпки дорог и т. д.

Геологический поход продолжается и зимой, и весной. Но в нем участвует в это время меньше ребят, чем летом. А жаль. Ведь и однодневные вылазки в субботний или воскресный день могут принести самые неожиданные и интересные результаты. И еще одно. Отряды получают денежные премии, а используют их на покупку духовых инструментов, пианино, настольного тенниса и совершенно забывают о геологическом снаряжении. Правильно ли это? По-моему, нет.

Е. СЕРЕБРЕННИКОВА, геолог

Этот рассказ посвящен владивостокскому подпольщику и чекисту Васе Исаеву. Автор его — участник борьбы с белогвардейцами и интервентами в Сибири и на Дальнем Востоке Михаил Андреевич Маркевич, ныне персональный пенсионер.

ЧЕКИСТ ВАСЯ ИСАЕВ

Впервые я увидел его в сентябре 1927 года во Владивостокском окрестном отделе ОГПУ, куда был переведен на работу. В одном из кабинетов рядом со мной оказался молодой чекист невысокого роста, с очень смуглым лицом и вьющимися каштановыми волосами. Левую щеку от глаза до угла рта прорезал глубокий шрам. Собственно, глаза не было, на его месте находилось запавшее веко. Когда чекист двинулся с места, я заметил, что он хромает. «Кто он, этот молодой человек, в каких переделках ему довелось побывать?» — невольно пришло в голову.

Вскоре состоялось мое знакомство с чекистом, постепенно переросшее в дружбу.

Страшная ночь

Двадцатилетнего чекиста звали Василий Исаев. Товарищи же, отнюдь не склонные к проявлению сентиментальности, называли его просто и ласково: Вася.

Родился Исаев во Владивостоке. Его отец, портовый грузчик, был огромного роста и отличался недожонной силой.

Домой он приходил обычно мрачный и молчаливый. Но когда бывал в хорошем настроении, небольшая низкая комната наполнялась смехом и шумом. Однажды отец подхватил сына на руки и хотел подбросить кверху, но тут раздался тревожный голос матери:

— Что ты делаешь! Разобьешь мальчишке голову о потолок!

Отец поставил Васю на ноги, весело сказал:

— Ничего, Маруся. Скоро по-человечески заживем. И тогда я обоих вас подброшу под самое небушко.

Мать тихо отозвалась:

— Эх, Степа, Степа. Буйная твоя головушка.— Потом вдруг почему-то заплакала и уткнула лицо в широкую грудь мужа.

Отец осторожно гладил ее по голове громадной ручищей, басил:

— Прогоним этих кровососов, ей-ей. Придет наш праздник.

Ночью в комнату ворвались вооруженные люди и стали избивать отца.

Мать бросилась к нему на помощь, но ее грубо оттолкнули. Мальчик ждал, что отец даст отпор бандитам, выгонит их из комнаты. Но он почему-то молчал, и только в глазах его были гнев и ненависть.

Брань и шум продолжались. На Васю упало одеяло, накрыв с головой, потом что-то тяжелое. Наконец все смолкло.

Прошло немало времени. Послышались осторожные шаги и голоса. Мальчик выглянул из-под одеяла. В утреннем полумраке он увидел пожилого мужчину и женщин.

— Вот он, парнишка! — обрадованно проговорил мужчина, помогая Васе подняться.

В комнате валялись исковерканные, изломанные вещи. Но самым страшным, что мальчику бросилось в глаза, были красные пятна. Они начинались с середины пола и тянулись к порогу, превращаясь в сплошную ленту. У дверей женщины наклонились над чем-то, причитали и всхлипывали. Но вот они засуетились, протискиваясь в сени. Мелькнули неестественно белые босые ноги матери.

Вася оцепенел.

Мужчина печально посмотрел на мальчика, шумно вздохнул.

— Один ты остался, парнишка, на свете. Все порушили злодеи. Мать убили, и отец, почитай, пропал. Раз увели в застенки, то живым оттуда не выпустят. Эх, взял бы я тебя, да ведь и мне тогда крышка. Не только мне, а и ребятшек всех изничтожат. А ты вот что, паренек, беги скорее отсель. Не ровен час, опять нагрянут... Беги, дорогой. Ну-ка, давай одеваться.

На распутье

После незабываемой, страшной ночи Васю случайно встретил и приютил старик Евлампий Козлов. Он был одинок, занимался изготовлением детских игрушек и продавал их на базаре. В прошлом сельский учитель, Козлов занялся обучением мальчика и радовался его быстрым успехам. У приемыша, к тому же, оказались золотые руки. В течение короткого времени он научился так ловко мастерить игрушки, что старик только кричал от удовольствия.

Совместная жизнь Васи и деда Евлаши продолжалась два года. Однажды они шли по Алеутской улице. Из-за угла в сопровождении вооруженной охраны показалась колонна заросших,

изможденных людей. Вася побледнел и с криком «Папа! Папа!» бросился на мостовую. Старик успел схватить его и с трудом оттащил на тротуар.

— Успокойся, Васенька... Христос с тобой, ты ошибся, — говорил он, дрожа.

Вася не сопротивлялся, но его било как в лихорадке.

Весь день он молчал, ничего не ел, а ночью внезапно вскакивал с постели и сидел, уставившись в одну точку. Рано утром Вася подошел к старику и прерывисто заговорил:

— Дедушка, дорогой... Прости меня. Но не могу я так... Спокойно жить, делать игрушки.. Спасибо тебе за все. Ты был для меня вместо отца.— Подросток поцеловал растерявшегося Козлова и быстро скрылся за дверью.

...И Вася оказался с жизнью один на один. Он страстно хотел бороться с теми, кто убил его мать и отца. Но как это сделать? Скоро голод привел его на железнодорожный вокзал. Толстый, холерный иностранец с ног до головы окинул недоверчивым взглядом подростка, прежде чем разрешил взвалить на спину тяжелый объемистый чемодан. Вася задрожал от негодования и обиды, когда господин, расплачиваясь, брезгливо бросил ему под ноги несколько монет.

По улице проносились пролетки, тянулись вереницы людей. В этом шумном потоке в глаза бросился китаец-кули. Худой, с морщинистым желтым лицом, он с трудом передвигал ноги, таща доверху нагруженную тележку. Рядом, по тротуару, шагал высокий мужчина в цилиндре и со стеком в руке — хозяин поклажи.

Впереди, окутанный дымом, показался автомобиль с американскими солдатами. Он несся прямо на тележку. Напрягаясь изо всех сил, кули хотел свернуть с дороги, но внезапно поскользнулся и упал на мостовую. Автомобиль опрокинул тележку и под гогот солдат помчался дальше. Узлы и чемоданы разлетелись в стороны. Мужчина в цилиндре во все горло заорал на китайца, но тот не поднимался. Через минуту на бедного кули посыпались яростные удары. Послышались умоляющие возгласы:

— Добрый капитана, хороший капитана. моя не виновата! Моя слабый еся!

Вася очутился рядом с хозяином, угрожающе крикнул:

— Не смей издеваться!

Господин замахнулся на него стеклом. Вероятно, подростку пришлось бы туго, но чьи-то сильные руки схватили его и подняли в воздух. В ближайшем переулке, стоя на земле, Вася с любопытством смотрел на незнакомого мужчину в засаленной кепке. Тот начал с похвалы:

— Молодец, паренек, что не терпишь такого. Только... Да ты кто, как звать-величать?

— Вася. Василий Исаев.

— Родители есть?

— Нет, дяденька,— глухо ответил подросток.— Убили их белые бандиты.

— Ах, вот оно что. Понятно,— проговорил незнакомец.— С кем же ты живешь?

— Ни с кем. Один.

— Так не годится. А ну-ка, пошли со мной. Что-нибудь придумаем.

Юный подпольщик

Рабочий Степан Полевой оказался тем человеком, который помог Васе связаться с большевистским подпольем. Вскоре юркий подросток стал появляться на рабочих окраинах, проворно наклеивал на стенах домов и заборах листовки и тут же исчезал. Но особенно привлекала его пристань. Однажды он пришел туда поздно вечером. Только что кончилась разгрузка парохода, и рабочие группами и в одиночку расположились на отдых.

Вася достал из-за пазухи пачку листовок, подбросил ее кверху. Рабочие быстро хватали разлетевшиеся листки и принялись их читать.

— Полундра! — раздался предупредительный возглас.

Листовки мгновенно исчезли в карманах и под робами грузчиков. Подросток притаился за штабелем ящиков.

Появились вооруженные полицейские. Среди них находился штатский. Вася узнал в нем шпика, обычно шнырявшего целыми днями на пристани.

Полицейские начали обыскивать грузчиков и тсх, у кого обнаруживали листовки, отводили в сторону. Шпик шепнул что-то одному из полицейских

и вместе с ним бросился к бочкам и ящикам.

— Вот он, держите! — завопил шпик.

Фигурка подростка замелькала в узком извилистом проходе.

— Стой! Стой!

Раздались свистки.

«На пароход, там меня не найдут!» — решил Вася.

Он проскочил трап и кинулся к мостику, ведущему на среднюю палубу. Добежав до перил, бросился вниз головой. Долго плыл под водой, потом перевернулся на спину и осторожно появился на поверхности, чтобы передохнуть и осмотреться. На палубе было тихо. Видно, полицейский и шпик сбились со следа. Вася уплывал все дальше и дальше, пока не оказался в безопасности.

В ловушке

Опыт подсказывал Васе, что действовать надо с большой осторожностью. Как-то, отправившись расклеивать листовки, он заметил, что сзади появились трое парней. Вася стал лезить по улицам, но парни не отставали. Неужели «хвост»? Так повторялось и в последующие дни. Ловкость и находчивость каждый раз помогали юноше подпольщику. Он то незаметно исчезал в проходных дворах, то на ходу вскакивал в трамвай, а однажды, разбежавшись, прыгнул, к изумлению пассажиров, в отчалившую от берега джонку. Однако Вася не сообщил о своих подозрениях Полевому. Это была тяжелая ошибка.

В праздничный день подросток отправился на Мальцевский базар. Ведь там в это время бывает немало рабочих. Затерявшись в густой толпе, быстро раздал листовки. Теперь оставалось наклеить несколько штук на заборе. К нему и направился Вася, как вдруг почувствовал, что его крепко схватили за руки.

Окровавленный, в изодранной одежде, Вася оказался в белогвардейской контрразведке. Прямо перед ним за столом сидел человек в английском френче с полковничьими погонами. Это был сам начальник контрразведки Киселев. На Васю смотрели жестокие, стального цвета глаза.

— Ну, что, Вася,—послышался рочующий баритон,—как, брат, дела? Вон как разукрасили тебя. А все сам виноват. Не надо было сопротивляться. Мы зла тебе не сделаем. А вот большевики воспользовались твоей неопытностью и толкнули на гибельный путь. Нам, Вася, все известно, и ты должен только подтвердить некоторые вещи... Наказывать тебя не собираемся, не беспокойся, а вот наставить на путь истинный—это наша святая обязанность. Ты честный, доверчивый парень. Большевики, брат, ловко умеют прикидываться смелыми, благородными людьми, а в действительности они жалкие трусы. На опасное дело посылают таких вот подростков, а сами прячутся в кустах. Ты, конечно, знаешь, где они отсиживаются. Не так ли?

Полковник пытливо смотрел на юного подпольщика, но тот молчал.

— Ты что, не слушаешь меня?

— Слушаю.

— Вот и хорошо, дружок. Назови, пожалуйста, всех подпольщиков, которых знаешь. Я, разумеется, тотчас освобожу тебя. А чтобы ты мог по-человечески жить, дам денег.

— Деньги—за предательство?

— Ну зачем так,—пожал плечами контрразведчик.— Большевики—наши общие враги. Не было бы их, нам не пришлось бы с тобой встречаться при таких печальных обстоятельствах. Ведь ты должен одеваться, обуваться? Должен. А на все это нужны деньги.

Киселев умолк, ожидая ответа. Стенные часы отсчитывали секунду за секундой. Казалось, вот-вот должен наступить какой-то страшный момент. И он наступил.

Вася рванулся к столу.

— Дешево хочешь купить!

Начальник контрразведки вскочил:

— Эй, там, ко мне!

В комнате появилось сразу несколько человек.

— Вытянуть из этого щенка все, что он знает!

Поиски

Исчезновение Васи взволновало подпольщиков, особенно Полевого. И он первым отправился на поиски.

Полевой решил начать с Мальцевского базара. Здесь он долго ходил,

прислушиваясь к разговорам, и, не заметив ничего заслуживающего внимания, хотел уже отправиться дальше. Неожиданно его взгляд привлекла группа мальчишек у забора. Один из них энергично жестикулировал и что-то рассказывал приглушенным голосом. Подпольщик повернул назад и медленно двинулся вдоль забора.

— Вот тут,—говорил рыжий паренек лет двенадцати,—сам видел, как Васю схватили...

Через плечо у рассказчика висела клетка с двумя синицами.

— Эй, хозяин,—начал Полевой.— Поди, синицы-то самцы?

Мальчонка встрепенулся.

— А вот и нет, дяденька. В аккurate для разводки парочка!

— Значит, мне везет.— Степан вплотную подошел к ребятам.— Забираю твой товар. Сколько просишь?

— По рублевке за синицу.

— Ладно. Согласен даже набавить. Только ты не откажи, донеси клетку до дому.

— А где вы живете?

— Недалеко. Да мы вместе пойдем. Надо мной, понимаешь, приятели издеваются, что птичек покупаю. Так я уж вперед с пустыми руками отправлюсь, а ты сзади следуй. Понял?

— Понял, дяденька.

— Ну, пошли.

Ребята проводили своего товарища завистливыми взглядами.

На Светланке, у кафе, Полевой остановился, подозвал мальчика.

— Пирожного хочешь?

Юный птицелов вытаращил глаза от удивления.

— А кто его не хочет?

В просторном зале было пусто.

Полевой усадил мальчонку за стол, рядом расположился сам.

— Ну, давай знакомиться. Скажи, как тебя зовут?

Юного птицелола звали Генкой. Отца у него не было, и ловля птиц была для мальчонки почти единственным средством к существованию.

Официантка принесла пирожного и кофе.

Генка выжидающе посмотрел на Полевого.

— Ешь, Гена, не стесняйся,—сказал тот и принялся, не торопясь, отхлебывать из стакана.

Мальчонка с жадностью набросился на пирожное и запивал горячим кофе.

— Слышал я,— начал Степан,— рассказывал ты ребятам о Васе. Он что, Вася-то, твой знакомый?

— Еще какой знакомый,— с гордостью ответил Генка.— Давно я его знаю. Молодец он, дяденька.

— А кто на него наскочил?

Мальчонка опасливо посмотрел по сторонам.

— Да ты не бойся, считай, со мною все умерло.

— Наскочили эти, значит, шкуры, дяденька.— И Генка перешел на шепот.— Васька—нашенский парень. Когда его потащили, я два листка подобрал. И в этих листках говорится, как, значит, бороться за нашу, рабочую власть.

У Полевого дрогнули черные брови.

— А не знаешь, где теперь Вася?

— Как где? Не иначе, как в контрразведке! Может, Васьки и в живых уже нет... Дяденька, дорогой,— шептал мальчик,— я видал этих самых... замученных. Страшно смотреть!

— Где видал?— насторожился подпольщик.

— Ну там... на свалке.

— На какой свалке?

— В враге, за городом...

— Гена, ты можешь проводить меня туда? Я должен найти Васю во что бы то ни стало.

Генка задумался, потом твердо ответил:

— Ладно, дяденька.

Спасение

Когда стемнело, Полевой и Генка отправились на свалку. За городом свернули с дороги. Шли по кустарнику, всматриваясь в темноту и прислушиваясь.

Впереди на дороге показались две светящиеся точки и послышался шум автомобиля. Полевой и Генка притаились.

— Контрразведчики,— шепнул мальчик.— Едут с могильника.

— А ты откуда знаешь?

— Приметил. Мимо нашего дома ездят по ночам.

Дальше продвигались быстрее. Минут через десять Генка остановился.

— Пришли,— сказал он.

— Где?— нетерпеливо спросил Полевой.

Мальчик показал рукой в темноту.

— Вон там, дяденька.

Степан достал карманный фонарик и, освещая дорогу, направился в указанном направлении. Вскоре в нос ударил тяжелый, тошнотворный запах. Луч фонарика заплескал по глубокой яме с обвалившимися краями и остановился на чем-то сером, присыпанном землей. И вдруг Полевой увидел, что земля зашевелилась, и до слуха донесся глухой стон. Он прыгнул в яму и, передав Генке фонарик, стал поспешно разгребать землю руками.

Из груди Васи вырывались клокоцущие, хрипящие вздохи. Полевой бережно поднял его на руки.

Генка шел впереди, освещая дорогу. Когда показалась окраина города, Полевой спросил:

— Вот что, Гена, не знаешь ли ты поблизости надежного человека?

— Знаю. Есть тут один старичок. Савельичем зовут. Он надежный.

— Веди к нему, Гена.

У домика, обнесенного глухим забором, мальчик шепнул:

— Подождите, дяденька, здесь. Я зайду в дом.

Скрипнула калитка, послышался хриплый лай собаки.

Вскоре Генка вернулся. За ним спешил, прихрамывая, невысокого роста старик.

— Идите за мной,—пригласил Савельич, распахивая калитку.

Через минуту Полевой оказался в комнате с большой русской печью.

— Клади сюда,—хлопотал хозяин, указывая на широкую деревянную кровать.

Появилась старушка, достала из печи теплую воду.

Вася не приходил в сознание. Все его тело было в кровоподтеках, одна нога оказалась сломанной, левый глаз вытек.

Снова в строю

Шел тысяча девятьсот двадцать четвертый год. Однажды в кабинете начальника Владивостокского отдела ОГПУ зазвонил телефон.

— Алло! А, это ты, товарищ Полевой? Слушаю. Что? Рекомендуешь хорошего парня? Хромой и с одним глазом? Да ты... Ах, вот в чем дело! Ну что ж, присылай.

Через час в дверь кабинета постучали.

— Войдите.

На пороге показался небольшого роста человек.

— Здравствуйте, товарищ Исаев. Проходите, садитесь.—Начальник указал вошедшему на кресло напротив себя и устремил на него изучающий, пристальный взгляд.

— Значит, хотите поступить на оперативную работу?

— Да,—коротко ответил вошедший.

— Вас рекомендовал Полевой. А он знает толк в людях. Но скажу откровенно, меня смущает одно: кроме верности революционному долгу чекисту

необходимы подвижность, физическая выносливость...

— Ваше право—проверить.

Начальник улыбнулся. Ответ ему явно понравился.

Снял телефонную трубку, позвонил. Вошел подтянутый, стройный мужчина.

— Вот что, Зайцев. Пройди с товарищем Исаевым в манеж и проверь по всем статьям. Потом оба вернетесь ко мне.

Зайцев и Вася вернулись через час.

— Ну, как?—спросил начальник, с любопытством глядя на Зайцева.

— Откровенно сказать, результаты сверх ожидания. Стрелял из нагана. Пулю в пулю садит за двадцать шагов. Все другие упражнения—в пределах нормы.

— Так, так. Какой же твой вывод? Подходит товарищ Исаев по физическим данным для оперативной работы?

— Вполне.

— Хорошо. А сейчас проводи его к Осокину, пусть зачислит на все виды довольствия.

Конец бандита Исмагилова

О Рамазане Исмагилове ходили легенды. Бандит ловко пробирался через кордон, и его внезапное появление во Владивостоке обычно сопровождалось дерзкими налетами. Было известно, что в городе живут мать и сестра Исмагилова, но бывает ли он у них—об этом никто достоверно не знал.

Однажды Васю пригласил к себе начальник окружного отдела.

— Хочу, товарищ Исаев,—начал он,—поговорить с тобой по одному важному делу. Перед нами поставлена задача—покончить с Исмагиловым.

— Давно пора,—не выдержал Вася.

— Соль не в этом. А в том, что мы обязаны взять его живым. Но как? Исмагилов—отпетый бандит и, думаю, может пойти на крайность.

— А если эту крайность исключить?—заметил молодой чекист.

— У тебя есть предложения?

— Готовых нет. Но если дадите время—появятся.

— Вот для этого ты мне и был нужен. Недели хватит?

— Думаю, да.

Ровно через неделю, вечером, Исаев явился к начальнику.

— У Исмагилова, — рассказывал он, — действительно есть мать и сестра. Живут они у Тигровой горы в собственном домишке. Появляясь во Владивостоке, бандит наносит обязательные визиты родным, при этом предпочитает глухое ночное время. Следующий его визит ожидается через три дня. Считаю, это самый подходящий случай для нашего знакомства. А пока приходится довольствоваться вот этим. — Вася достал фотокарточку и положил на стол перед начальником.

— Откуда она у тебя? — удивился тот.

— Подарок его сестры, — ответил молодой чекист. — И вообще, товарищ начальник, сестра Исмагилова Фатьма должна играть в предстоящей операции совсем не последнюю роль. Мне просто повезло. Надо сказать, Исмагилов как-то отправил на тот свет некоего Хусаинова, не подозревая, что значит он для нее. И сестра поклялась отомстить братцу.

Далеко за полночь продолжалось обсуждение плана поимки матерого бандита.

...С утра Фатьма отвезла мать к дальним родственникам, а сама стала готовиться к встрече Исмагилова.

В час ночи послышался условный стук в окно. Высокий и статный, в кожаной куртке, начищенных сапогах и галифе, Рамазан выглядел молодцом. Чисто выбритое смуглое лицо с тонкими усиками, дерзкие черные глаза, неторопливые движения, — казалось, все осталось прежним. Однако на этот раз он держался с необычной настороженностью и подозрительностью. Переступив порог, Рамазан посмотрел по сторонам.

— Проходи, брат, давно тебя жду, — пригласила, склонив голову, Фатьма.

— Где мать? Почему меня не встречает?

— Неделю назад приехала тетушка Зара и забрала маму к себе. Раздевайся, отдохни с дороги.

Рамазан сел за накрытый стол. Фатьма до краев наполнила стакан его любимым вином.

— Вот что, сестра, — начал Исмагилов, — не нравится мне что-то сегодня...

Фатьма сделала обиженное лицо.

— Разве я плохо тебя встречаю?

— Нет, не в том дело... Хорошо, не будем об этом. Выпьем за встречу!

Рамазан не проявил желания освободиться от тяжелого маузера, а рука его слишком часто ложилась на рукоять кинжала, висевшего на поясе.

Часы показывали ровно три, когда Фатьма встала и направилась к двери.

— Стой! — заревел Рамазан, выхватывая из кобуры маузер.

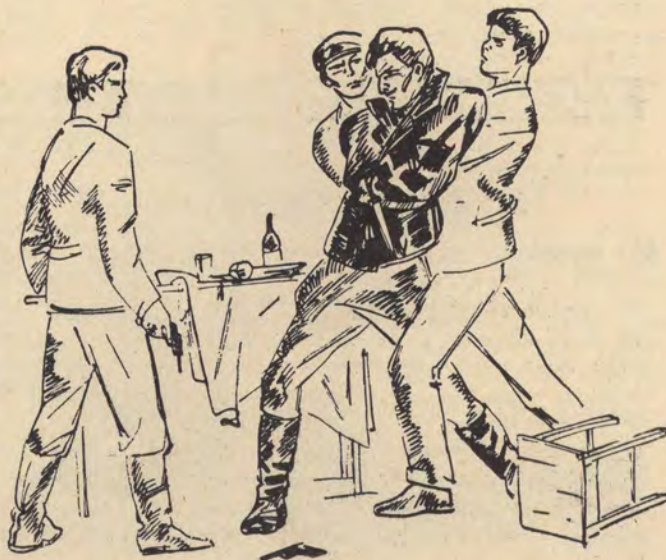
— Брат, — сказала Фатьма, — но мне же надо... — и быстро открыла задвижку.

Грянул выстрел. Фатьма упала. В тот же миг с треском и звоном вылетела оконная рама, и бандит почувствовал, как его голову резко рванули назад. Он невольно вскинул руки, чтобы схватить неожиданного противника. Но в комнате уже появились чекисты.

— Погоди, погоди, — приговаривал силач Бадзюк, заключив бандита в свои железные объятия. — У меня еще никто не вырывался.

Звякнули стальные наручники.

— Молодец, товарищ Исаев! — сказал начальник окружного отдела, когда чекисты докладывали ему о проведенной операции.

До последнего дыхания

В 1929 году, когда участились нарушения границы белогвардейскими бандами, Вася стал добиваться, чтобы его отправили в один из пограничных отрядов. И настоял на своем. Тепло попрощались чекисты со своим товарищем.

...Ранним августовским утром советскую заставу обложила крупная, сильно вооруженная группа налетчиков. Показался верховой с белой тряпкой на коротком древке, крикнул:

— Его высокоблагородие полковник Куксенко повелел передать: вам будет дарована жизнь. Складывайте оружие и вяжите своего командира.

В ответ раздалось:

— Слушай, белогвардейский холуй! Передай бандиту Куксенко, что советские пограничники в плен не сдаются!

Верховой поспешно скрылся.

Налетчики зловеще молчали. Потом, прячась в зарослях, открыли огонь из нескольких пулеметов. Затрещали винтовки. Горстка пограничников, укрывшись в деревянном строении с амбразурами, мужественно отбивалась.

Уже целый день шел неравный бой. Один за другим пограничники выбывали из строя. Все ближе подползали налетчики и стреляли почти в упор.

Наконец застава замолчала. Однако бандиты не решались проникнуть в помещение. Но вот в дверях показался боец. Он был окровавлен и едва держался на ногах. Бандиты лежали на земле не шевелясь.

— Что, испугались, доблестные вояки? — собрав последние силы, заговорил боец. — А где же ваш атаман? Иди сюда, храбрый Куксенко, не бойся. С тобой хочет познакомиться пограничник Василий Исаев.

Несколько бандитов бросились к Васе. Они уже протянули руки, чтобы схватить его. Вася выхватил гранату. Раздался оглушительный взрыв. Бандитов разметало в стороны. Упал и Вася.

Так погиб чекист, герой-пограничник Василий Исаев.

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ

Галька всех сортов

На первый взгляд кажется, нет ничего особенного: гальки, и все одинаковые. Первые, слева, я взял во время летнего похода на берегу Исети. Над ними работали воды уральской реки. Вторую, в центре, как будто обтачивали на заводе — такая ровная и круглая;

в мою коллекцию она попала с Черноморского побережья, где мы отдыхали с друзьями после полевой практики на Кавказских горах.

Драйкэнторы, — так называются гальки пустынь, размещенные на снимке справа. В походном рюкзаке они появились в Дагестане. Я взял их с самого большого в Советском Союзе бархана Сарыкун, что находится у станции Кумторкала. Их обтачивал ветер, дующий с трех сторон, потому они трехгранные.

Есть много удивительного в природе. Недавно посчастливилось мне побывать в Дарьяльском ущелье, там в быстрой горной реке находится самая большая галька в мире — огромный валун древнего оледенения.

В. ШИМОВ

Однажды...

Геолог Владимир Турин заканчивал очередной маршрут. Шел он один. Крутые подъемы и спуски, буреломы, густой кустарник, переплетенный хмелем, высокая трава сменяли друг друга. Уже много описано обнажений, и, набитый образцами горных пород, рюкзак оттягивал плечи.

Последняя точка наблюдения метрах в двухстах — осталось только преодолеть небольшое высохшее болотце. Владимир миновал его и уверенно направился к большому скальному выступу, похожему на старинный причудливой формы замок с высокими «шпилями и резными башнями».

И вдруг резкая боль прожгла правую ногу, чуть ниже колена. Володя рывком отпрянул в сторону: по кочке, шипя и извиваясь, ползла большая серая гадюка. Ее разрисованная шкура напоминала протекторы колес машины. Несколько ударов молотка — и со змеей было покончено.

«Ну, а как с ногой? — подумал геолог. — Она покраснела, распухает... До лагеря — восемь километров... Дойти не успею. Надо что-то делать немедленно!»

Он слышал, что нужно сразу же выдавить или высосать яд из раны или... или выре-

зать место укуса. Владимир вытащил из полевой сумки бинт, туго перетянул им ногу выше и ниже колена и попытался выдавить яд. Но из ранки показалась только капля крови. Дотянуться губами до места укуса невозможно. Осталось последнее: резать.

Быстро собрал сушняк, разжег костер, прокалил на огне лезвие охотничьего ножа, затем, оттянув двумя пальцами кожу, прикоснулся горячим острием стали и отдернул руку. Страшно... Но другого выхода нет. Сжав зубы, полоснул ножом под укус. Жгучая боль пронизала ногу. Кровь хлынула ручьем.

Теперь предстояла не менее мучительная операция — прижечь рану.

Владимир обтер бинтом нож и сунул его в пламя костра. Затем промокнул марлей кровь, приложил раскаленное лезвие к ране... Холодный пот выступил на лбу. Володя застонал...

Перебинтовав потуже ногу, геолог вырубил суковатую палку и поковылял в сторону «дома». Солнце уже задевало за верхушки пихт.

«Только бы засветло добраться до тропинки, а там километров пять как-нибудь доползу...» — подбадривал себя Владимир. Но палка-костыль цеплялась за кусты, путалась в траве. А нога — словно выросла, стала длиннее — задевала буквально за все, что только попадалось на пути.

Суковатый костыль сильно давил под мышкой, рюкзак и сумка стали очень тяжелыми. Когда вышел на тропинку, было уже темно. Около полуночи его нашли товарищи. Мужественного геолога доставили в лагерь. А через неделю он снова искал в тайге клады.

А. ГОРЯНКОВ

Второй Джузеппе Гарибальди

Пятьдесят лет назад — 9 апреля 1916 года — в возрасте ста двенадцати лет, в Крыму, в Феодосии, умер Джузеппе Гарибальди.

— Не может этого быть, — воскликнет наш читатель, — ведь легендарный герой Джузеппе Гарибальди скончался в 1882 году в Италии.

Последнее, конечно, верно, однако мало кому известно, что в сороковых годах прошлого столетия Джузеппе Гарибальди вместе со своим двоюродным братом-тезкой побывал в южных городах России. Из Феодосии он уехал в Турцию, а его брат остался в Крыму и очень долго служил капитаном на одном из кораблей Черноморского пароходства.

Как сообщил начальник отдела Крымского госархива В. Шабанов, Джузеппе Гарибальди-младший подал прошение о принятии его в подданство России. К этому прошению он приложил «Билет на свободное плаванье по Азовскому и Черноморским нашим портам», подписанный Керчь-Еникальским градоначальником от 29 апреля 1852 года.

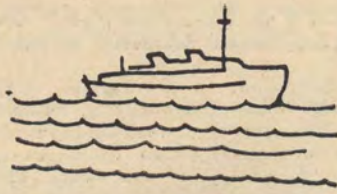
Кроме того, в Крымском архиве сохранился список так называемых примет Российского Гарибальди. В них говорится, что рост он «имел высокий, глаза — карие, волосы — седые, с левой стороны на носу — родинка».

19 февраля 1853 года двоюродный брат легендарного героя Италии принял «Присягу на подданство России» и стал Российским гражданином.

Е. С.

О

СТРАННЫХ ТУРИСТАХ

И

НОВОМ

МИНИСТЕРСТВЕ

Осенью прошлого года из Одессы шел «Адмирал Нахимов». Горожане, привыкшие к пестрой толпе туристов, плавающих на красавцах лайнерах, не обратили внимания на пассажиров теплохода. Внешне все было обычно. Веселые люди разных возрастов, разноязыкая речь... Но если бы одесситы заглянули в список пассажиров, то удивились. Все,

кто находился на борту «Армирала Нахимова», имели одну специальность — автоматика. И хотя маршрут теплохода был туристским — Одесса — Батуми — Одесса, пассажиры весь рейс работали: днем, когда в просторных салонах слушались и обсуждались доклады участников съезда по автоматическому управлению, вечером за столиком в кафе. И даже во время танцев, когда маститые профессора и доктора наук лихо танцевали твист, — разговоры нет-нет да и возвращались к автоматике.

Если бы среди ученых нашелся лингвист, вздумавший подсчитать, сколько раз произносилось то или иное слово, то первое место в списке заняли бы слова — «система управления». Было исписано несколько ящиков мела, показано тысячи диапозитивов с разными графиками — и все о «системе управления».

«Система» интересовала и профессора Уральского политехнического института, и инженера Уралмашзавода, и конструктора из Уралметаллургавтоматики (а на теплоходе были специалисты почти из всех стран мира).

Но прежде чем сказать о том, что такое «система», вспомним **О МИНИСТЕРСТВЕ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО РАНЬШЕ!**

Действительно, министерство «Приборостроения, средств автоматизации и систем управления» создано впервые.

(Нас сейчас интересуют только два последних слова.) Если ученым хватило разговоров о них на всю неделю путешествия, это еще не значит, что системы управления нужны сегодня: ученые часто

ведут разведку далекого будущего. И все-таки сейчас самое время сказать, что такое **СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ.**

Шофер за рулем — это уже система управления. Но ради таких простых систем не стали бы создавать министерство. Речь, конечно, идет совсем о других, о тех, с которыми человек не справляется или справляется плохо.

Со сколькими людьми может переговорить один человек за семичасовой рабочий день? Ответ простой: если он не теряет времени даром и затрачивает на разговор с одним человеком в среднем по три минуты, то $7 \times 60 : 3$ — получается 140. Много? Очень мало!

Представьте сложное хозяйство металлургического завода, или парководство, или крупный железнодорожный узел. Не справиться одному человеку с его управлением. Выход, которым пользовались до сих пор, простой, но мало эффективный. Делали так. Одного работника мало. Ставим второго или целую бригаду. Но в том вся и беда, что каждый из них будет знать только часть дела и никто — всего в деталях. А знать нужно все, если мы хотим управлять наилучшим или, как говорили на «Нахимове», «оптимальным» образом. Для того, чтобы увидеть, что скрывается за этими словами, пройдемся **ОТ МАРТЕНА ДО БЛЮМИНГА.**

Выплавляли в мартене сталь, выпустили ее в ковши, а из них залили в формы-изложницы. Застывает металл, становится слитком (этаким многотонным «эскимо»). Чтобы не мешался он под ногами, составы со слитками отвозят из мартеновского цеха в сторонку. Там они стоят в очереди на блюминг. (Ведь прежде чем стать рельсами, балками, слитков несколько раз пообомнут, сделают тоньше, разрежут на куски поменьше, тонн так в шесть.) Но чтобы можно было металл обжимать, надо его снова несколько часов греть. Вот тут и начинается кружиться голова у диспетчера. Какие слитки садить в печку в первую очередь: надо, чтобы блюминг не стоял без дела. Но нельзя и перегреть куски металла в печах, заполненных бушующим пламенем. Пересидит слиток — и появится на его поверхности толстый слой окалины. Недогреешь — станет металл жестким.

У системы управления вместо головы — вычислительная машина, которой известно, сколько составов стоит наготове, давно ли они стоят, сколько слитков уже сидит в печах и до какой температуры они нагрелись... Тут уж голова не закружится. Машина говорит, какие слитки и куда садить, следит, чтобы краны, вытаскивающие металл из печей, не

мешали кранам, загружающим печи. Она знает, что было, что делается сейчас, что будет через несколько часов. И не только сама знает, но делится своими «мыслями» с работниками завода.

Такие системы очень скоро установят на Нижне-Тагильском и Магнитогорском металлургических комбинатах. И те из читателей, кто живет поблизости, смогут познакомиться с ними во время экскурсии на завод. А мы поедем дальше до станции **СВЕРДЛОВСКО-СОРТИРОВОЧНЫЙ.**

Если на пригородной электричке выйти на платформе «Электродепо» и пойти по перекидному мостику, то взгляду даже в хорошую погоду не охватить всю станцию. Только с самолета можно увидеть, сколько путей подступает к ней. А станция потому и называется «Сортировка», что здесь составы разбираются и образуются новые поезда.

Плохо работать диспетчеру, если он будет знать о том, какие грузы прибывают только тогда, когда состав уже на станции и кондуктор передает ему поездные документы. А телеграф? — спросите вы. Ведь возвращаясь из дальнего похода, всегда заранее посылаешь телеграмму о встрече. Но попробуйте за день встретить тысячи родственников и рассадить их по сотням поездов. Не завидую вам. Поэтому свердловские железнодорожники одними из первых в стране решили перестроить систему управления по-новому.

С дальних подступов — из Казани, Тагила, Каменска-Уральского, Челябинска идут по прямому проводу телеграммы о вышедших с этих станций составах. Все они одному адресату — вычислительной машине «Урал». Она обдумывает, из каких (еще не пришедших на Сортировку) вагонов составить один поезд, а из каких — другой. С каким тепловозом его отправить — и выдает свои советы в виде готового расписания.

Можно было бы еще и еще приводить примеры больших систем, но пора сделать **ВЫВОД.**

Там, где у человека «глаза разбегаются» и «голова кружится», выручает система управления, мозг которой — вычислительная машина, глаза — линии связи, а рот — печатающие устройства.

К. САКСЕЕВ

ВЕНЯ С ФЕНЕЙ— РЕЧНИКИ

Рассказ

В. ЭРВАИС

Рисунок Ю. Ефимова

С матери нелюбовь перешла на всех женщин,— Тумакин их презирал и втайне боялся.

Вида он был устрашающего: высокий, тощий, узколицый, со сдвинутым на сторону носом-крючком. В пароходстве посмеивались над ним и над его бобыльим образом жизни, но уважали за абсолютное знание реки. Бездипломный капитан мощного буксира «Буран» не имел за долгие годы службы ни одного взыскания, даже пустячного. Многие молодые речники помнили беспощадно требовательного Тумакина.

С глазу на глаз Тумакин называл свой буксир «старым немцем». Построенный за границей еще в 1901 году, «Буран» был на восемь лет старше своего капитана. Характер имел брюзгливый. Холодными утрами «старый немец» сипел и кашлял, и дым над ним стлался густой и горький, как из дедовской трубки. Машины работали исправно, но всем было ясно, что «Буран» ходит последнюю навигацию...

Предрассветная вахта—самая трудная. Тумакин вышел из рубки, прошел на корму. Натянутый струной толстый канат тащил за «Бураном» четыре плети тяжеловесных плотов. Их не было видно: туман на реке лежал низко и плотно. Далеко позади высовывался силуэт РБТ—речного буксирного теплохода,—пришвартованного к боковине крайней плети. Оттуда над туманом неслась музыка, отбивалась от скалистого левого берега и эхом уходила к правому, пойменному.

Тумакин уважал сердечную мелодию, песню. Но тут он не слышал ни того, ни другого.

Самый главный—Порхинский—перекат остался позади. Тумакину не надо раскрывать сборник лоцманских карт, не надо «зорко всматриваться в береговые отметки»—как пишут о судоводителях в газете. Он знал реку: пятьдесят четыре года жил, пятьдесят четыре года плавал.

Родился Семен Сидорович Тумакин «под тринадцатью ведрами»—на пароходе «Император Петр», у кокши Матрены. Свою покойницу-мать Семен Сидорович люто ненавидел за беспрестанные побои и пьянство и даже за сапоги, от которых разило ворванью.

Капитан РБТ Веня Целуйко появился на реке недавно, окончив Рижское училище. Отутюженный, картинно-нарядный: черное, белое, золотое. От него всегда крепко пахло «Шипром» и дорогим трубочным табаком. Ко всему прочему, в начале навигации приехала к Целуйко невеста Феня, бойкая, смазливая, неумело подкрашенная девица, и ходила с ним на РБТ. Вчера днем Тумакин глянул в бинокль и чуть желчью не изошел: целуются в рубке, проклятые! И музыку с собой взяли — магнитофон с рок-н-роллами.

А нынешний рейс был очень сложным — еще не сошел поздний паводок, дурила погода, да и плоты — накатом и настилом — капризный груз...

Сверху, из-за поворота реки, раздались глухие короткие гудки: встречное судно сигнало в тумане. Матрос выбежал на правое крыло мостика дать отмашку, но отсыревшая материя слиплась, не желая разворачиваться. Тумакин коротко ругнулся. Флажок, словно испугавшись, сразу же заполоскал в руке матроса. Капитан поднял бинокль. На встречном ответили.

С завистью смотрел старый капитан на новенький, ледокольного типа буксир. Он легко тянул вниз три «наливайки», по палубный верх сидящие в воде. На траверзе встречный дал длинный гудок.

— Вас приветствует, товарищ Тумакин! Ходко идет, черт! — прищурился от восхищения рулевой.

— Коля Плещеев там. — Тумакин позволил себе подобие улыбки, но тут же снова посуровел: — Ишь, волну поднял! Плоты бы нам не поразбросал... Ответь ему.

«Буран» загудел простуженным басом.

— Ничего, там Целуйко прижмет, он знает!

— Чего он знает, твой Целуйко...

— И за что вы его не любите, Семен Сидорыч? Парень как парень!

— Тут не парень нужен. Парень для девки. На реке — речник нужен!

— А он кто?!

— Стиляга.

— И слово же вы нашли, Семен Сидорыч. Вы уж лучше всякими словами ругайте, а то — стиляга!

— Молчать! Смотреть по курсу!

Рулевой обиженно замолчал.

«Буран» выводил плоты на поворот. Позади раздалась тревожные, растерянные гудки РБТ.

— Что такое! — гаркнул Тумакин и поднял бинокль.

Видимость была препаршивая: ветер только-только начал разгонять белесую муть. И все-таки капитан разглядел: последний плот правой плети оборвало. Целуйко пытался его прижать, но теплоходик и плот разворачивало поперек фарватера. Вот бревна скользнули по борту РБТ, и плот подхватило течение.

Старпом Щегольков, побагровев, выбежал на мостик, схватился за мегафон.

— Не надо, Иван! Не ори. — Тумакин даже не отнял от глаз бинокль. — Собьешь парня... И так растерялся. Пусть сам... Сейчас его материть нельзя.

Целуйко, видимо, не знал еще, что делать. Но, капельку помешкав, РБТ, набирая скорость, помчался вниз, догоняя плот.

— Подставит ему, дурак, свой борт — и пиши пропало... Крикни ему, Семен, — уже поостыв, жалобно просил старпом.

— Не мешать! Сам поймет. Да и не услышит...

— Ты с ним счеты не своди, старый...

— Сам, дурак, помолчи. Какие счеты!

Ветер растрепывал космы тумана, и, казалось, еще отчетливее, громче стал выбивать резвую барабанную дробь упоенный самим собою магнитофон...

Целуйко обогнал плот, резко развернул и встретил его носом. Плот был остановлен не совсем точно, тут же стал разворачиваться, чиркнул по борту РБТ и снова пошел по течению.

Теперь уже тумана не стало совсем. Было ясно видно, как Целуйко вновь обогнал плот и повторил маневр. В этот раз он прицелился лучше.

Феня вцепилась в плечи Целуйко, вся прижалась к нему. Удар!

— Держи, живо! — Феня перехватила руль, а Целуйко метнулся на нос, поднял смоленный конец и, ахнув, прыгнул на плот. Несколько секунд — больше Феня не удержит — на то, чтобы зачалить плот. Но как?.. Целуйко носился по бревнам, искал, за что бы зацепиться. Плот как плот — бревна, перехваченные между собой расшатанными поперечниками. Между бревнами то расширяются, то сужаются щели; и фонтанчики пенной воды выбиваются из них. Сунешь руку — бревна сдвинутся и разможат ее. А плот уже разворачивается, сейчас тронется мимо, наберет скорость...

Не унывая орет магнитофон.

— Венька, ой, Венечка, прыгай! Заносит, Веня-а!

Венька метнулся на борт, встал за руль.

— Уйдет... Зачалить не за что!

— А если в щели?

— Руку отхватит, что ты!.. Ох, что будет! Съест меня Тумакин! — У Целуйко, бледного и мокрого, по-детски тряслись губы.

— Так уходит, уходит же! — Феня легко перепрыгнула на плот, и не успел Венька рта разинуть, сунула руку со смоленным концом между бревен. Вскрик ее, жалобный, кошачий... Девушка сунула в соседнюю щель другую руку, под бревном подхватила конец. Венька, бросив руль, кинулся к ней.

— Вяжи, уйдет! — выдохнула Феня...

Запотели стекла капитанского бинокся. Тумакин силился разглядеть, как затягивал Целуйко последнюю петлю сложного узла. Вот он поднял Феню на руки, вместе с ней перебросился через широкое разводье на теплоходик. РБТ и плот, носимые течением, уходили все дальше и дальше.

— Сигналь, Семен, сигналь! — застоял Щегольков.

— Сигнальте, рулевой!.. Ах, девка какова! — не выдержал Тумакин. — Сигнальте, сигнальте!

Кто знает, может быть, за всю его жизнь это были первые слова одобрения, адресованные женщине...

Теплоходик стал выворачивать на течение.

Целуйко бережно опустил девушку на ноги и, осторожно поддерживая, повел в рубку. РБТ ходко потащил плот, догнав «Бурана».

— Малый вперед! Самый малый! Самый малый вперед!

«Буран» почти остановился. На РБТ, как-то странно поперхнувшись, смолк магнитофон.

Тумакин видел в бинокль, как Целуйко неловко бинтовал Фене руку. «Повезло ей все-таки: немного прихватило...» — думал Тумакин.

Потом Целуйко притянул ладонями голову Фени, прижался к ней. А у Тумакина в колючих морщинах лица дрогнула улыбка.

В С Л Е Д У Ю Щ Е М Н О М Е Р Е :

Еще бы немного, и главарь банды «лесных братьев» вместе со своими недобитыми приспешниками ушел бы на запад. Но случилось иначе... ЧИТАЙТЕ ОБ ЭТОМ В РАССКАЗЕ Л. АЛЕКСАНДРОВА «КАК ДЕЛАЕТСЯ УТРО».

•

Это произошло в Италии в 1944 году. Одну из фашистских казарм атаковал отряд Александра. В бою герой был смертельно ранен и, умирая, крикнул: «Да здравствуют гарибальдийцы! Пусть живет моя Россия!»

Кто этот замечательный человек!

Следопыты! ПРОЧИТАЙТЕ РАССКАЗ АФАНАСИЯ КУЗНЕЦОВА и включитесь в поиски.

•

За железной оградой у входа в Хабаровский краеведческий музей стоит каменное чудовище, изваяние черепахи. Оно стоит здесь много десятков лет, и никто не знает, какую глубокую историческую тайну хранит оно. О большом поиске, который привел к разгадке вековой тайны Каменной черепахи, расскажет ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ В. ЛАРИЧЕВА.

ПОСЛЕДНИЙ К Р У Г

Рассказ

Борис РАЕВСКИЙ

Рисунки С. Киприна

В ресторане Джеффера — обычно, не слишком роскошном, но и не особенно грязном ресторане Ист-Энда¹ — уже четырнадцать лет имелась своя постоянная клиентура: спортсмены, тренеры, массажисты, букмекеры, менеджеры², игроки на скачках, а также богатые бездельники, считавшие за честь распить бутылку виски в компании с модным чемпионом.

По вечерам ресторан, находящийся вблизи стадиона, превращался в своеобразный спортивный клуб: в маленьком, насквозь прокуренном зале за стаканом коктейля заранее обуславливался исход завтрашнего боя боксеров, менеджеры подписывали контракты с входящими спортивными звездами, заключались пари.

Нетрудно понять, почему именно у Джеффера собирались спортсмены. Хозяин ресторана сам в молодости был известным центр-форвардом. Хитрый, умный и расчетливый, он в пору своей популярности постепенно скопил кругленькую сумму и в двадцать девять лет, чувствуя, что его футбольная карьера кончается, покинул зеленое поле стадиона и откупил у прогоревшего владельца заухудалый кабачок.

Джеффер сразу уволил весь штат кабачка. Новых официантов, буфетчиков, судомоек, швейцаров он подбирал по простому, четкому принципу: все они

¹ Ист-Энд — восточная часть Лондона.

² Букмекеры, менеджеры — спортивные дельцы, устроители состязаний, организаторы пари.

должны быть в прошлом чемпионами или рекордсменами. Непременно.

Этот первый шаг Джеффера оказался точным, как удар по воротам с одиннадцатиметровой отметки. Обнищавший Боб Брейк — бывший штангист, чемпион Англии, — лавируя между столиками с подносом, уставленным бифштексами, ростбифами и виски, сразу привлек в ресторан ораву молодых обеспеченных шалопаев.

Еще больший приток клиентов вызвал новый швейцар — огромный (два метра двенадцать сантиметров), одетый в ливрею с галунами — Майкл Фокс, в недалеком прошлом известный баскетболист, уже три года не имевший постоянной работы.

За буфетной стойкой стояла миловидная женщина, десять лет назад переплывшая Ламанш. Гардеробщиком работал обрюзгший боксер-тяжеловес. Когда-то он считался «первой перчаткой» Ливерпуля, а все последние годы торговал газетами.

Труднее было с поварами, но и тут Джеффер как-то выкрутился, слегка лишь поколебав свой принцип. Тем более, что повара всегда «за кулисами», их мало кто видит.

Дела Джеффера сразу пошли в гору. Постепенно он завел в ресторане особую посуду — тарелки с изображениями боксеров, пловцов и теннисистов; стаканы, по форме напоминающие олимпийские кубки; вилки, похожие на маленькие хоккейные клюшки. На стенах зала он приказал нарисовать гонки яхт, схватки у футбольных ворот, стычки хоккеистов.

Для приманки каждому из посетителей ресторана бесплатно выдавалась на память обеденная карточка, на которой внизу сверкали автографы бывших чемпионов: самого хозяина и всех его официантов и швейцаров.

...В этом-то ресторане, переполненном людьми, однажды вечером за угловым столиком сидели два человека. Один — высокий, жизнерадостный, элегантно одетый, то и дело подзывал официанта, заказывал все новые и новые напитки, закуски для себя и своего собеседника.

Это был Майкл Хантер — владелец стадиона и целой «конюшни» бегунов. Спортсмены в разговорах между собой называли его Красавчиком. Бронзовое

лицо Хантера четкими, правильными чертами напоминало профили античных атлетов, отчеканенные на медалях. Впрочем, сам Хантер не увлекался спортом.

Его сосед по столу — Чарльз Уильямс, позапрошлогодний чемпион Англии в беге на 5 000 метров, — хмурый и усталый, много ел, еще больше пил и молча слушал своего говорливого собеседника.

Уильямс был уже навеселе, но его голова работала еще достаточно ясно. То и дело он одергивал рукава пиджака, стараясь прикрыть торчащие из-под них несвежие манжеты. На минуту это удавалось, но потом грязные манжеты снова упрямо вылезали.

— Тысяча фунтов! — весело говорил Хантер. — Ей-богу, за такие денежки стоит пробежать пять тысяч метров. За каждые три шага по фунту. Даже король согласится, чтобы ему так платили!

Уильямс молчал.

— И притом учти, Чарли. Ведь ты поставишь мировой рекорд! — торжественно сказал Красавчик и положил свою руку с длинными, как у скрипача, пальцами на плечо Уильямса.

Чарльз поморщился: он не любил, когда Хантер ласково называл его — Чарли.

— Мировой рекорд! — восторженно повторил Хантер. — Во всех газетах напишут о тебе! А твои сорванцы будут показывать своим сопливым друзьям фотографии в журналах: «Наш папа!»

Уильямс пьяно ухмыльнулся. Действительно, оба его сынишки очень гордились, когда два года назад он завоевал звание чемпиона. Младший, семилетний Боб, сказал, что тоже станет бегуном. Но в следующем году на чемпионате страны отец занял второе место, а в этом — только третье, и Боб заколебался: не лучше ли тренироваться на футболиста...

«Еще бы! — усмехнулся Уильямс. — Футболистам — тем еще можно жить! Тысячи лоботрясов платят деньги, чтобы посмотреть, как они гоняют мяч. А бегунами никто не интересуется».

К столу подошел официант и бесшумно убрал несколько пустых бутылок.

— Как жизнь, Вилли? — спросил у него Чарльз.

— Благодарю вас, мистер Уильямс. Вилли отвечал вежливо и четко, как и положено официанту. Чарльз посмотрел на него, покачал головой.

Он знал Вилли Ирвина уже давно, еще когда тот был популярным вратарем в Кардиффе. Правда, Вилли в те годы

уже не считался «первым вратарем Британии», но все еще «звучал».

А вот теперь — «благодарю вас, мистер Уильямс». Да, официант...

«Выходит, и футболистам паршиво, — подумал Чарльз, глядя на грузного, услужливо улыбающегося «первого вратаря Британии», затянутого в официантский фрак, с перекинутой через руку салфеткой. — Но бегунам еще хуже. Бегун должен быть чемпионом. Обязательно. Только тогда ему хоть кое-что перепадает. Но беда, если ты был чемпионом, а потом откатился на второе место, на третье... Тебя сразу в тираж и не сомневайся: песенка спета...»

Поэтому-то Уильямс так удивился, когда четыре дня назад в его обшарпанную квартиру на окраине города вошел шумный, сверкающий Хантер.

Неужели его, Уильямса, еще не списали в расход?

Хантер погладил по головам детей, улыбнулся жене и увез Уильямса на своем мощном «Паккарде» в ресторан.

Четко и ясно изложил он свои условия. Давно не пивший Уильямс быстро захмелел, но даже спьяна сделка сразу показалась ему чудовишной. Конечно, тысяча фунтов — целое состояние для такого, как Уильямс. Но бог с ним, с богатством, если оно достанется такой ценой... Себе дороже.

В тот вечер они так и не договорились. Хантер отвез его домой и вот сегодня явился снова. Привез подарки мальчикам — дорогие игрушечные автомобили.

Красавчик снова увез Уильямса в ресторан и не скупился. За один ужин он заплатил столько, сколько Уильямс тратил на семью за полмесяца.

— Подумай, Чарльз, — убеждал Хантер. — Неужели лучше стать официантом, как Ирвин? Тысяча фунтов, — твоей семье хватит на два года... И мои врачи помогут тебе, ручаюсь.

— А вдруг я не побью рекорд? — засомневался Чарльз.

— Побьешь!

— Неужели такое верное средство?

— Абсолютно! Во всяком случае тысяча фунтов тебе гарантирована.

Они замолчали.

«Почему Красавчик выбрал меня? Именно меня? — подумал Чарльз. — Ведь есть и другие бегуны. Лучшие. А впрочем... Риски (это был нынешний чемпи-

он) не пойдет на такой риск, у него сейчас есть деньги... Вилфорд имеет богатого дядю. Остаюсь только я. Остальные слабее...»

И все-таки Чарльз решил не соглашаться. Нет, это не для него.

К столику снова подошел Ирвин, маленькой шеточкой аккуратно смел со скатерти крошки, убрал тарелки, вилки и принес крепкий кофе с бисквитами.

— Как жизнь, Вилли? — спросил Чарльз.

В голове у него шумело; он забыл, что совсем недавно уже задавал официанту этот вопрос.

— Благодарю вас, мистер Уильямс.

Ответ последовал тотчас, вежливый и учтивый. Вилли сделал вид, будто не заметил, что этот вопрос он уже слышал недавно. Нет, все в порядке. «Благодарю вас, мистер Уильямс».

Время было уже позднее, «непробиваемый вратарь», очевидно, очень устал. Неловко поставив поднос, он вдруг опрокинул чашечку кофе прямо Хантеру на пиджак. Тот вскопчил. Со столика со звоном полетела посуда. Из-за стойки к месту происшествия быстро подлетел сам Джеффер.

Растерявшийся официант с салфеткой бросился вытирать Хантеру пиджак, но Джеффер оттолкнул его и крикнул:

— Вон! Чтобы ноги твоей!..

Бледный, оробевший Ирвин пытался что-то объяснить, но хозяин не слушал: повернувшись к нему спиной, он извинялся перед Хантером.

Вскоре все успокоилось.

— Хорошо! Я согласен! — устало сказал Уильямс.

Хантер радостно улыбнулся.

— Деньги, все полностью, вперед! — твердо прибавил бегун.

Очевидно, он хорошо знал своего собеседника и имел основания не доверять ему.

— Нет, это не по джентльменски! — воскликнул Хантер. — Ведь я иду на риск.

— Мой риск немножечко побольше вашего, — жестко произнес Уильямс. — Деньги вперед!

Хантер долго спорил, но в конце концов согласился выдать семьсот фунтов. Остальные после состязания.

На следующий день Уильямс пошел в банк. Ему оплатили чек Хантера, де-

сять фунтов он отложил в боковой карман, а в обмен на остальные шестьсот девяносто фунтов получил маленькую синюю книжечку.

Уильямс впервые в жизни держал в руках чековую книжку, долго рассматривал плотные глянцевиные листки с водяными знаками.

«Да, все-таки приятно иметь собственный счет в банке», — думал он, стараясь рассеять гнетущие мысли.

Но мрачное настроение не покидало его.

Жене он решил не показывать чековую книжку. Станет, конечно, спрашивать, откуда такая куча денег?

«Нет, нет. Вот пройдет забег, тогда и скажу».

Но ему очень хотелось как-нибудь порадовать жену и ребятишек. Десять фунтов лежали в боковом кармане, и Чарли казалось: через подкладку и рубашку он чувствует тепло этих маленьких хрустящих бумажек.

Хорошо бы купить что-нибудь. Подарок жене. Но как? Как объяснить, откуда деньги?

«Э, ладно. Скажу, одолжил три фунта», — решил Чарли и зашел в магазин.

Жена давно мечтала о хорошем маникюрном приборе. Чарли долго, с удовольствием перебирал изящные кожаные и пластмассовые футляры, открывал их, рассматривал крохотные щипчики, пилочки, ножнички. Наконец выбрал один прибор, сунул в карман.

Сынишкам купил огромный надувной мяч.

Все вместе стоило чуть больше фунта. В кармане еще осталось почти девять фунтов.

«Что бы еще?»

Вспомнил, как любила жена восточные сладости. И как давно не ела их.

Зашел в магазин, попросил рахат-лукума, шербета, халвы. Купил виноград и бананы, и апельсины. И соки.

Нагруженный покупками, веселый, приехал домой. Сразу поднялась суета: ребятишки кричали от радости, мяч прыгал чуть не до потолка.

Жена удивленно и чуть встревожено глядела на Чарли: что за пир? Что случилось?

— Одолжил, — беззаботно объяснил Чарли. — Надо же когда-нибудь встряхнуться?!

И добавил:

— Наклеивается работенка. Тренером в «Паласе». Устроюсь, и все будет как в сказке...

Он подхватил жену на руки, закружил по комнате.

...Тренировки начались на следующий день.

На стадионе Чарли часто встречал своего старого знакомого — низенького, толстого, пожилого врача Броунинга.

Коллеги-медики считали Броунинга чудачком. Специалист по спортивным травмам, он имел широкую практику в самых богатых лондонских клубах, однако работал и на захудалых профсоюзных стадионах, от которых ни денег, ни солидной репутации.

Маленький толстяк-врач всей душой любил легкую атлетику и не раз открыто возмущался махинациями менеджеров. Но те считали Броунинга «оригиналом» и смотрели сквозь пальцы на его «чудачества».

— Как дела? — в первую же встречу спросил Броунинг, протягивая Чарли короткую пухлую руку.

— Ничего... Вот тренируюсь...

— У кого? —

— У Хантера...

— У Хантера? — толстячок недовольно вздернул брови. — Н-да... Ну и как? Уильямс увильнул от ответа.

На душе у него стало еще тоскливей. «А не рассказать ли все Броунингу? — подумал он. — Врач... Может дать хороший совет».

Но тотчас отверг эту мысль.

Нет, он дал слово Хантеру: ничего никому, и сдержит свое обещание.

* * *

Трибуны шумели.

Чемпионат страны по легкой атлетике был в самом разгаре.

Уже прошли соревнования метателей, прыгунов, быстро промелькнули забеги на короткие дистанции. Через несколько минут должно начаться одно из самых интересных состязаний — финал бега на 5 000 метров.

Болельщики волновались. Все знали: в финал допущены восемь спортсменов и среди них чемпион Англии — Рисли, который сегодня попытается обновить национальный рекорд.

Так он сам объявил корреспондентам. Большинство болельщиков держало пари за него. И вместе с тем по ста-

диону ходили слухи, что Хантер — ловкий, всезнающий Красавчик Хантер — ставит крупные суммы за победу Уильямса. Это было непонятно и тревожно.

Ведь Рисли уже дважды бил Уильямса, а на недавнем первенстве страны чемпион прошел дистанцию на целых двенадцать секунд лучше Уильямса. Тот, судя по всему, уже сходил с дорожки.

В чем же дело?

...Хантер, как всегда веселый и оживленный, то мелькал на гаревой дорожке, то скрывался в раздевалке, то подходил к ложе, где сидели почетные гости и корреспонденты.

Мощные репродукторы, установленные на всех трибунах, в перерыве между забегами разносили громкий голос диктора. Тот сообщал, что все видные спортивные клубы назначили призы за первые места. Специальные награды установлены также за улучшение национальных рекордов. А британский спортивный союз даже ассигновал две крупные суммы будущим мировым рекордсменам. Впрочем, британский спортивный союз ничем не рисковал: не было никаких надежд, что кто-либо побьет мировой рекорд.

Хантер радостно потирал руки. Призы назначались не без его участия, и теперь, мысленно сложив все награды (за первое место, за национальный и мировой рекорды), он убеждался, что расчет правилен: сумма призов перевалила за две тысячи фунтов. Хантер заранее договорился с бегуном: почетные медали и жетоны получает Уильямс, а денежные призы — пополам.

А сколько дадут ему, Хантеру, ставки! По меньшей мере столько же!

Но не только это радовало Хантера. Он был честолюбив, да и для дела совсем неплохо, если во всех газетах сообщат, что бегун, тренировавшийся под опекой Хантера, поставил мировой рекорд.

Только бы Уильямс не подвел! Не струсит ли он в последний момент?

Хантер снова помчался в раздевалку, где в отдельной кабинке сидели Уильямс, его тренер, массажист и врач.

Врач отвел Хантера в угол и шепотом доложил:

— Все в порядке!

Уильямс не мог слышать этих слов, но очевидно догадался, о чем идет речь, и усмехнулся:

— Да, теперь уж придется пропеть мою «лебединую песню»! До конца!

— Выше нос, мальчик! — весело хлопнул его по плечу Красавчик. — Еще полчаса, и ты станешь рекордсменом мира!..

...Выстрел стартового пистолета словно толкнул в спину восьмерку бегунов. Не успел еще рассеяться пороховой дымок, а они уже преодолели вираж и выскочили на прямую.

В суতোлке первой сотни метров невозможно было толком разобрать, кто идет впереди. Но вот бегуны растянулись цепочкой вдоль бровки, и все зрители увидели: ведет бег спортсмен в синей майке — Уильямс.

Шел он в необычайно быстром темпе — так бегут спринтеры. Казалось, бегун забыл, что впереди еще целых двенадцать кругов. Резко и сильно работая руками, он стремительно мчался по черной гаревой дорожке, все больше отрываясь от соперников.

— Уильямс!.. — взревели трибуны.

Но тотчас раздался еще более мощный крик:

— Рисли!.. Достань его, Рисли!..

Однако Рисли спокойно шел в середине цепочки бегунов. Чемпион не торопился. Борьба еще впереди! Да и какой смысл догонять безумца, несущегося с такой глупой скоростью? Вскоре он сам выдохнется и отстанет.

Но прошло уже четыре круга, а Уильямс не сбавлял темпа. Просвет между ним и остальной группой бегунов достиг уже семидесяти метров.

— Рисли!.. Нажми, Рисли!.. — яростно требовали трибуны.

«Нет! — призвав на помощь все свое хладнокровие, твердо решил чемпион. — Нет, не поддаваться».

Он спокойно обошел двух бегунов. Теперь перед ним осталась только синя майка Уильямса.

Прошел шестой... седьмой... восьмой круг... Чемпион неотступно следил за лидером, который оторвался уже метров на восемьдесят. Не может же человек долго выдержать такой бешеный темп! Он должен сдать... И тогда, о, тогда Рисли обойдет его — измотанного, выдохшегося — и уже больше никого не пропустит вперед.

А Уильямс летел все так же неутомимо. Казалось, он именно летит: широкий, упругий шаг создавал впечатление

парения, полета над дорожкой. Словно какая-то волшебная сила несла его. Будто он и не устал.

В конце каждого круга, когда Уильямс пробегал мимо Хантера, тот, стоя возле дорожки с секундомером и графиком забега, громко кричал:

— Плюс одна! Жми, мальчик!

На самом деле Уильямс бежал уже на три секунды быстрее графика, составленного на побитие мирового рекорда. Но Хантер все время сообщал бегуну, что он выигрывает лишь одну секунду: Красавчик боялся, что, узнав правду, Уильямс сбавит темп.

Трибуны громыхали. Было уже ясно: Уильямс стремится не только прийти первым, но и улучшить национальный, а возможно, и мировой рекорд.

Это должно было радовать лондонцев, но, наоборот, многие зрители сердились на слишком резвого бегуна: пропадут их ставки.

И с каждым кругом все громче и яростнее ревели трибуны:

— Жми, Рисли!..

И Рисли не выдержал. В середине десятого круга он резко увеличил скорость. С каждой секундой все ближе и ближе подбирался он к лидеру и с каждой секундой все яснее чувствовал: все пропало, такой темп ему не выдержать.

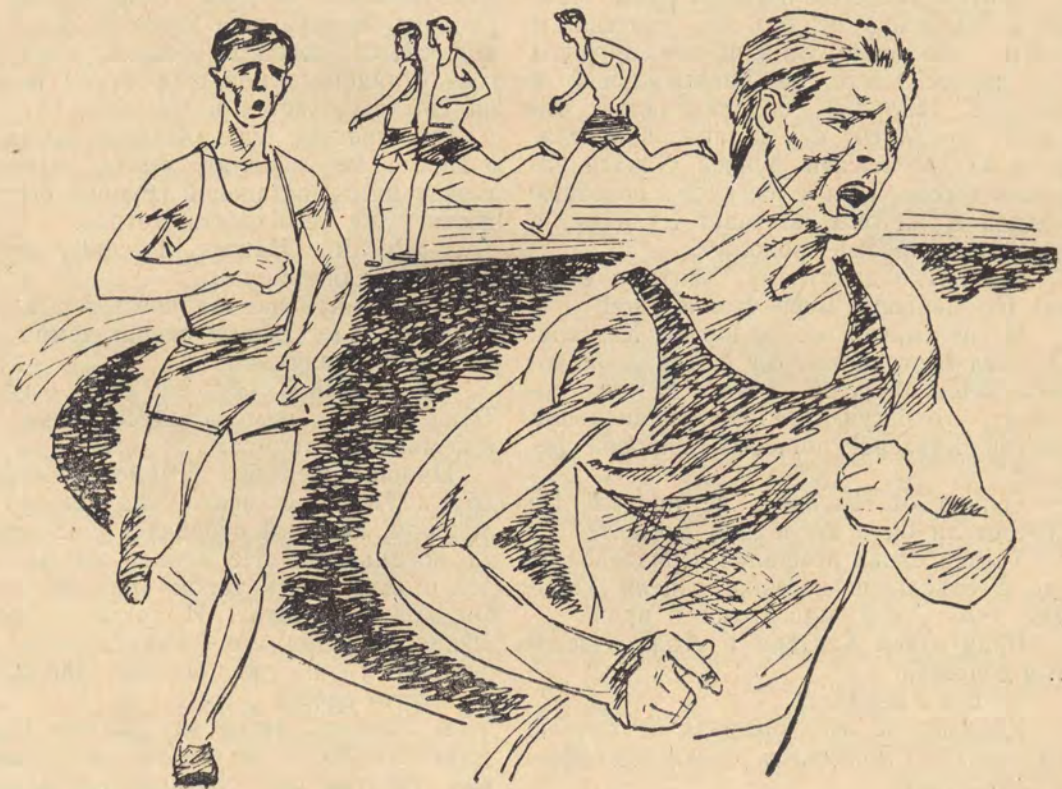
— Рисли!..— радостно выли трибуны, видя, как неуклонно сокращается просвет между бегунами.

Но на одиннадцатом круге Рисли вдруг прижал руки крест-накрест к груди, будто собрался молиться, сделал шаг влево на футбольное поле и ничком упал в траву...

К нему бросились санитары.

Трибуны на миг замерли и тотчас разразились улюлюканьем, свистом и дикой бранью.

...А состязание продолжалось. Уильямс по-прежнему стремительно покрывал одну сотню метров за другой. Не прошло и полминуты, как зрители, охваченные спортивным азартом, переметнулись на его сторону. Казалось, все эти спекулянты, маклеры, игроки и богатые бездельники вдруг стали истинными

патриотами Британии. Они поняли: деньги безвозвратно потеряны, и теперь до них наконец-то дошло, что Уильямс вот-вот поставит рекорд.

— Жми, Уильямс! — взревел стадион. — Сделай рекорд!

Шел уже двенадцатый круг. Бегун показывал отличное время. Только бы не сдал, только бы выдержал темп!

Рот Уильямса был широко, судорожно раскрыт, из груди вырывался хрип, обезумевшие глаза, казалось, не видели ни дорожки, ни трибун... И все-таки он по-прежнему автоматически взмахивал руками и ногами и мчался вперед.

Судьи уже натянули в конце финишной стометровки белую ленточку. Хронометристы приготовили секундомеры.

Последние метры... Рывок... Бегун грудью упал на ленточку...

Стадион взревел. 13 минут 34,6 секунды! Рекорд сделан!

Сразу, даже не дождавшись решения судейской коллегии, заработали репродукторы, бросая в толпу радостное известие. Стадион гремел и ликовал.

И только небольшая часть зрителей молчала, не сводя глаз с победителя.

Уильямс, сорвав финишную ленточку, по инерции пробежал еще несколько шагов и вдруг, скорчившись, упал.

Широко раскинув руки, он ногтями скрюченных пальцев судорожно царапал землю, раздирая в кровь губы, грыз мелкую хрустящую гарь беговой дорожки. Рот его был набит песком, с губ стекала кровь и слюна.

Дежурные врачи и санитары бросились к бегуну.

Впереди всех, в халате, с развевающимися на ветру полами, бежал тот врач, который перед стартом в кабине Уильямса докладывал Хантеру: «Все в порядке!»

Он быстро вынул из чемоданчика шприц и сделал бегуну укол. Игла в пальцах врача дрожала...

В левом кармане его пиджака, в портмоне, рядом с пачкой полученных от Хантера ассигнаций, лежала аккуратно сложенная бумага. Всего несколько строк. Врач помнил их наизусть:

«Находясь в твердом уме и здравой памяти... Прошу перед забегом... Ввести мне новый препарат... Предельную дозу... Я хочу поставить мировой рекорд. Всю ответственность целиком беру на себя».

И подпись — Уильямс.

Хантер вертелся тут же.

— Доппинг! Обычный доппинг! — суетливо объяснял он окружающим. — Сейчас... Пройдет...

Невдалеке от беговой дорожки, в широком асфальтированном проходе между трибунами уже стоял заранее приготовленный «Паккард». Хантер махнул рукой шоферу, чтобы тот помог погрузить спортсмена. Надо как можно быстрее и незаметнее увезти его со стадиона.

Но Уильямс оттолкнул шофера. Приподнялся с земли, обвел всех мутными, невидящими глазами, сделал два шага и снова грузно осел на дорожку.

— Это не доппинг! Это преступление! — крикнул Броунинг, бросаясь к бегуну.

Уильямс, с трудом приоткрыв тяжелые веки, узнал Броунинга. Толстяк-врач, задыхаясь после вынужденной пробежки, сделал знак санитарам, и те поднесли носилки.

— Что с вами? — спросил Броунинг, наклонившись к спортсмену, в то время как его укладывали на носилки.

— Новый препарат... — еле шевеля распухшим языком, прошептал Уильямс. — Стрихнин, феномин и еще какая-то дрянь... Двойная доза...

Врач оторопел. Обслуживая состязания, он уже привык к доппингам и перестал возмущаться, когда перед состязанием спортсменам вводили наркотики.

Но стрихнин?! Сильнейший яд, которым травят крыс! И притом — в лошадиной дозе! Такого еще не встречалось в его врачебной практике. А впрочем... все понятно: очень слабый раствор этого страшного яда — тысячные доли грамма — иногда применяется для активизации центральной нервной системы. Но здесь гораздо большая доза! В комбинации с феномином это вызывает лихорадочное возбуждение, которое, однако, очень кратковременно. А дальше — неизбежная расплата...

Между тем плавно покачивающиеся носилки медленно продвигались к раздевалке.

— Стойте! — вдруг скомандовал больной.

Он приподнялся, открыл глаза и хрипло сказал:

— Мне лучше. Дойду сам...

К нему тотчас подскочил Хантер,

услужливо помог встать и обнял бегуна за плечи, поддерживая его.

— В ушах...— виновато, словно оправдываясь, прошептал Уильямс.— Звонит...

Он, качаясь, стоял на месте и вслушивался в разноголосый шум трибун. Репродукторы разносили по стадиону мощный бас диктора:

— ...британские спортсмены, поставив новый мировой рекорд, вновь доказали всему миру...

Уильямс горько усмехнулся. Только сейчас он заметил: рука Хантера лежит на его плече. Оттолкнув Красавчика, бегун, неуверенно ступая, двинулся к широко раскрытой двери раздевалки.

Ему опять стало плохо. Но он сжал

зубы, стараясь подавить нахлынувшую слабость. Быстрее укрыться от толпы, лечь, отдохнуть...

А Броунинг стоял, пораженный ужасом.

Уильямс, как безумный или слепой, тыкался в серую каменную стену трибуны возле главного входа в раздевалку и никак не мог попасть в распахнутую дверь.

Он не понимал, что с ним происходит, и вместо того, чтобы сделать шаг влево, где находилась дверь, двигался правее, еще правее... И лицо его опять было беспомощным, словно виноватым.

«Потеря ориентировки! — стиснув руки, с ужасом думал Броунинг.— Калека. Навсегда..».

СЛЕДОПЫТСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

Боевая медаль слона

По зоопарку Ханоя гуляет слон: он без одного бивня. Почему? Бивни потеряны в боях за освобождение Северного Вьетнама.

Прямо под огнем слон-герой перевозил на себе орудия и снаряды. Он первый в мире среди слонов награжден медалью за боевые заслуги.

Здесь живут змеи

Под этими крышками — норы змей. Здесь, недалеко от Ханоя, их выращивают в большом змеином питомнике.

Работники питомника поднимают крышки и прямо руками достают змей, отправляют их в лабораторию, где получают яд для лечебных целей.

СЛЕДОПЫТСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

Чье это гнездо?

На дереве — гнездо. Оно очень похоже на птичье или осиное. Но на самом деле в нем живут... муравьи.

Объясняется этот факт очень просто: во Вьетнаме выпадает столько осадков, что муравьи вынуждены, спасаясь от воды, строить свои жилища на деревьях.

На крыше мира

Слышали ли вы о газете, которая вышла единственный раз, тиражом в один экземпляр да еще на

На крыше МИРА

№ 1 12 октября 1964 г. Объем печати 1 экз. Федченко Цена копеек 5000

Скала на «ножках»

Волны, ветер и течение разрушили основание скалы-островка так, что поставили ее на «ножки».

О. Владимиров

высоте около пяти тысяч метров над уровнем моря!

Ее выпустили четверо зимовщиков с памирского ледника Федченко. Прошлым летом мне довелось побывать в тех местах. Метеорологическая станция расположена на каменной марене, выступающей небольшим островком на языке ледника, самого длинного в Советском Союзе. Я увидел яркие альпийские цветы в клумбах, такие необычные в царстве вечных снегов, похожую на ангар метеостанцию, радиомачту, различные приборы.

А рядом, сверкая сахарными шапками, упирались в небо семитысячники — пики Коммунизма, Кржижановского и другие. На площадке перед метеостанцией я и увидел газету «На крыше мира».

М. Азарх

ерегу я всегда считал не очень надежным соседом. Во время дворовых баталий, когда мы носились вокруг дома с фанерными щитами и выструганными из реек мечами, он обычно занимал наблюдательный пост на своем балконе и, формально соблюдая нейтралитет, втихомолку сообщал то одной, то другой стороне о численности противника, о засядах и возможных тактических ходах.

Обе враждующие армии в дни сражений охотно пользовались его информацией. Зато во время перемирий Серега ходил с синяками, которыми щедро награждали его представители той и другой стороны.

Однажды летом, когда большинство наших ребят разъехалось по дачам и пионерским лагерям и двор превратился в арену мирного сотрудничества, Серега начал против меня холодную войну.

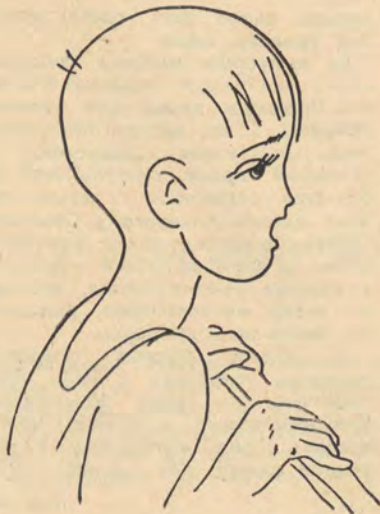
На перилах его балкона неожиданно появились девять солдат, три танка и две пушки, жерла которых были направлены на мое окно. Наши переговоры были кратки.

— Ты чего, на меня? — спросил я Серегу, когда он вышел на балкон с десятком солдатом в руке.

— А хоть бы и так.

— Объявляешь войну?

— Пока нет.

— Тогда убери своих солдат... И вообще ты поступил нечестно, ведь знаешь, что я весь свой пластилин истратил на макет планетария и теперь ничего не могу выставить против тебя.

Серега промолчал, только улыбнулся ехидно и демонстративно прикрепил к перилам десятого солдата с развевающимся флагом.

Что мне оставалось делать? Я поступил так, как бы на моем месте поступил всякий уважающий себя человек: провел тотальную мобилизацию остатков пластилиновых ресурсов и с трудом наскреб материала на две фигурки солдат. Но выставить их на подоконник так и не решился. Что такое два тонконогих заморыша против десятка дородных Серегиных гвардейцев!

Враг был коварен и хитер. Он начал

Пусть всегда

свои действия рано утром, да еще в понедельник, когда все магазины, торгующие пластилином, закрыты. Я побежал во Дворец пионеров с твердым намерением взять с выставки свой планетарий, чтобы тотчас превратить его в руины и пластилин пустить на военные нужды. Благо, Дворец был рядом.

Но когда я увидел плод своего двухнедельного труда на высокой подставке в самом центре выставочного зала и прочитал под ним имя автора, мое варварское желание моментально исчезло. Козни Сереги были мельче высокого назначения науки.

Пришлось жертвовать серией новозеландских марок. На них я выменял у Женьки Макухина изрядный ком пластилина и с головой ушел в работу.

Через час Серега вывел на балкон новые силы. Подняв край занавески, я наблюдал из окна, как он расставлял технику на стыках между шеренгами пехоты. Армия его выросла до пяти танков, десяти орудий и двадцати шести солдат. Правда, это были уже не вчерашние холеные франты, а какие-то инвалиды, косяки, безликие, похожие скорее на арестантский сброд.

Я ликовал: превосходство в технике было на моей стороне. Дождавшись, когда Серега закончит расстановку своих сил, я торжественно раздвинул занавески и крикнул:

— Соппротивление бессмысленно, капитулируй!

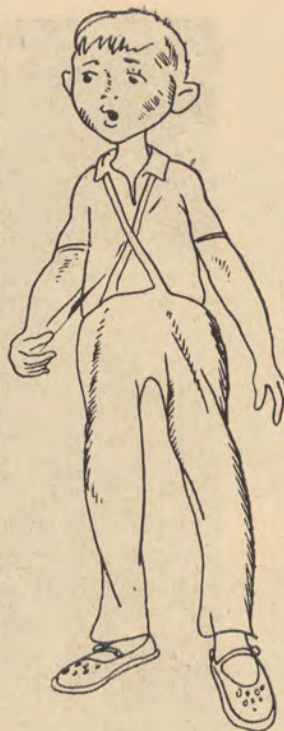
Мой подоконник был сплошь заставлен самолетами, орудиями дальнбойной артиллерии, миноносцами и подводными лодками. Сережка аж зажмурился от такого обилия вооружения.

— Ступай, готовь белый флаг,— кричал я агрессору.— Жду до четырнадцати ноль-ноль. В случае молчания буду вынужден начать военные операции!

Серега покинул балкон. Но армию с перил не убрал. Я тотчас раскусил его военную хитрость: сейчас он начнет в спешном порядке поиски пластилина у дворовых ребят. Надо действовать!

Втроем мы лихо-радочно принялись за дело. Надо было спешить — приближался роковой час: четырнадцать ноль-ноль. Рыжий Ленька раскатывал брусочки пластилина в длинные колбаски, Сашок нарезал из них заготовки для ракет, а я прилаживал хвостовые оперения и заострял снарядам носы.

За полчаса мы завалили ракетами весь кухонный стол. Теперь следовало перебазировать их

будет солнце!

Схватив альбом с марками, я выбежал из квартиры. На лестничной площадке мы столкнулись носом к носу. У Сереги в руках была банка с водой, в которой плавал тигровый меченосец. Я так и знал: враг идет к Сашке Бедову, готовому выменять у Сереги редкую рыбешку на что угодно.

В таком случае я иду к Сашке Холопову — прощай, моя Британская Гвиана! От Славки я побежал к рыжему Леньке и за три марки Никарагуа взял еще одну коробку пластилина.

Теперь хватит! Если, конечно, Серега не догадается отнести свою знаменитую пару неоновых рыбок Шурику Табакову. Тогда я пропал: у Шурки пластилину навалом... Зайду-ка я к Боре Самсонову, может, он соблазнится каравеллой Колумба!

К полудню моя коллекция марок значительно поредела. Зато я располагал восемью коробками пластилина и двумя помощниками для пополнения резервов. По имеющимся у меня сведениям Серега, опустошив свой аквариум, сумел выменять только шесть коробок да и то неполных.

на подоконник. Я добрался к окну,

чтобы незаметно потеснить свою старую технику и освободить место для новой.

Но что это! Вместо самолетов и орудий, миноносцев и подводных лодок на подоконнике лежала какая-то бесформенная жидкая масса. Кое-где из нее торчали, согнувшиеся крючком, стволы пушек и мачты кораблей.

А что творилось на перилах Сережкиного балкона! Они напоминали залитый кремом торт «Березовое полено».

Солнце! Это оно, выкатившись после полудня из-за угла дома, растопило своими горячими лучами всю нашу мишурную военную мощь... Я уселся на подоконник и начал горланить:

— Пусть всегда будет солнце!..

Но тут из открытой двери соседнего балкона до моего настроженного уха донеслись сердитый женский голос и сдержанные завывания бывшего врага. Разговор, по-видимому, шел на высшем уровне. Серегу мать ругала за рыбок... Я завидовал ему, потому что разговор с моей мамой был еще впереди.

Вит. ПАШИН

Фото Германа Перебатова

У ЛУКОМОРЬЯ

ДУБ

ЗЕЛЕНЫЙ...

Видно, лица у нас были очень огорченные. Потому что касирша на пристани в Уфе после слов: «Сегодня больше прогулочных рейсов по Белой нет» сразу же посоветовала: «А вы спуститесь на переправу и на тот берег. Красиво там. Поедете — не пожалеете».

Мы купили билеты и стали ждать, когда к причалу подойдет старенький речной катер, на борту которого «старшим матросом» была подвижная боевая женщина лет шестидесяти.

Путешествие по Белой с одного берега на другой длилось не более десяти-пятнадцати минут. А потом...

Потом мы попали в мир сказки. Невольню на ум пришли дорогие с давних лет строчки:

У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том,
И днем, и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом...

Не было моря, не было кота на золотой цепи. Но нас окружили старые деревья-великаны самой причудливой формы.

Казалось, вот-вот оживут знакомые с детства образы. Из огромного дупла появится на своей ступе баба-яга. Длинные, вросшие в землю ветви гиганта, раскинувшегося на несколько метров, вдруг превратятся в ноги злого чудовища и он бросится в погоню за тем, кто нарушит покой этого сказочного царства.

А через необыкновенные ворота, созданные тремя сросшимися деревьями, с пустого песчаного берега пройдут тридцать прекрасных витязей.

Захотелось поискать среди этих великанов доброго лешего, а на ветвях самого древнего и величественного — увидеть печальную русалку...

Но внезапно сказка исчезла. С громким фырканьем подъехал к ларьку «Минеральные воды — лимонад» грузовик. Откуда-то появились студенты-геодезисты. Десятиминутную тишину разорвали крики мальчишек, гонявших по берегу мяч...

Мы же сделали несколько снимков, чтобы читатели вместе с нами побывали в этом необыкновенном мире сказки, созданном природой.

О СЛЕТЕ СЛЕДОПЫТОВ

Пятый Уральский — традиционный ежегодный слет следопытов. Цель его — расширить следопытское движение, обменяться опытом работы, отчитаться о проделанных за год общественно полезных делах, обменяться мнениями, планами и мечтами, выявить лучшие следопытские отряды и определить победителей в соревновании за переходящие призы журнала «Уральский следопыт». Флаг нынешнего слета — подготовка к 50-летию Советской власти и 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Следопытский коллектив создается на базе школы, детского дома, ремесленного училища, техникума, вуза, клуба, промышленного предприятия, колхоза и совхоза. На слет приезжает отряд численностью от шести до десяти человек. Могут объединиться в отряд следопыты нескольких школ, учебных заведений и предприятий.

В соревновании за переходящие призы журнала принимают участие следопыты-школьники и коллективы молодежи — раздельно каждый по своей группе.

Не позднее 1 июня участники подают в редакцию журнала заявку. Они сообщают, какой в течение года провели следопытский поход, какие на счету отряда общественно полезные дела.

Организацию и подготовку слета ведет оргкомитет, созданный редакцией журнала.

В мае в каждой из республик и областей создается местный штаб подготовки к слету из представителей обкома ВЛКСМ, директора ДЭТС, председателя республиканского, областного совета по туризму. Он утверждает кандидатов, оформляет документы.

Слет проводит совет из представителей оргкомитета, судей, ученых-консультантов, а также представителей отрядов-участников.

Нынешний слет состоится 20, 21, 22 августа в Свердловской области, на реке Сысерть, у села Черданцева (Бажовские места).

20 августа — прибытие и регистрация отрядов, оборудование площадки, получение продуктов, оформление выставок. Вечером — торжественное открытие слета. Костер.

21 августа — следопытская игра-соревнование. Форум следопытов. Осмотр выставок. Киновечер.

22 августа — закладка коллективного следопытского гектара, подведение итогов. Вручение призов. Торжественное закрытие слета.

Победители в соревновании за переходящие призы журнала определяются по итогам обще-

ственно полезных следопытских дел, свершенных за год.

Средства на дорогу, питание в пути и во время слета изыскивают местные штабы. Остальные расходы по организации, подготовке и проведению слета обеспечивает оргкомитет области, где проходит слет.

Все отряды привозят свой вымпел, рапорты-отчеты, выставочные материалы, любительские кинофильмы (если есть), спортивные костюмы, походное снаряжение, участвуют в концерте у следопытского костра дружбы.

В НОМЕРЕ:

ВЕНОК СОНЕТОВ. Ник. Мережников. Поэма	1
МОЯ АГИДЕЛЬ. Рамиль Хакимов. Очерк	6
И ПРИХОДИТ СЮДА НАРОД. В. Шигаikin, А. Мусин.	12
СКРИПКА СТРАДИВАРИ. Н. Ошивалов	15
ОТ СМЕРТИ НА СЕКУНДУ. Л. Обухов. Повесть	17
СЛЕДОПЫТСКАЯ ЛЕНИНИАНА. Д. Наумов	26
ПО СЛЕДАМ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»	28
ЭСТАФЕТА ПЛАМЕННЫХ СЕРДЕЦ. М. Минеев	30
ОХОТНИК ЗА НЕВИДИМКАМИ. Марсель Гафуров. Очерк	34
ДЖИГИТЫ МОТОДРОМА. Д. Гальперин	38
ДЕЛО. Ю. Хазанович. Документальная повесть. Окончание	40
ПО СЛЕДАМ ЛЕГЕНД. Г. Вахрушев, профессор	50
БУДЬ ГЕОЛОГОМ. Е. Серебrenникова	52
ЧЕКИСТ ВАСЯ ИСАЕВ. М. Маркевич. Рассказ	53
СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ	60
О СТРАННЫХ ТУРИСТАХ И НОВОМ МИНИСТЕРСТВЕ. К. Саксеев	62
ВЕНЯ С ФЕНЕЙ — РЕЧНИКИ. В. Эрвайс. Рассказ	64
ПОСЛЕДНИЙ КРУГ. Борис Раевский. Рассказ	67
СЛЕДОПЫТСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП	74
ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ СОЛНЦЕ! В. Пашин. Рассказ	76
У ЛУКОМОРЬЯ ДУБ ЗЕЛЕНЫЙ	78

Обложка С. Киприна.

Технический редактор
Э. Максимова.

Рукописи
не возвращаются.

Корректор
В. Бурангулова.

Адрес редакции: Свердловск, ГСП 353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87.
Телефоны Д1-22-40, Д1-26-01, редактора, Д8-04-49, производ. отдел.
Средне-Уральское Книжное Издательство.

Подписано к печати 18/III 1966 г. Бумага 84×108/16=2,62 бум. л.— 8,61 печ. л. 9,47 уч.-изд. л.
НС 20119. Тираж 110 000. Цена 30 коп. Заказ 103.

Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.
Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49.

ЗАБЛУДИВШИЕСЯ

И.Тарабукин

РИФМЫ

Позади раздумья, сборы.
Путь-дорога далека.
Впереди синеют горы,
Где гуляют... камыши.

Снаряжение в порядке,
Вышли в путь не новички:
Хлеб, консервы и палатки —
Все сложили в ... котелок.

Солнце их давно торопит,
И отряд вперед спешит.
Шли сначала через топи,
Раздвигая... облака.

Вверх карабкались к вершине
И смотрели с вышины,
Как гора по всей долине
Раскатала... голоса.

На лужайке возле клена
Задержались на часок,
Из ручья воды студеной
Зачерпнули в... рюкзаки..

Хоть немало прошагали
Через горы и леса,
Вновь задорно на привале
Зазвенели... валуны!

Над костром — походной печкой —
Дым колечки вил вверху.
А ребята рыбы в речке
Наловили... не туда.

И стихи о том сложились.
Только вот одна беда:
Рифмы вроде заблудились
И попали... на уху!

Рисунки Ю. Ефимова

52-9 стр.

30 коп.

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ.
Редколлегия: А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН, МУСА ГАЛИ,
В. ЖИТЕНЕВ, С. ЗАХАРОВ (ответственный секретарь), В. КРАПИВИН, Ю. КУРОЧКИН,
А. МАЛАХОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (зам. главного редактора),
Ю. ХАЗАНОВИЧ, В. ШУСТОВ.

2